ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

2. 2001

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2001, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К. Н. САНУКОВ (главный редактор)
Ю. В. Андуганов (зам. главного редактора)
В. Е. Владыкин
Ю. А. Зеленеев (отв. секретарь)
А. Г. Иванов
М. Г. Иванова
А. Д. Каксин
В. К. Кельмаков
Г. М. Керт
Н. Д. Конаков
В. Г. Кудрявцев
Т. Л. Молотова
В. В. Напольских
Т. Б. Никитина
А. Н. Ракин
В. В. Седов
В. С. Соловьев
Д. В. Цыганкин

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© **НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ,** г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Куликов К., Никитина Г., Иванова М. Удмуртскому институту истории, языка и литература Уральского отделения РАН — 70 3
Гришкина М. Ненасилие: архетипы и социокультурные доминанты восточных финно-угров 26
Данилов О. Культ лося и оленя у финно-угорских народов (истоки и развитие) 36
Тираспольский Г. К проблеме контактов финно-угорских языков с праславянским 57
Калягин С. Кооперация и сохранение марийской вышивки 70
Кудрявцева Р. Рассказ Геннадия Гордеева «Водяная мельница»: опыт целостного анализа 81

СООБЩЕНИЯ

Коснырева О. Трагедия сильной личности-одиночки в произведениях коми писателей конца двадцатого века 93
Лисовская Г. К. Ф. Жаков и его роман «Сквозь строй жизни» в мифологическом аспекте 101
Сабитов С. Русские сказочные и былинные сюжеты в устном творчестве марийцев 107
Семенова М. Аллитерация по местоположению в карело-финских рунах и марийских языческих молитвах 112
Плосков И. Еще раз о коми топониме летка (лэтка) 120
Соловар В. Средства выражения отрицания в хантыйском предложении 124
Малова В. Возникновение синонимов в горномарийском литературном языке на примере глаголов 130
Глухова Н. Gender Research in Mari El 132

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Кудрявцев В. Рец.: Климов К. М. Ансамбль как образная система в удмуртском народном искусстве XIX—XX вв. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 1999. 320 с. 136
Никитина Г. Рец.: Иванова М. Г., Куликов К. И. Древнее искусство Удмуртии / Фотоальбом. Ижевск, 2000. 28 п. л. 140
Никитин В. Рец.: Жульников А. М. «Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой)». Петрозаводск, 1999. 97 с.: табл.+илл. 145
Куклин А. Рец.: Е. Н. Мустаев. Марий синоним мутер. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2000. 544 с. 149

ХРОНИКА

Кудрявцев В. Congressus Nonus Internationalis Fenno-ugristarum. Тарту, 7—13 августа 2000 г. 161
Андуганов Ю., Глухова Н. Международная научная конференция «Актуальные проблемы финно-угорской филологии». (Йошкар-Ола, 16—17 ноября 2000 года) 164
Сануков К. Научная конференция по финно-угроведению и преподаванию финно-угорских языков 168
Содержание журнала «Финно-угроведение» за 2001 год 171
Сведения об авторах 174

«Финно-угроведение», 2001, № 2.

СТАТЬИ

Кузьма Куликов, Галина Никитина, Маргарита Иванова
Ижевск

УДМУРТСКОМУ ИНСТИТУТУ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН – 70

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН был создан в марте 1931 г. как самостоятельный Научно-исследовательский институт им. 10-летия УАО для объединения всей научно-исследовательской работы и планового изучения производительных сил и культурно-социальных вопросов. В течение 57 лет он находился при Совете Министров республики, а с 1988 г. входит в систему Российской академии наук. Вся его деятельность связана с исследованиями в области гуманитарных наук, так или иначе имеющих отношение к истории, политике, культуре не только Удмуртии, но и Поволжско-Приуральского региона. Невозможно переоценить его роль в развитии культуры удмуртского этноса, в становлении научных и педагогических кадров, в воспитании целой плеяды представителей национальной интеллигенции.

Сегодня имеются все основания говорить о том, что становление и развитие удмуртского языкознания как научного направления начиналось в его стенах, здесь была инициирована разработка норм единого литературного языка, заложены основы для изучения истории края, его культуры и искусства кадрами профессиональных ученых.

Наиболее значимыми результатами научной деятельности института в период пребывания его при Совете Министров УАССР стали коллективные монографии «Очерки истории Удмуртской АССР» (в 2-х тт.: 1958, 1962), «Очерки истории Удмуртской организации КПСС» (1968), ряд изданий, посвященных юбилейным датам («Удмуртия за 40 лет Советской власти», «40 лет Удмуртской АССР», и др.), историографические труды «Развитие науки в Удмуртии. Технические и естественные науки» (1977), «Развитие экономической и философской мысли в Удмуртии» (1977). С позиций сегодняшнего дня можно говорить о некоторых недостатках исследований тех лет (вспомним, что основное назначение научных трудов

советского времени часто заключалось в подтверждении фактическим материалом официально признанных теоретических положений и выводов), но недооценивать работу наших предшественников было бы крупной ошибкой. В их трудах – большое количество фактов, извлеченных из архивов, справочников, периодических изданий; это результат важного и значительного этапа не только в истории нашего института, но и в истории удмуртской науки, и совершенно очевидно, что без их исследований сегодня многое пришлось бы начинать с нуля.

В области удмуртского языкознания был разработан ряд узловых вопросов терминологии, правописания, диалектологии, орфографии, методологии. Значительным явлением стало издание «Грамматики современного удмуртского языка» (фонетика и морфология, синтаксис простого и сложного предложения) в трех книгах (1962, 1970, 1974), удмуртско-русского (1948, 1983) и русско-удмуртского словарей (1942, 1956). Институт подготовил и издал «Очерки истории удмуртской советской литературы» (1957), «Удмурт литература» (1966) и монографические исследования по творчеству удмуртских писателей М. Петрова (1960) и Г. Медведева (1963). За заслуги в исследовании удмуртского языка, литературы и истории, развитии просвещения и культуры Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 марта 1981 г. институт награжден Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Однако в 1970-е гг. деятельность института во многом перестала отвечать требованиям времени и ожиданиям общества. Это была не вина, а беда коллектива. В середине 1970-х гг., якобы в целях экономии дефицитной бумаги, правительством и Госкомиздатом СССР были приняты нормативные документы, запрещавшие издание монографических трудов ученым, работавшим в отраслевых научно-исследовательских учреждениях, к которым был отнесен и наш институт. Сотрудники могли ежегодно публиковать по полтора печатных листа научной продукции в виде отдельных статей, но не более. Институтам гуманитарного профиля, конечной продукцией которых должен быть выпуск книг (в научном мире о зрелости коллектива судят по количеству изданных монографий), такая система наносила огромный вред: исчезала заинтересованность в проведении фундаментальных исследований, ибо научные наработки и результаты серьезных изысканий откладывались в столе, в лучшем случае – в двух-трех экземплярах депонировались в научных архивах. Создавая небольшие статьи, ученые теряли квалификацию, уходили в мелкотемье, лишались возможности приобретать опыт создания крупных монографических и учебно-методических трудов. Сборники статей, издаваемые ограниченным тиражом, в основном реализовывались среди узкого круга специалистов, до массового читателя не доходили.

Запрет на подготовку и публикацию монографических трудов пагубным образом отразился на творческом росте коллектива. Не случайно за 47 лет существования института всего два его сотрудника защитили докторские диссертации. Первым доктором в 1960 г. стал лингвист Петр Николаевич Перевощиков. При этом ему пришлось специально обращаться к первому секретарю Удмуртского обкома партии с просьбой разрешить публикацию своей монографии. Защита второй диссертации произошла спустя 18 лет: в 1978 г. доктором исторических наук стал заместитель директора по научной работе Никифор Павлович Павлов.

В научных учреждениях, относящихся к системе Академии наук, подобных ограничений не существовало. Более демократичные формы организации научной деятельности, добротная материальная обеспеченность, лучшее финансирование, целенаправленная подготовка кадров ученых в учреждениях Академии наук заставляли задумываться, искать возможные пути перехода в эту систему.

Ставя перед собой задачу перехода в академическую систему как стратегическую, коллектив предварительно должен был решить ряд конкретных проблем. Прежде всего – создать необходимую материально-техническую базу, а именно – построить новое здание. Помещение, в котором располагался институт, считалось историческим памятником и охранялось государством (ул. Советская, д. 14), но оно было совершенно не приспособлено для ведения научной работы. Это было старое, ветхое здание, без теплоизоляции потолков, не имеющее надежного фундамента и гидроизоляции, доведенное практически до полной непригодности. Уникальный библиотечный фонд, находившийся в полуподвальном помещении, мог быть полностью уничтожен сыростью и плесенью.

Еще в середине 1970-х гг. директор института В. Г. Гусев начал работу по проектированию здания и отводу территории, но завершить ее в то время не удалось. К. И. Куликов, ставший директором в 1978 г., развернул активную деятельность по оформлению необходимой документации. Партийные и советские органы Республики к идее строительства нового здания отнеслись с пониманием и были готовы пойти навстречу, но проблема заключалась в том, что средства на строительство объектов науки из республиканского бюджета не выделялись: таков был порядок, установленный директивными органами Центра. Требовались определенная смелость и трезвый хозяйственный расчет, чтобы решить эту проблему. Секретарь Удмуртского Обкома КПСС по промышленности и строительству Виктор Александрович Кардаполов и Председатель Совета Министров УАССР Юрий Петрович Кудяшев приняли решение выделить средства из статьи капитального строительства Министерства просвещения, которое их систематически не осваивало. Место для нового здания института было отведено по улице Ломоносова, где под снос попадали два двух-

этажных деревянных дома. Новую проблему, возникшую в связи с необходимостью размещения 19 семей из сносимых домов, помог решить председатель Ижевского горисполкома Борис Владимирович Шишкин. Строительные работы поручались Тресту № 18 во главе с Виктором Михайловичем Пескишевым.

Целый год ушел на проектно-сметные работы и согласование возникающих вопросов во всех инстанциях и контрольных органах. Наконец, началось строительство, и мечты сотрудников института о новом здании стали приобретать реальные очертания. Весь коллектив с огромным энтузиазмом включился в рабочий процесс: участвовали в вырубке деревьев со строительной площадки, бетонировали подвал, возводили стены в качестве каменщиков, убирали строительный мусор и т. д. С момента закладки фундамента и до конца строительства здания коллективом было отработано более двух с половиной тысяч дней! Беспрецедентный случай в практике научных учреждений! Республиканские органы и руководители промышленных предприятий с готовностью откликнулись на просьбы оказать помощь в оснащении здания мебелью, необходимым оборудованием.

Осенью 1981 г. коллектив перешел в новое здание. Для всех сотрудников это был настоящий праздник. У института расширились возможности развития, появились новые перспективы. Материальная база теперь позволяла увеличивать количество научных сотрудников, соответственно – расширять и тематику исследований. Конечно, традиционное финансирование по остаточному принципу по-прежнему осложняло реализацию многих актуальных задач, но позитивные шаги в развитии института все же были налицо. Так, по-прежнему уделялось внимание подготовке кадров молодых ученых в авторитетных академических и вузовских центрах, известных в стране и за рубежом своими научными школами. Особенно большую роль в подборе и воспитании молодых ученых сыграл заместитель директора по науке Н. П. Павлов. Способные молодые люди, проявлявшие интерес к исследовательской работе, направлялись в аспирантуру в академические институты Москвы, Ленинграда, Казани, Эстонии. А спустя несколько лет, почти ежегодно в институт возвращались уже три-четыре дипломированных кандидата наук. Не решенной оставалась задача воспитания кадров высокой квалификации, т. е. докторов наук. Для их подготовки необходимо было создавать новую систему работы как в научно-организационной, так и в научно-исследовательской сферах.

Администрацией института были написаны десятки различных писем в директивные органы с разъяснениями, что существующая практика не бережет средства, а, наоборот, растрачивает их впустую. Сломать систему не удавалось: институтам, относящимся к местным органам власти, выпускать монографии по-прежнему не разрешалось. В сложившейся си-

туации переход в академическую систему представлялся единственным решением, позволяющим преодолеть это препятствие.

В ходе консультаций с директором Физико-технического института, видным советским и российским ученым, лауреатом Государственной премии СССР, доктором наук В. А. Трапезниковым, который, в свою очередь, провел ряд встреч с основателем Уральского отделения РАН академиком Г. А. Месяцем, выяснилось, что этот переход вполне возможен.

Процесс согласования вопроса во всех инстанциях был сложным и трудным, и надо отдать должное прежде всего академику Г. А. Месяцу за оказанную поддержку и помощь. Многочисленные поездки директора института в Совет Министров СССР, Госплан и Минфин СССР, наконец в ЦК КПСС, в конечном итоге увенчались успехом. В 1988 г. Удмуртский научно-исследовательский институт при СМ УАССР перешел в академическую систему, что вслед за решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР констатировало Постановление Президиума УрО АН СССР.

С включением в систему Академии наук более четко определились основные направления исследовательской деятельности: историческое и филологическое. Отдел экономики был переведен во вновь созданный отдел Института экономики УрО РАН под руководством О. И. Боткина. Отдел методики преподавания удмуртского языка и литературы, созданный по нашей инициативе и призванный впервые в Удмуртии воспитывать кадры методистов, был упразднен, сотрудники переданы в структуру Министерства народного образования и в Удмуртский университет. В дальнейшем началась разработка соответствующих документов по созданию Института национального образования, в процессе которой наши сотрудники приняли самое деятельное участие.

Одновременно с изменением статуса института происходила и перестройка региональной науки – создавалось Уральское отделение РАН, в состав которого официально переходил Удмуртский институт. Этот переход ознаменовался еще одним событием: возникла объективная возможность для организации Удмуртского научного центра. В Удмуртии впервые начала складываться система профессионального руководства наукой.

Сейчас мы смело можем говорить о сложившейся школе уральской академической науки, у истоков которой стояли выдающиеся ученые А. Е. Ферсман, И. П. Бардин, С. С. Шварц. И если на первых порах уральская академическая школа была больше известна фундаментальными исследованиями ведущих ученых в области прикладной математики, физики металлов, электрохимии, химии твердого тела, то с созданием Института истории и археологии под руководством видного ученого - доктора исторических наук Вениамина Васильевича Алексеева из положения «аутсайдера» вышли и гуманитарные направления исследовательских работ.

В лице Института истории и археологии УрО АН СССР Удмуртский институт приобрел непосредственного официального куратора и научно-методического консультанта.

Следует отметить, что обеспеченность филиалов Уральского отделения РАН кадрами высшей квалификации была весьма неравномерной. Так, Коми филиал имел пять докторов наук, Удмуртский институт истории, языка и литературы – одного, а в Екатеринбурге их насчитывалось более 500. Когда от Института физики металлов в Екатеринбурге отпочковалось подразделение, на базе которого в Ижевске был создан Физико-технический институт, количество докторов наук в Удмуртском научном центре увеличилось: в одном Физико-техническом институте работало уже около 10 докторов наук. Но для Удмуртского института ИЯЛ проблема специалистов высокой квалификации по-прежнему оставалась острой. Кстати сказать, Физико-технический институт также явился помощником для молодого академического учреждения в осуществлении организационных мероприятий при переходе на новую систему работы и в освоении ее сущности.

Деятельность Уральского отделения строилась на принципах централизованного руководства институтами совместно с отраслевыми отделениями АН СССР, предоставлением директорам больших прав в создании структурных подразделений, организации научной работы и хозяйственной деятельности на основе опыта Сибирского отделения АН СССР. Она осуществлялась через систему Объединенных научных советов, курирующих важнейшие научные направления. Наш институт вошел в Объединенный научный совет по гуманитарным наукам, созданный при Институте истории и археологии УрО АН СССР. В задачи Совета входит определение стратегических направлений в науке, организация и мобилизация институтов на выполнение общих тем, создание фундаментальных коллективных трудов, в том числе и энциклопедических изданий. При организации Уральского отделения АН СССР была критически рассмотрена вся система взаимосвязей академической, отраслевой и заводской науки и создан единый план внедрения результатов научных изысканий в жизнь. Академик Г. А. Месяц требовал от ученых Урала инициативы, высокой квалификации, честности, полной отдачи сил и знаний делу, стабильной целеустремленности и смелости. Сам он является блестящим примером для других руководителей: всегда последователен, требователен к себе и коллегам, верен своим принципам.

Немаловажным для нашего коллектива было то, что академическая наука имела более устойчивые связи с зарубежными научными центрами, в деловых и творческих контактах с которыми институт также нуждался. Одним словом, с переходом в академическую систему появились перспективы, которых до этого не было. Прежде всего – произошло раскрепоще-

ние, давшее ощущение свободы. При трезвом и разумном пользовании ею, при определенной стойкости и принципиальности можно было освободиться от необходимости выполнения многочисленных оперативных поручений вышестоящих чиновников «от партаппарата», подготовки и составления различного рода аналитических справок, докладов к юбилейным торжествам и т. д., отнимавших у ученых львиную долю времени и сил. Теперь можно было разрабатывать действительно научные проблемы, участвовать в конкурсах научных проектов, исследовательских программ, получать государственные заказы и соответствующее финансирование. Институт мог издавать фундаментальные труды и монографии без ограничения тиража, используя издательскую лицензию УрО РАН.

Для осуществления появившихся возможностей, реализации перспективных задач требовалась перестройка в умах сотрудников. Им необходимо было научиться четко планировать свою работу, определять приоритеты в исследовательском процессе, намечать перспективы профессионального роста и т. д., одним словом – научиться работать по-новому. Было ясно, что не все готовы к этому, и особенно те, кто, проработав долгие годы, не издал ни одной книги. Возможно, это была их беда, а не вина, но перестроиться в новых условиях они были обязаны. И задача – выпускать одну монографию или научно-популярную книгу объемом не менее 10 печатных листов за три года, от силы – за 5 лет – стояла абсолютно перед каждым научным сотрудником. Условия жесткие, но вполне справедливые, требующие дисциплины труда, творчества, целеустремленности, обязательности и ответственности. Теперь ни один ученый не отрывался на длительное время от исполнения своей плановой темы, особенно по каким-то посторонним причинам и обстоятельствам.

Была усовершенствована система учета, контроля и приема выполненных работ, которые в конце года принимались специальной комиссией по актам и сдавались в научный фонд. Подобная жесткость была продиктована необходимостью сохранения в фондах всех рукописей плановых работ и материалов экспедиций, чтобы исключить повторения случаев, когда некоторые увольнявшиеся сотрудники, проработавшие в течение многих лет, уносили рукописи трудов с собой, издавали их без грифа института и без ссылки на него, забывая, видимо, о том, что по закону эти рукописи были собственностью института.

Результативность научно-исследовательской деятельности каждого сотрудника напрямую была связана с гибкой системой материального поощрения и перспективами творческого роста, что создавало дополнительные стимулы в работе. Производительность труда поднялась многократно, и очень скоро коллектив ежегодно начал издавать по 15–20 книг, отличающихся не только высоким научным уровнем, но и качественным полиграфическим исполнением. Труды института получали известность в

республике, обретали заинтересованного читателя, становились востребованными научной и творческой интеллигенцией, но особенно радовало то, что появился устойчивый спрос на монографии со стороны студентов и преподавателей вузов, а также коллег из других научных центров страны и зарубежья.

Создание специальной группы, занимающейся процессом предтипографской подготовки научных трудов, позволило сэкономить время научных сотрудников на верстке, чтении и исправлении корректур. А когда в институте появилась компьютерная техника, макетированные версии монографий, сборников и иных научных работ стали представляться в типографию на компакт-дисках, а в некоторых случаях – на пленках-матрицах.

Интенсификация издательского процесса, значительное увеличение количества публикуемых трудов, особенно монографий, помогло быстрому профессиональному росту сотрудников. В 1992 г. в Институте этнологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая диссертацию на соискание ученой степени доктора наук по теме «Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф)» защитил молодой, талантливый этнолог В. В. Напольских. Защита следующей докторской диссертации по теме «Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917–1937 гг.» проходила в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН в 1993 г.: на этот раз соискателем высокой ученой степени был директор института – К. И. Куликов. Защита докторской диссертации М. В. Гришкиной по теме «Аграрный строй и крестьянство Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв.» проходила в том же институте. Таким образом, Уральское отделение РАН явилось реальным помощником в подготовке кадров высшей квалификации для нашего института. В последующие годы в московских научных центрах прошли защиты докторских диссертаций М. Г. Ивановой, В. М. Ванюшева, Г. А. Никитиной, Т. Г. Владыкиной, Н. И. Шутовой. Л. Л. Карпова вернулась из Эстонии со степенью доктора философии по уральским языкам. В судьбе института произошел качественный прорыв: появилась плеяда докторов наук, внесших серьезный вклад не только в удмуртоведение, но и в науку вообще – историю, этнологию, археологию, фольклористику, лингвистику, литературоведение. По удельному весу докторов и кандидатов наук в общем числе научных сотрудников институт занял самую высокую позицию среди научных и учебных заведений Удмуртии и родственных институтов финно-угорских республик.

Подготовка кадров докторов наук фактически спасла институт от упразднения. Дело в том, что по новым квалификационным требованиям, предъявляемым государством к ныне действующим научным учрежде-

ям академической системы, в них должно работать не менее 10 докторов наук. В противном случае институты не подлежат аккредитации и не получают лицензии на дальнейшее осуществление научно-исследовательской работы.

Обеспеченность кадрами высшей квалификации имела еще одно важное значение: появилась возможность открыть аспирантуру по различным специальностям и готовить молодых ученых в собственных стенах, что обходилось значительно дешевле, нежели обучение их в других научных центрах. В настоящее время в институте открыта аспирантура по истории отечества, этнографии, археологии, литературе народов России, фольклористике, и в ней проходят учебу более 20 молодых людей.

Таким образом, за 10 лет было подготовлено 9 докторов наук. В значительной мере благодаря именно этому факту на историческом факультете Удмуртского университета был создан совет по защите докторских диссертаций по трем специальностям: отечественной истории, этнографии и археологии. Так как достаточного количества своих докторов наук по названным специальностям у университета не было, в него вошло семь докторов из нашего института. Это больше, чем имеет сам университет. Кроме того, решением ВАК в 2001 г. в институте открыт совет по защите кандидатских диссертаций по фольклористике, которым руководит Т. Г. Владыкина. Данное событие можно считать выдающимся: это высокая ответственность, но в то же время – признание достижений коллектива, доверие к его научному профессионализму.

Свой академический статус Институт оправдал во время проверки его деятельности в 1998 г. В решении Комиссии по итогам проверки констатировалось, что коллектив в короткий промежуток времени в полной мере сумел адаптироваться к условиям работы в академической системе и занял в ней достойное место. В 2001 г. аккредитация также прошла успешно.

Необходимо отметить, что годы перестройки запомнились коллективу не только успехами и качественными сдвигами. Это был период тяжелейших испытаний. Случались моменты, когда он получал только 28 % финансирования от необходимого минимума. Были месяцы, когда денег на счету не хватало даже на то, чтобы уплатить налоги, начисленные на заработную плату сотрудников. Указ президента Б. Н. Ельцина обязывал госучреждения выплачивать зарплату сотрудникам, если коллектив работает. Но прежде чем ее выдать, требовалось предварительно перечислить в банк налоги на начисленную зарплату. Положение могли спасти выдержка и единство коллектива, «пожелавшего добровольно в полном составе, включая и технических работников, уйти в бесплатный отпуск». Сотрудники понимали, что смутное безвременье, характеризующееся среди всего прочего агрессией на науку, необходимо пережить и сохранить инсти-

тут. Об этом красноречиво повествуют и исторические приказы директора:

Приказ № 21 от 12.09.96 г.

О финансовом положении института

I. Ввиду отсутствия полного финансирования в июне–августе и частичного в сентябре (28% минимальной потребности) предлагаю всему коллективу института выйти в отпуск без содержания (пока на один месяц) с 16 сентября с. г.

II. В то же время предлагаю всем сотрудникам продолжать работу по подготовке к изданию трудов в условиях стационара, то есть без командировочных и экспедиционных выездов, использовать в полной мере компьютерную технику.

III. Обязую весь коллектив подготовить здание к работе в зимних условиях.

Приказ № 22 от 13.09.96 г.

О режиме работы руководства УИИЯЛ УрО РАН в условиях финансового кризиса

В результате многомесячного недофинансирования, а в последнее время полного отсутствия его со стороны государства, институт переживает острый финансовый кризис, граничащий с крахом. Несмотря на все меры, принятые руководством к спасению, положение не меняется. Поэтому руководство было вынуждено предложить всему коллективу уйти в неоплачиваемый отпуск с 16 сентября с. г.

Председатель Уральского отделения РАН академик Г. А. Месяц издал распоряжение, в котором в подобных случаях предписывается директору и главному бухгалтеру оставаться на месте. Но в это тяжелое время я, как директор, разделяю судьбу вверенного мне коллектива и оформляю себе неоплачиваемый отпуск.

Заявление о таком отпуске написала и главный бухгалтер И. В. Овечкина.

Ввиду беспрецедентности подобного случая в административно-хозяйственной и юридической практике заявляю, что во время этого вынужденного отпуска буду работать и нести полную административную и юридическую ответственность за состояние дел во вверенном мне институте. Такую же ответственность вменяю и главному бухгалтеру И. В. Овечкиной.

Предлагаю всему руководству института: заместителю по науке, ученому секретарю, заместителю по общим вопросам, заведующим отделами и структурами продолжать трудиться и сохранять полную работоспособность коллектива.

Напоминаю, что сложившаяся ситуация никого из научных сотрудников не освобождает от ответственности за выполнение годовых планов по подготовке и выпуску научных трудов.

В этих тяжелых условиях проверяется на прочность честь и звание ученого, его гражданственность и патриотизм. От позиции каждого члена коллектива зависит будущее института – первого научного учреждения Удмуртии, с именем которого связано воспитание кадров интеллигенции, становление и развитие науки, культуры и образования республики и ее многонационального народа.

Любые проявления, противоречащие распоряжениям руководства по сохранению работоспособности коллектива, целостности здания, имущества института, буду расценивать как неуважение к учреждению или подрывные действия и буду делать соответствующие выводы.

Директор ***К. И. Куликов.***

Положение начало выправляться только через два месяца, хотя необходимого финансирования так и не было получено. Пережитая ситуация заставляла задуматься о будущем, о необходимости создания системы, которая обезопасила бы судьбу коллектива, помогла ему зарабатывать хотя бы половину общих расходов и вывела его из состояния жесткой зависимости от воли случая, а особенно – равнодушия и произвола чиновников. Это было в силах института. В коллективе работает когорта элитной научной интеллигенции, он издает прекрасные книги, которые могли бы быть своеобразной валютой. Но снова возникли непредвиденные препятствия. Постановление Правительства России о реструктуризации науки обязывало Удмуртский институт перейти на паритетное финансирование из бюджетов Российской Федерации и Удмуртской Республики. Россия брала на себя обязательства по выплате заработной платы и содержанию здания, Удмуртия должна была финансировать расходы, связанные с изданием научных трудов. И снова институт оказался в прокрустовом ложе: если он не выпускает конечную продукцию в виде научных трудов, при очередной аккредитации, проходящей через три года, он ликвидируется. А для стабильного бюджетного финансирования этой конечной продукции он должен идти с поклоном в Правительство Удмуртской Республики, где на фундаментальные исследования, не дающие сиюминутных выгод, или на издания по удмуртской тематике, взгляд, мягко говоря, не всегда корректный. По мнению некоторых чиновников, особенно финансистов, подобные исследования Удмуртской Республике совершенно не нужны.

Между тем стабильное финансирование и уверенность в завтрашнем дне для института крайне важны, так как только в этом случае он может составлять планы на перспективу, намечать научно-исследовательские

проекты, реализация которых (например, подготовка энциклопедических изданий), требует десятилетий. Именно этими соображениями руководствовался директор, когда обратился к Президенту Удмуртской Республики с просьбой поддержать предложение об организации постоянно действующей энциклопедической службы на базе Института (См. Прилож.: письмо от 23 октября 2000 г. № 368). Ответа не последовало, и предложение было повторено в 2001 г. В письме обосновывалась необходимость создания подобной службы, приводились примеры, что в ряде субъектов Российской Федерации словарно-энциклопедические службы, сосредоточенные в академических институтах, создаются именно под патронажем президентов или глав республик. Опыт работы над фундаментальной энциклопедией «Удмуртская Республика», осуществлявшейся в рамках издательства «Удмуртия» с привлечением научных сил академических институтов и вузов, наглядно показал необходимость создания единого энциклопедического центра. Таким центром мог бы стать Удмуртский институт ИЯЛ, сотрудники которого сыграли большую роль в подготовке энциклопедии: они написали около 30% общего объема, директор К. И. Куликов участвовал в ее создании в качестве заместителя главного редактора. Одновременно сотрудники института принимали участие в выпуске двух фундаментальных трудов Уральского отделения РАН: Уральской исторической энциклопедии и Уральской промышленной энциклопедии, книги «Урал на рубеже веков», а также ряда энциклопедий, подготовленных институтами Российской академии наук. В целом накоплен опыт, который необходимо рационально использовать.

Институт осуществляет большую работу, связанную с публикацией культурного и исторического наследия, оставленного многими поколениями исследователей. В последние годы изданы рукописи XVIII в.: словарь Захария Кротова (1995) и грамматика Михаила Могилина (1998), началась публикация полного собрания сочинений Г. Е. Верещагина (издано 6 томов), один из томов трудов видного историка удмуртского края П. Н. Луппова. В рукописных вариантах находятся словари Вл. Ислентьева, Д. Г. Мессершмидта, Ф. И. фон Штраленберга, А. Пильстрёма. Существует острая необходимость в публикации следующих томов трудов П. Н. Луппова, а также этнографов Б. Гаврилова, Н. Г. Первухина, И. Васильева, М. Г. Худякова и др.

Богатая картотека словарного фонда, собранная за 70 лет существования института, сложившаяся система подготовки кадров высокой квалификации (в институте работает 9 докторов наук и 14 кандидатов, аспирантура по семи специальностям), а также материально-техническая и компьютерная база не оставляют сомнений, что именно УИИЯЛ УрО РАН (с участием специалистов других научных учреждений, прежде всего УдГУ) достоин возглавить постоянно функционирующую словарно-энциклопе-

дическую службу Удмуртии, главным назначением которой должна быть прежде всего координация усилий всей интеллектуальной элиты республики, создание единого банка данных для выпуска широкого спектра словарных и энциклопедических изданий.

Вышеуказанная работа должна выполняться в согласовании с соответствующими министерствами, ведомствами и осуществляться в качестве социального заказа на основе стабильного бюджетного финансирования Правительства УР через Государственный Комитет по науке, высшему и среднему профессиональному образованию при Правительстве Удмуртской Республики. В письме предлагался обширный перечень необходимых для образовательных, культурных учреждений и широкого круга населения энциклопедических изданий, включающий отраслевые энциклопедии, словари, справочники, альбомы и др.

Идея сосредоточения всей работы по созданию справочно-энциклопедических изданий в УИИЯЛ УрО РАН была поддержана Министерством народного образования (№ 01-16-481), Министерством печати и информации (№ 4-05/186), Министерством культуры (01-26/355), Министерством национальной политики Удмуртской Республики (№ 01-14/97), Национальным музеем Удмуртской Республики (№ 163 от 06.04.2000), факультетом удмуртской филологии УДГУ, а также видными деятелями науки Удмуртской Республики.

Наша просьба и предложения остались пока без ответа. Президент предложил финансировать некоторые издания через Государственный Комитет по науке, высшему и среднему профессиональному образованию при Правительстве Удмуртской Республики. Председатель Постоянной комиссии Госсовета УР по науке, образованию, культуре и молодежной политике А. Г. Красильников в официальном письме от 10 августа 2001 г., № 1387/12 сообщил, что «Постоянная комиссия Государственного Совета Удмуртской Республики по науке, образованию, культуре и молодежной политике поддержит Вашу просьбу о финансировании энциклопедических исследований и изданий при формировании бюджета Удмуртской Республики на 2002 г.». Конечно, это пока половинчатое решение, но на данном этапе его можно, по-видимому, расценивать как положительный сдвиг в решении проблемы.

4 апреля 2000 г. с предложением создать отдел энциклопедий институт обратился и в свою вышестоящую структуру: к Председателю Уральского отделения РАН академику В. А. Черешневу и заместителю председателя – начальнику Финансово-экономического управления Б. В. Аюбашеву. В январе 2001 г. решение о создании энциклопедического отдела в институте было принято. Руководство Уральского отделения РАН вновь пошло навстречу нашим настоятельным просьбам и аргументам.

Открытие отдела энциклопедических исследований и изданий – каче-

ственно новый этап в истории института. Его можно назвать началом коренного перелома в творческой деятельности коллектива, так как с этого времени появилась возможность целенаправленной и систематической работы над энциклопедическими изданиями. В рамках долговременной программы подготовки энциклопедий в настоящее время составляется Словник энциклопедии «Просвещение, образование и педагогическая мысль в Удмуртской Республике». Ответственным за выпуск этой энциклопедии и руководителем всего авторского коллектива является министр народного образования Л. Г. Захарова. В творческих папках института имеются также подготовленные словники «Энциклопедии мифологии удмуртов», «Энциклопедии материальной культуры удмуртов», в стадии завершения находится работа над «Орфографическим словарем удмуртского языка с правилами правописания», «Русско-удмуртским и удмуртско-русским словарем химических терминов», «Словарем географических терминов» и другими изданиями.

Опыт, накопленный коллективом при подготовке и издании энциклопедии «Удмуртская Республика», позволил довольно быстро освоить новое поле научной деятельности. В перспективе же Удмуртский институт истории, языка и литературы должен стать той базой, где будет сосредоточено все интеллектуальное историко-культурное богатство Удмуртии, и он будет способен разрабатывать любую проблему, выполнять социальные заказы по изданию литературы, касающейся истории, языка, культуры Удмуртии. Красочный фотоальбом «Древнее искусство Удмуртии» – один из образцов научной продукции, свидетельствующий о возможностях института издавать продукцию по заказам государственных органов, предприятий и объединений, всех, кто желает иметь сувенирную литературу.

Годы перестройки для академической исторической науки явились временем серьезных потрясений и испытаний. Господствовавшие до этого методологические парадигмы безнадежно устарели, а новые еще не были выработаны. Многие ученые, и даже научные коллективы растерялись, пережили колоссальный психологический стресс, так как оказались не готовы к изменению приоритетов исторического исследования. Возникла кризисная ситуация как в самой исторической науке (особенно в ее методологии), так и в процессе подготовки кадров профессиональных ученых, в системе вузовского исторического образования. Удмуртский институт этот критический период пережил относительно безболезненно. Дело в том, что его сотрудники задолго до перестройки приступили к поиску новых подходов к процессу исторического познания. Уже в 1970–1980-х гг. были изданы труды, значительно отличающиеся от официозных, конъюнктурных изданий, преодолевшие запреты и административные установки. К ним прежде всего относятся труды К. И. Куликова, который впервые в удмуртской историографии исследовал проблему гражданской войны на

новой концептуальной основе, опираясь на документы обеих воюющих сторон, показал гражданскую войну как общенациональную трагедию, из-за чего его работа «В боях за советскую Удмуртию» (1982) в 1986 г. была обсуждена на заседании бюро Удмуртского обкома КПСС. Цивилизационный, а не классовый, не формационный подход был осуществлен также при создании монографии «Мятеж в Ижевско-Воткинском районе» (1992). Этим же принципом руководствовался автор и при исследовании процесса коллективизации, а также репрессий крестьян и интеллигенции в годы культа личности, проблем национально-государственного строительства.

На новой методологической основе были созданы монографии докторов исторических наук М. В. Гришкиной, Г. А. Никитиной, М. Г. Ивановой. Ученые историки, в том числе и молодые, не страдали от монополизма в науке, от необходимости подходить к анализу рассматриваемых проблем только с партийно-классовых позиций, определяющих якобы весь ход исторического процесса. Они отошли от недооценки субъективного, личностного фактора в истории, избежали мелкотемья и в то же время – стремления охватить все проблемы глобально, игнорируя частности, имеющие немаловажное значение в жизни общества. Для института не случайное явление, что молодые историки О. И. Васильева, С. Л. Бехтерев, Л. Н. Бехтерева за короткий срок подготовили кандидатские диссертации, успешно прошли защиту и издали монографии, выиграли престижные гранты различных фондов, в том числе – и Фонда Сороса.

Ведущая роль института в определении проблемно-тематических направлений научной работы, в выборе методологических основ теоретических разработок была признана учеными коллективами Уральского отделения и зарубежными коллегами. Идеи новых тем фундаментальных исследований, современные концептуальные подходы к их изучению были заимствованы и продолжены родственными институтами. Так, монографии М. В. Гришкиной, посвященные сложным и противоречивым событиям присоединения и инкорпорации Удмуртского края в систему Российского государства, аграрным проблемам, вопросам классовой борьбы и т. д., явились своеобразным «толчком» к активизации подобных изысканий в научных учреждениях Урало-Поволжья. Разработка проблем национально-государственного строительства восточно-финских народов в 1917–1937 гг. К. И. Куликовым была продолжена в Республиках Коми и Марий Эл, Коми-Пермяцком автономном округе. А его публикации и выступления на Международных конгрессах по репрессиям 1930-х гг. положили начало международному проекту, осуществляемому усилиями ученых всех финно-угорских стран и республик.

Поиск новых методологических основ и приоритетов научного познания вовсе не означал безоговорочного отказа от наработанного положи-

тельного опыта, свержения прежних авторитетов, отрицания исторической значимости преобразований, осуществленных при советской власти, в первую очередь – опыта национально-государственного строительства в России. И вновь методологической основой объективного подхода к данному историческому периоду явились труды института, например, монографии К. И. Куликова «Удмуртская автономия. Этапы борьбы, свершений и потерь» (1980 г.) и «Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917–1937 гг.» (1993 г.). В сегодняшних условиях, когда руководители государства прилагают огромные усилия для разрушения коллективной системы организации сельскохозяйственного производства и ратуют за создание фермерских хозяйств, повысилась актуальность монографии доктора исторических наук Н. П. Павлова «Колхозная демократия в действии» (1984).

Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН – единственное научное учреждение, где разнообразные аспекты жизнедеятельности удмуртского этноса и его связей с другими этническими общностями рассматриваются в комплексе. Исторические исследования охватывают практически все периоды от древнейших веков до настоящего времени. Археологами в результате изучения памятников раннего средневековья раскрыты процессы формирования в бассейне р. Чепцы одного из важнейших очагов этногенеза удмуртского народа. Многолетние систематические раскопки городища Иднакар позволили изучить особенности развития укрепленных поселений Прикамья в русле градообразовательных процессов лесной зоны Восточной Европы. Совместно с сотрудником Физико-технического института УрО РАН И. В. Журбиным разработан электроразведочный комплекс по внедрению неразрушающих методов изучения культурного слоя и применению компьютерных технологий в археологии, открывший новые перспективы в археологических исследованиях. Не случайно он был отмечен дипломом Всемирного салона изобретений «Эврика», проходившем в Брюсселе в 1997 г. С 1992 г. группа И. В. Журбина успешно работала в нескольких археологических экспедициях. Наиболее интересные результаты получены в экспедициях Института археологии РАН (г. Москва) и Удмуртского университета. В результате плодотворного сотрудничества представителей гуманитарной науки с физиками были достигнуты успехи, которые вызывают интерес не только среди ведущих исследователей страны, но и за рубежом. Высокую оценку коллег получили исследования Н. И. Шутовой, проведенные на стыке этнологической и археологической наук.

Среди значительных трудов в области истории следует отметить исследования эпохи феодализма, капитализма, в которых отразились новые подходы к изучению истории Удмуртии, проявилось стремление выйти за пределы социально-экономической проблематики и найти новые парадиг-

мы в плоскости культурной антропологии. За последние годы изданы материалы по истории Удмуртии от древнейших времен до Великой Отечественной войны. В фундаментальной монографии М. В. Гришкиной «Удмуртия в период феодализма (конец XV – первая половина XIX вв.)» (1994) на основе формационного подхода и диалектико-материалистического метода анализируются разные аспекты социально-экономической и социально-политической истории края за четыре столетия. Н. П. Лигенко исследованы проблемы развития деревенской промышленности со второй половины XIX в. до наших дней, торгово-предпринимательской деятельности купечества Вятско-Камского региона. Вышли в свет отдельные монографии О. И. Васильевой, Л. Н. Бехтеревой, Н. А. Родионова, С П. Зубарева, посвященные изучению широкого спектра проблем национально-государственного строительства в Удмуртии в 1930-е годы, истории промышленности, развития социальной структуры рабочего класса в советский период, истории Удмуртии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., истории зарубежных связей Удмуртии и Урала в XIX–XX вв. Все эти работы послужили основой для фундаментальной коллективной монографии «История Удмуртии», обобщающей исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития Удмуртии XV–XX вв., издание которой запланировано на 2002 г. Следует отметить, что по итогам конкурса на лучшие научные работы молодых ученых УрО РАН 2001 г. монография Л. Н. Бехтеревой «Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е годы» признана одной из лучших в области гуманитарных наук.

В области этнологии итогом исследований последних лет явилась коллективная монография «Удмурты: историко-этнографические очерки» (1993), био-библиографический справочник «Ученые-удмурты» Л. С. Христолюбовой (1997), где приведены биографические и библиографические сведения о 420 ученых-удмуртах России с конца XIX в. до наших дней, демонстрирующие духовный потенциал этноса. Эти издания сыграли значительную роль в этнической консолидации и мобилизации удмуртского народа на рубеже тысячелетий. Исследования этнологов, прежде всего Г. А. Никитиной, Г. К. Шкляева, В. В. Напольских, Е. В. Поповой, по малоизученным в отечественной историографии проблемам (крестьянская община советского периода, этническая психология, вопросы индо-уралистики, межэтнические отношения, семейные обряды бесермян и др.) явились существенным вкладом в историко-этнографическое изучение удмуртского этноса, положили начало разработке многих сложных проблем в финно-угроведении. Большое научно-практическое значение имело этносоциологическое и статистическое обследование бесермян (1996 г.), формально «потерявших» свой этноним в 1939 г. и не учитывавшихся как самостоятельная этническая общность. Теперь они включены в число ко-

ренных малочисленных народов России. В этом немалая заслуга нашего института. С 2000 г. этнографами начато комплексное изучение кряшен Удмуртии. На ближайшие годы намечено крупномасштабное исследование удмуртской диаспоры в соседних с Удмуртией субъектах Федерации. В 1990-е гг. Е. В. Поповой положено начало новому направлению исследований – «Аудиовизуальная антропология. Этнографическое кино». Подготовленные ею научно-популярные фильмы о бесермянах удостоены наград нескольких Международных фестивалей и Всероссийских конкурсов.

Сотрудники отдела языкознания на протяжении многих лет собирали богатый лингвистический материал, послуживший в дальнейшем основой для составления словарей, написания монографий, статей. В своих работах они освещали неисследованные вопросы грамматики удмуртского языка, экспериментальной фонетики, диалектологии и ономастики, этногенеза удмуртов, вопросы истории формирования и развития удмуртского литературного языка. В настоящее время Л. Л. Карповой ведется всесторонне изучение диалектов северного наречия удмуртского языка, Л. Е. Кирилловой разрабатываются проблемы топонимии, работы В. К. Кельмакова посвящены истории и проблемам удмуртского языкознания, диалектологии, типологии и контактологии. Ведется поиск, обработка и публикация памятников письменности, в том числе рукописей словарей и лингвистических исследований XVIII–XIX вв., хранящихся в фондах архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Кирова, Казани.

Фольклористы института в последние десятилетия под руководством Т. Г. Владыкиной ведут сбор и обработку фольклорных материалов по единой программе с целью создания архивного фонда и издания многотомной серии «Удмуртский фольклор». С конца 1980-х гг. отдел приступил к составлению свода удмуртских обрядовых песен на основе современных записей. Методика ареального исследования с одновременным картографированием позволила выявить наиболее полную картину распространения и функционирования традиционных напевов. Вышли из печати сборники, представляющие локальные традиции. Аналогичная работа ведется и по исследованию русского фольклора Удмуртии. В целях сохранения и пропаганды исследований, предпринятых в 1930–1940-е гг. и имеющих культурологическую ценность, основана серия «Памятники культуры. Фольклорное наследие».

В области литературоведения после этапной обобщающей работы над двухтомной «Историей удмуртской советской литературы» (1987, 1988) институт приступил к исследованию места и роли удмуртской литературы в формировании и развитии межлитературной общности Урало-Поволжья. Проводятся исследования творческих связей литератур, состояния жанров, идейно-художественной и тематической направленности, сравнитель-

но-типологическое изучение творчества отдельных писателей региона. Под руководством В. М. Ванюшева идет выявление, всестороннее изучение и публикация уникального творческого наследия первого удмуртского писателя и ученого, яркой и крупной фигуры дооктябрьской истории литературы всего Урало-Поволжья Г. Е. Верещагина. В настоящее время вышло из печати 6 книг. Монография В. М. Ванюшева «Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья» (1995) отмечена Государственной премией Удмуртской Республики.

Внушительны результаты издательской деятельности института. Это ярко выявляется и на результатах десяти последних лет. Тематика научных изысканий, количество опубликованных трудов наглядно демонстрируют, что в работе коллектива произошел перелом в сторону издания фундаментальных трудов, монографий и учебно-методических пособий, справочников.

Год от года укрепляются и развиваются международные связи Института. Практически все направления научной деятельности разрабатываются в содружестве с учеными финно-угорских центров России, Эстонии, Венгрии, Финляндии, развиваются контакты с соответствующими кафедрами университетов Швеции, Германии, Голландии. Институт имеет долгосрочные договоры о сотрудничестве с Институтом языкознания, в области этнохореологии – с Институтом музыкологии Венгерской академии наук, в области сбора аутентичного фольклорного наследия – с Центром мировой музыки (Финляндия). Особенно устойчивые контакты в области науки и культуры сложились с Финляндией при непосредственной координации Общества М. А. Кастрена, основанного в январе 1990 г. в Хельсинки. В 1994 г. организована система координаторов этого Общества, через которых осуществляется связь между культурными центрами и общественными организациями, университетами и научно-исследовательскими учреждениями, национальными музеями и библиотеками, редакциями газет и журналов Финляндии и финно-угорских республик России. Координатором по Удмуртской Республике является заведующая отделом языкознания Л. Е. Кириллова.

Зарубежными коллегами при содействии института проведен ряд экспедиций на территории Удмуртии. Согласно ранее заключенному договору о научном сотрудничестве с Венгерской академией наук, на протяжении ряда лет научный сотрудник Института языкознания Ж. Шаланки приезжала для сбора лингвистического материала в сельских районах Удмуртии, научный сотрудник Института музыкологии Л. Фёльфельди собирал материалы по этнохореологии на территории республики и за ее пределами. В 1998–1999 гг. старший научный сотрудник Института России и Восточной Европы (Финляндия) С. Лаллукка проводил исследование марийской диаспоры Граховского, Каракулинского, Алнашского

районов. В соответствии с договором о научном сотрудничестве между Академиями наук Финляндии и России старший научный сотрудник Музея культуры (г. Хельсинки) И. Лехтинен в мае 2000 г. проводила этнографические исследования среди удмуртского и марийского населения в Алнашском и Агрызском районах.

Отдел этнографии и социологии совместно с учеными России, Венгрии, Финляндии, Эстонии с 1994 г. работает над осуществлением международной программы «Энциклопедия уральских мифологий» (16 томов). Сотрудник отдела, доктор исторических наук В. В. Напольских является руководителем ее российской части. В 2000 г. изданы материалы семинара, организованного Институтом России и Восточной Европы (Хельсинки), в сборнике статей «Этническая мобилизация первой четверти XX века в Волго-Камском регионе» (отв. за вып. К. И. Куликов). По заказу Общества Кастрена (Финляндия) В. Е. Владыкин (УдГУ), М. В. Гришкина, М. Г. Иванова, Л. С. Христолюбова подготовили учебное пособие по истории Удмуртии на удмуртском языке (1998), в 2001 г. опубликовано учебное пособие «Антология удмуртской литературы» (редактор-составитель В. Л. Шибанов). Заключен договор с Финно-угорским Обществом (Финляндия) на издание удмуртско-русского, русско-удмуртского словаря В. А. Ислентьева в серии «Памятники удмуртской филологии» объемом в 5 тыс. слов удмуртско-русской и 15 тыс. слов русско-удмуртской части. Идет совместная работа по подготовке «Энциклопедии материальной культуры удмуртов».

Сотрудники отделов ежегодно принимают участие в работе международных конгрессов, конференций и симпозиумов, проходят стажировки за рубежом, читают курсы лекций (В. В. Напольских в Геттингенском и Мюнхенском университетах Германии, а также в учебных заведениях Бельгии, Швеции, Польши, Т. Г. Владыкина – в университетах г. Тарту и г. Хельсинки, Н. И. Шутова – в университете г. Хельсинки, Куликов К. И.– в институте Реннвала), публикуют свои труды в зарубежных изданиях. В 1995 г. в Российском культурном центре в г. Будапеште прошел семинар-презентация деятельности института. По оценке венгерских коллег, коллектив вышел на уровень международных стандартов. В 1994–1996 гг. в рамках празднования венграми 1100-летия обретения родины археологические коллекции средневековых памятников из фондов института экспонировались на выставках в ряде городов Венгрии. В 1998 г. В. В. Напольских организовал курсы удмуртского языка для научных работников, преподавателей и студентов вузов Германии, Австрии.

Научные конференции, организованные институтом, привлекают внимание зарубежных коллег актуальностью проблематики, постановкой вопросов, выдвигаемых на обсуждение. Пожалуй, наиболее предста-

вительным форумом была XVII Всесоюзная конференция финно-угроведов в 1987 г., на которую впервые в Удмуртию удалось пригласить зарубежных ученых. Ведущие археологи Венгрии И. Эрдели, И. Фодор, Ч. Балинт открыли путь в ранее закрытую Республику ученым других стран – Финляндии, Австрии, Франции, Германии, Голландии и т. д. Конференция впервые приняла аналитическую резолюцию, в которой отмечались успехи в финно-угроведении, но в большей степени уделялось внимание нерешенным проблемам в сфере научно-организационной работы, усиления непосредственного влияния науки на социально-культурные, этнические, языковые и другие процессы.

Из последних событий можно отметить Международный полевой симпозиум на городище Иднакар, организованный отделом археологии в 1999 г. при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. В его работе наряду с ведущими учеными России, такими как член-корр. РАН доктор исторических наук Н. А. Макаров, доктора наук А. Е. Леонтьев, Э. А. Савельева, Е. П. Казаков и др., принимали участие К. Карпелан, доктор философии университета г. Хельсинки, П. Уйно, доктор философии, научный сотрудник Музейного ведомства Финляндии. В 2000 г. отделом литературы и фольклора совместно с Удмуртским университетом, Глазовским пединститутом при финансовой поддержке Института «Открытое Общество» (Фонд Сороса. Россия) была организована Международная школа молодых фольклористов «Финно-угорская фольклористика на пороге нового тысячелетия». В ее работе приняли участие фольклористы, этнографы, искусствоведы из ряда городов РФ и ученые из Эстонии.

Таким образом, институт в своей деятельности органически сочетает фундаментальные и прикладные исследования. Он является координирующим центром по гуманитарным наукам в республике, его исследования неотделимы от мировой науки, финно-угроведения и уралистики.

Все в большей степени коллектив направляет усилия на внедрение результатов своих трудов в практику. К примеру, М. Г. Иванова и К. И. Куликов сыграли немаловажную роль в формировании основных направлений деятельности Национального Центра декоративно-прикладного искусства и ремесел Удмуртии, создали научную концепцию его развития, участвовали во многих семинарах и научно-практических конференциях, посвященных развитию прикладного искусства и ремесел. В течение десяти последних лет они напряженно работают над созданием Музея-заповедника средневековой истории «Иднакар». Это единственный музей в республике, который базируется на археологических материалах, накопленных в результате многолетних изысканий. Теоретические труды К. И. Куликова послужили основой для постоянной экспозиции «Гражданская война в Удмуртии» и художествен-

ной диорамы «Штурм Ижевска 7 ноября 1918 г.» в Национальном музее Удмуртской Республики.

На протяжении многих лет сотрудники института ведут преподавательскую работу в Удмуртском университете, Глазовском пединституте и Ижевской сельскохозяйственной академии, в средних учебных заведениях и лицеях Ижевска и Удмуртской Республики. Группа наших ученых сотрудничает с Научно-исследовательским институтом национального образования при МНО УР.

Институт стал кузницей кадров для вузов Республики. В Удмуртском университете работают ведущие лингвисты, историки, этнографы, начавшие свой путь в науку в институте: профессора И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков, В. Е. Владыкин, К. М. Климов, доценты А. Г. Шкляев, Т. И. Зайцева, Л. П. Федорова, Е. Я. Трофимова и многие другие, в Глазовском пединституте – М. Т. Слесарева, Б. И. и М. К. Каракуловы, Л. А. Волкова. Кроме того, институт оказывает помощь в подготовке квалифицированных кадров для родственных финно-угорских научных центров и вузов: это и обучение в аспирантуре, консультации при подготовке диссертаций и оппонирование при их защите. Одним словом, востребованность в наших специалистах по сравнению с тем, что было 20 лет назад, возросла многократно. Научная деятельность коллектива нашла общественное признание и высокую оценку: К. И. Куликову и М. В. Гришкиной присвоены почетные звания заслуженного деятеля науки Удмуртской Республики и Российской Федерации, Л. С. Христолюбовой, В. М. Ванюшеву, М. Г. Ивановой, Т. Г. Владыкиной, Г. А. Никитиной, Г. К. Шкляеву – заслуженного деятеля науки Удмуртской Республики. Многие сотрудники награждены Почетной грамотой Российской академии наук и Профсоюза работников Российской академии наук, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УАССР, Правительства и различных Министерств и Комитетов при Правительстве Удмуртской Республики.

Плодотворная деятельность и дальнейшая судьба института во многом зависят от видения перспективы, определения своего места в сложном процессе развития общества. Естественно, что осуществление фундаментальных научных исследований всегда будет приоритетным направлением его деятельности. Но сегодня, как никогда, институту важно сохранить и нацеленность на подготовку социально значимых трудов, которые находили бы своего читателя и были востребованы им. Необходимо развивать исследования, связанные с подготовкой научно-популярных изданий, с выпуском методической, учебной, словарно-энциклопедической литературы, которая может быть использована в учебно-воспитательном процессе школ и вузов республики. Чрезвычайно актуальными становятся исследования, связанные с национально-региональным компонентом госстан-

дарта образования – краеведением, регионоведением. Именно с этой целью институт уделяет большое внимание изучению материальной и духовной культуры народов Удмуртии, возрождению художественных промыслов, реконструкции костюмных комплексов, реставрации старинных музыкальных инструментов. Эта деятельность наилучшим образом воздействует на развитие культуры, науки, образования, воспитание подрастающего поколения Удмуртской Республики.

Kuzma Kulikov, Galina Nikitina, Margarita Ivanova

THE UDMURT INSTITUTE OF HISTORY, LANGUAGE AND LITERATURE OF THE URAL DEPARTMENT OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES IS 70

The Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Department of the Russian Academy of Sciences was founded in March 1931. For 57 years it had been under the Soviet of Ministers of the republic, since 1988 it has been part of the system of the Russian Academy of Sciences. Its activity is connected with research in the field of the humanities, development of the Udmurt ethnic culture, creation of scientific and pedagogic personnel and representatives of the national intelligentsia.

Going over to the academic system led to changes, new in quality, in scientifically organized and research fields of the activity of the Institute. The material and technical basis was considerably strengthened, publishing activity was widened, professional skills of the personnel were rapidly mastered, the post graduate courses were organized, coordinating role was strengthened, international ties were widened. Fundamental research in the field of History, Linguistics, publication of encyclopaedia, study of material and spiritual culture of the peoples living in the Udmurt Republic, analysis of the modern ethno-political and ethno-cultural processes, complex investigation of the Udmurt ethnic group in the neighbouring regions and republics are the main tasks of the present stage.

«Финно-угроведение», 2001, № 2.

Маргарита Гришкина
Ижевск

НЕНАСИЛИЕ: АРХЕТИПЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ ВОСТОЧНЫХ ФИННО-УГРОВ

На фоне культа насилия, охватившего человечество, не исключая и страны, которые гордятся гуманистической цивилизацией, особый интерес, на мой взгляд, представляет культура ненасилия, неагрессии, толерантности и терпимости, выработанная финно-угорскими народами, в частности, удмуртами, коми-пермяками, коми-зырянами и обскими уграми (хантами и манси). Для осмысления темы в заявленном аспекте привлекались материалы, опубликованные в работах М. Г. Атаманова, В. Е. Владыкина, Т. Г. Владыкиной, К. М. Климова, В. В. Напольских, Д. К. Зеленина по удмуртам, Н. Д. Конакова, Л. С. Грибовой по коми-зырянам и коми-пермякам, А. В. Головнева, И. Н. Гемуева, Е. И. Ромбандеевой по хантам и манси.

Вводя в статью понятие «архетип», мы опираемся преимущественно на труды швейцарского психолога К. Г. Юнга, согласно определению которого именно архетипы (греч.: начало, образ), представляющие структурные элементы коллективного бессознательного, отражающие опыт прежних поколений и запечатлевшиеся в структурах мозга, лежат в основе всех психологических процессов. «Подобно тому, как тело имеет долгую историю, длившуюся миллионы лет, точно так же обстоит с психической системой». В основе психических процессов личности, в фундаменте сознания лежит коллективное бессознательное, коллективный опыт, пережитый человечеством. Архетипы «основаны на инстинктивных представлениях, они разумно не обоснованы и не могут быть опровергнуты разумными аргументами, они зачастую не осознаются личностью, но тем не менее во многом определяют поведение человека». «То, что желает *я*, в значительной мере и часто неведомым для него образом расстраивается автономной и высшей силой этого архетипического процесса»,– пишет К. Юнг (1, с. 359, 366, 371).

Представляется, что именно архетипы обусловили преобладание в базовой, модальной личности финно-угра самоуглубленности, терпения, терпеливости, отсутствие культа вождя, войны и личности, стремления властвовать и подавлять. Типичному финно-угру очень трудно преодолеть табу на насилие, в какой бы форме и по отношению к чему или к кому бы оно не выражалось.

Эти качества сыграли в истории финно-угров во многом роковую роль. Однако отбросить их как ненужный, даже более того, сильно отягощающий существование в современных условиях багаж удается далеко не каждому.

Формированию историко-культурной доминанты ненасилия, неагрессии во многом способствовала и экономическая ниша, в которой развертывалась жизнедеятельность финно-угров. С незапамятных времен это была зона леса: тайги, хвойных и широколиственных лесов, граничившая на севере с тундрой, на юге – со степью. Как отмечают экологи, «в лесной зоне человек мог встроиться в биоценозные цепи на множестве различных уровней, более того он приобрел умение встраиваться на многих уровнях, чем и обеспечил постоянство потребления биоресурсов, с другой – их сохранность и воспроизводство» (2, с. 207). В лесной зоне мы наблюдаем очень раннее становление хозяйственно-культурных типов, на разном уровне и с разным удельным весом сочетающих промысловые занятия (рыболовство, собирательство, охота, пчеловодство) с производящим хозяйством, опять-таки с разным удельным весом земледелия и животноводства.

Таким образом, жизнеобеспечение в лесной зоне имело широкую основу и выработало ресурсосберегающую модель экологической культуры и поведения.

Совсем не то в тундровой и степной зоне, где бурные приливы и отливы жизни диктовали другую, гораздо более агрессивную модель поведения по отношению к природе. Захват добычи и исчезновение в непредсказуемом направлении, психологическая и физическая мобильность свойственна и для субарктических промысловиков, и для степных номадов. Соответствующим образом формировалось и мировоззрение. По утверждению французского этнолога Леви Брюля, у кочевников оно было маршрутным, динамическим, а у оседлых жителей леса – радиальным, в виде концентрических кругов, замыкающихся к горизонту (цит. по: 3, с. 6). Для оседлых земледельцев было свойственно умение вникать в окружающий мир, наблюдать его в мельчайших деталях, врастать в него, не нарушая сложившегося экологического, а затем и социального равновесия.

Об этом же характере становящегося мировоззрения свидетельствуют и сменяющие друг друга по мере расширения освоенного и осознанного пространства модели мира.

Как уже доказано многими исследованиями (4, с. 6–109), первоначальная картина мира была орнитоморфной, а первичной стихией, хаосом, из которого зарождалась жизнь, была вода. Творцами, демиургами среднего, земного, человеческого мира у финно-угров являлись лебедь и гагара, утка и гагара, голубь и ворон, лягушки. Творя земное пространство, эти представители царства пернатых и земноводных выступают в оппозиции друг к другу в качестве «полномочных» представителей верхнего, небесного и нижнего, подземного миров. Лебедь, утка, голубь – это птицы верхнего божественного, небесного мира, гагара, ворон и лягушка олицетворяют нижний мир или являются медиаторами между средним, земным и нижним подземным мирами (3, с. 12–14). В мифологии пермских народов победителем в нырянии за землей в паре с гагарой оказывается утка – существо слабое, но наделенное божественной силой (5, с. 95). Отметим, что вариант мифа, где демиургом была утка, у удмуртов не сохранился, однако данные языка ярко свидетельствуют об этой роли утки. Не случайно все ближайшие родственники по линии матери в удмуртском языке обозначаются корнем «ӵуж»: «ӵужайы», ӵужатай – дед, «ӵужанай» – бабушка, «ӵужапай» – тетя, «ӵужагай» – дядя по матери. Лингвисты считают, что «ӵож» (удм. «ӵуж») восходит к общепермскому ӵужны – родиться, зародиться, прорасти. В этом смысле в одном семантическом ряду оказываются слова «ӵожи» – молозиво, то, что появляется после рождения, и «ӵужьем» – проросшее зерно.

Дополнительно о былой роли демиурга свидетельствует чрезвычайная популярность образа утки или ее лапок в металлопластике древних удмуртов и роль ее образа в украшении дома и домашнего инвентаря у коми (3, с. 21).

Архетип воды – первоосновы мира и мировой реки, связующей все три сферы, оказался у финно-угров необычайно устойчивым. Вода, тем более река, остается для удмуртов, коми и обских угров поистине живой. Переходя реку, речку или ручей, удмурт обращается к ней: «Мынон сюресэд каньыл мед луоз, мыным вождэ эн потты, тау тыныд монэ утемед, монэ чылкыт воземед понна». («Пусть твой путь будет легким, на меня не сердись, спасибо тебе за то, что ты мне помогаешь, содержишь меня в чистоте»). Утоляя жажду у родника, совсем еще недавно удмурт обращался к нему, как к живому, бросая в качестве подношения листочек или травинку (Меня не трогай, не забирай, возьми эту травинку) (6, с. 38).

Рыболовы-ханты, которые великолепно знают «повадки» каждого водоема в пределах своего обитания и в совершенстве владеют навыками передвижения на лодке, тем не менее, впервые садясь по весне в лодку, смачивают голову водой и говорят: «Воды – дух Дева, на твою спину я сел». Тем самым выражается поклон и сопричастие к воде, воспринимаемой как живая твердь (7, с. 265). На территории манси доныне остаются

священные места, где нельзя было уронить в воду ни малейшей соринки, волоска, проезжая в этом месте по реке, обязательно нужно было бросить монету или связанные вместе семь лоскутов материи (8, с. 32). На р. Сосьве был участок, по которому, по преданию, нельзя было проезжать ни одной женщине, даже девочке. И до 1940/41 гг., пока не пустили по реке пароход, этот обычай свято соблюдался. Женщины и девочки шли пешком, по специально прорубленной дороге. Тяжелобольных оставляли в лодке, но при этом их накрывали священным шелковым платком (8, с. 32, 34).

Традицией обских угров запрещалось перегораживать течение крупной реки. Это грозило не только общественным порицанием, но и гневом духов. У удмуртов женщина, появившаяся в селении, непременно должна была быть представлена воде. В свадебный обряд входит обязательный поход к роднику за водой, которой невеста поит своих новых родственников. Через полгода или год, окончательно закрепляя свой новый статус, молодушка проходила через обряд купания в реке (*сялтым басьтон* в первый день сенокоса) (9, с. 118).

В то же время река, текущая вода была границей миров: земного и подземного. Душа умершего отправлялась вниз по течению в царство Куля – первоначально, по всей вероятности, общепермского, а возможно и общефинноугорского темного демиурга, хозяина подземного мира. Впоследствии в удмуртской мифологии его образ был вытеснен Вукузе, Вумуртом, однако обозначение покойника («кулэм мурт» – букв. человек Куля) свидетельствует в пользу бытования его в ряду архетипов древних удмуртов.

Столь же трепетным было отношение к водоплавающей птице. В ряде удмуртских обрядов утка и гусь, будучи самыми популярными жертвенными животными, приносимыми у реки или родника, выступали в качестве самых желанных посланников к богам. Во время существующего доныне у башкирских удмуртов обряда «**ӟаӟег ишкан сюан**» выбранную гусыню хозяева вносят домой, держат ее на коленях, пока читают молитву. Семья рассаживается за столом, накрытым белой скатертью, на котором лежит каравай хлеба. Затем происходит освобождение души птицы с тем, чтобы она попала к богам (10, с. 73). Самые заветные чаяния удмурты отправляли с лебедями, которые должны были донести их в верховье реки, к Богу (6, с. 38).

Это отношение распространялось позже и на перелетных птиц, ежегодно улетающих на юг, в царство богов-покровителей. Их не только убивать, но и считать во время полета не разрешалось, дабы не сбить с божественного пути (6, с. 38).

Таким же обходительным было отношение к обитателям водоемов и болотных мест. У удмуртов категорически запрещалось убивать земноводных, со-медиаторов, соединяющих земной и подземный миры. Ханты

запрещали бросать отловленную живую рыбу в кипящую воду. За подобный проступок, по притче, рыбак был съеден лесными великанами – менквами. Рыбу глушили особо орнаментированным деревянным молотом. Существовали и особые правила разделки рыбы, чтобы не нарушать ее строения. Женщинам запрещалось есть сырого осетра, а во время регул – и вареного (7, с. 265).

Со временем орнитоморфная картина мира с соединяющей сферы мировой рекой сменилась зооморфной. Образ мировой реки был заменен образом мирового дерева. Крона его символизировала небо – верхний мир, обиталище богов, ствол – средний мир, землю, корни – нижний подземный мир, царство мертвых и злых духов.

Отметим, что в мировоззрении финно-угров среди деревьев были представители всех трех сфер. Так, у хантов белым (верхним) являлась береза, красным (средним) – сосна, черным (нижним) – кедр (7, с. 264). Отзвуки подобного деления имеются и у удмуртов (11, с. 131). Кроме того, мифологическое сознание в каждом дереве, особенно крупном и одиноко стоящем, видело образ и подобие мирового дерева. Пространство вокруг этих деревьев было сакральным, пограничным. Человек в этом пространстве запросто мог оказаться в другом мире, в другом измерении.

Деревья обладали душой, и человек боялся их обидеть. Удмурты просили у дерева прощения, прежде чем его рубить. До сих пор у обских угров живые деревья могут использоваться только для изготовления «живых вещей» – лодок, нарт, жилищ. Для костра используется только сухостой. Промысловик в начале сезона торжественно обещает понапрасну не рубить деревья, не разбрасывать сор, не загрязнять речки и озера. По окончании обряда охотник заливает водой недогоревшие в костре дрова, неиспользованные дрова складывает у соседнего дерева и прикрывает их берестой (чтобы зря лес не рубить). И это в тайге!

При устройстве зимнего жилища, когда требуется наломать веток на подстилку, хант объясняет дереву «Не могу же я спать на снегу, ты пойми!» (7, с. 264–265). Из-за нежелания вызвать гнев душ срубленных деревьев постройка дома и вселение в него обставлялись у финно-угров целым рядом ритуалов. У коми-пермяков это был ритуал так называемого «зарона», который повторялся год за годом, пока не достигалось удачное положение срубленных деревьев, знаменующее благорасположение их душ. У удмуртов при строительстве дома в его середину втыкали рябиновую палку – сильнейший оберег от злых сил. Коми-пермяки при возведении дома откупались от последних водкой, рыбным пирогом, монетами и пр. Удмурты никогда не ночевали в новом доме поодиночке, всегда коллективом (12, с. 37, 57).

Таким образом, любое насилие над природой, неизбежное в ходе жизнедеятельности и жизнеобеспечения человека, сопровождалось у восточ-

ных финно-угров ритуалом, т. е. было событием, выпадающим из закономерного, обычного ряда, и не могло стать привычкой, а тем более потребностью. Человек на подсознательном, архетипическом уровне чувствовал, что нарушение табу грозит наказанием, даже если никто из людей об этом никогда не узнает.

К этому времени, по всей вероятности, относится формирование тотемизма, когда родовые коллективы-кланы связывают свое происхождение с определенными видами животных и растений. Так среди обских угров появились народы (группы) Медведя, Собаки, Оленя, Лося, Коршуна, Лисицы, Соболя, Росомахи.

Гораздо многочисленнее эти группы, связанные с родством происхождения, у удмуртов. До нас дошли названия более 70 воршудных групп. Названия 50 из них расшифрованы преимущественно М. Г. Атамановым (13, с. 24–44).

Можно констатировать, что среди родовых групп удмуртов ни одна не выбрала тотемом хищника. Единственным исключением, пожалуй, является род «Кушъя» – орел. Остальные: Бия (улитка), Докъя (глухарь), Дурга (майский жук), Жикъя (ронжа, сойка), Занка (водяной жук), Зумья (овод, паут), Какся (цапля), Кибъя (букашка), Куарса (зеленый лист), Коньга (белка), Куака (ворона), Лёзя (овод), Маля (шмель), Паляка (перепелка), Пельга (филин, сова), Поска (стриж), Пышъя (блоха), Салья (олень), Сема (рыба), Санья (норка), Сюра (куница), Турья (журавль), Уля (пескарь), Урга (белка), Уча (соловей), Чипъя (птенчик), Чола (рябчик), Чуйя (щука), Чунъя (маленькая лесная птичка), Юбера (дрозд, скворец), Юра (лось) – связаны с миром пернатых, насекомых и вполне безобидных животных. Чем можно объяснить такое, без исключений, неприятие удмуртами хищников? Возможно, как и в случае противостояния утки и гагары, ответ нужно искать в мифологии близкородственных коми-пермяков, лучше сохранившей черты общепермской, а возможно, и финно-угорской мифологии. Здесь хищники и вредные насекомые являются творениями темного демиурга, представителя подземного низа – Омёля, а тетерев, куропатка, рябчик, белка, пчела, лягушка и т. д.– творениями бога – Ена. Впоследствии, правда, Ен «перекодировал» некоторых животных, в результате олень и лось – тотемы удмуртов, стали его существами. Иное с медведем: он был сыном Ена, но однажды Бог-отец рассердился и прогнал его с неба на землю, в итоге он утратил «божественное» происхождение. Появление среди тотемов удмуртов орла, возможно, объясняется тем, что по убеждению обских угров орел и коршун были ближайшей родней медведя – низверженного божьего сына (3, с. 54–55).

В результате такого осмысления мира появилось табу на уничтожение птиц, насекомых, букашек, которое отнюдь не распространялось на хищников (волка, лису, рысь, росомаху, ястреба).

Иначе строились взаимоотношения с медведем – бывшим сыном богаотца и младшим (в мифологической традиции – большим) братом человека. Именно так – большим человеком, называли его удмурты, убежденные, что медведь понимает человеческую речь. При внезапной встрече с медведем стоит только сказать ему: «У тебя, **большой человек,** своя дорога, у меня – своя. Иди ты своей дорогой, а меня не тронь»,– медведь уйдет, не тронет. Напугаешь медведя или убьешь одного – другие об этом узнают и обязательно виновника найдут. Как только охотники медведя поймают, они его начинают ублажать, чтобы остальные ничего не натворили. «Старый дедушка, не сердись на нас. Молодые ненароком убили. Молодые не тебя искали, да **из-за собак** ошиблись, ненароком тебя убили» (9, с. 265).

По обско-угорской традиции при добыче медведя зверь остается «живым», его нерасчлененный костяк хоронится в земле или в корневой яме – «берлоге», мясо съедается под знаком причащения человека к плоти зверя, а сам медведь (его голова и шкура) оказывается желанным гостем в доме охотника. Все действо медвежьего праздника, который в зависимости от пола медведя длится 7–8 ночей, строится на идее гостевания, общения родственных душ. Удачливый охотник-медвежатник считается многократно породненным с медведем (7, с. 267).

Удивительно совпадает обряд доставки убитого медведя в селение у удмуртов и обских угров. И те, и другие оповещают об этом событии пальбой из ружей и криками (добыли медведя). В зависимости от пола медведя ханты и манси кричали эти слова 4 или 5 раз. Как только медведь прибывал в селение, здесь начинался пир в его честь. У обских угров «медвежий праздник» – это детально разработанный ритуал, превратившийся в национальный праздник, в котором участвуют все. Если кто-нибудь не примет участия, медведь обидится и когда-нибудь причинит ему неприятности.

У удмуртов и других восточных финно-угров-земледельцев детали этого праздника, несомненно, существовавшие, оказались забытыми и в какой-то мере были перенесены на домашних животных. Так, у удмуртов заклание домашних животных и птиц сопровождалось просьбами о прощении. Пожилые люди перед этим действием просили душу животного не сердиться, ссылаясь при этом на обычай предков (6, с. 38).

Со временем зооморфная картина мира сменилась антропоморфной. Человек стал поистине мерилом всех вещей, уподобился Космосу со своим верхом, серединой и низом. Части человеческого тела стали мерой пространства, время и пространство соединились в едином хронотопе (обычай измерять расстояние днями в пути).

Божества приобрели человеческий облик. Однако у пермских народов по примеру прежних тотемов они продолжали оставаться незлобивыми. Даже основной противостоящий – противоборствующий Инмара – Вуку-

зе удмуртов ограничивался мелкими проделками, в которых больше юмора, нежели зла. Возможно, поэтому удмурты «подзаняли» носителей зла у соседей. Так в удмуртском пантеоне появились Шайтан, Пери, дух злых болезней Акташ, заимствованные у тюркских народов.

В этот период экологическая культура стала все более замещаться соционормативной. Появились оппозиции свое – чужое, мужское – женское. «Гранная черта отделила человека от окружающей среды – появилось соотношение: центр – я, периферия – мир» (7, с. 26). Все более осознавалась необходимость защищать освоенное пространство от вторжения врагов, реальных и мифологических злых духов, олицетворяющих космический низ. Именно этой необходимостью объясняется отношение к женщине – существу уязвимому, открытому в определенные периоды для вторжения нечистой силы, обычаи избегания, которые ее окружают. Ведь именно по вине женщины, оскорбившей Небо и Инмара грязными пеленками ребенка – т. е. дважды нечистыми – выделениями низа нечистого существа, произошло окончательное отделение неба от земли и прекратился Золотой век Кылдысина в удмуртском и коми мифах. На время родов – время особенно опасное, женщина у пермских народов удалялась в баню – территорию, неразрывно связанную с границей жизни и смерти, на рубеже освоенного и неосвоенного миров. Даже если роды происходили в другом нежилом помещении (в хлеве, овине), мать с младенцем на несколько дней помещалась в баню и лишь после обряда очищения возвращалась в дом (3, с. 167). У обских угров для родов строился особый маленький чум (манькол), в который роженица перемещалась вместе с заготовленными для ребенка люльками и дарами для богини родов. Здесь ей предстояло пережить трижды по 7 дней, после завершения которых она возвращалась в дом, совершив обряд тщательного очищения себя и ребенка освященной водой, окуривания дымом от брошенной на раскаленный топор стружки, останавливаясь по дороге для очищения еще 4–5 раз (в зависимости от пола ребенка) (8, с. 72–77).

Женщина – существо амбивалентное: она обладает способностью не только дать жизнь, но и ее отнять, не только противостоять, но и потворствовать темным силам. У обских угров ее место у входа, у пермских народов жилище делится по диагонали от красного угла к печке на правую (мужскую) и левую (женскую) половины.

Строгим был и обычай избегания: женщина не могла показать свекру и другим мужчинам непокрытую голову и обнаженные ноги, т. е. части тела, связанные с «верхом» и «низом». Эти обычаи были продиктованы не стремлением унизить женщину, продемонстрировать ее зависимое положение, как это стало расцениваться позже, а сложившимся архетипом отношений между оппозициями мужское – женское.

Необходимость защищать не мифологическое, а вполне реальное «про-

фанное» пространство от вторжений приводила к войнам и столкновениям. Однако и здесь срабатывал господствующий архетип неагрессии: души убитых врагов, да и умерших насильственной смертью пополняли ряды злых духов, мстивших живым тяжелыми и внезапными болезнями. Они превращались в «ичетиков» у коми и в «кутiйсей» у удмуртов и бесермян.

Удмурты Малмыжского уезда полагали, что души убитых поров (марийцев) приходят ежегодно в ночь на Великий Четверг (в день, когда была битва) с целью отомстить. Для ограждения от них удмурты оснащали свои жилища ветвями можжевельника. Мстили и души прогнанных со своего местожительства народов. Бесермяне верили, что болезни на них насылают духи «Пуконов» или «Липанов» – неизвестных народностей, которые жили до них в местах их расселения (14, с. 239–241).

Итак, архетипы, возникшие тысячелетия назад в ходе освоения мира и продолжающие существовать в фундаменте сознания в форме коллективного бессознательного, властно диктуют базовой, т. е. типичной личности восточного финно-угра модели поведения.

Наиболее ярко этот архетип выражен в коллективном бессознательном поведении удмуртов, которые по признанию специалистов и в географическом, и в лингвистическом плане занимают центральное положение в финно-угорском мире (15, с. 38). Табу на насилие над живыми и даже неживыми созданиями оборачивалось тем, что формировалась чрезвычайно тонко чувствующая, ранимая личность, ощущающая неразрывную связь со всем мирозданием. Ответственность за все составляющие мироздания порождала тревожность и неуверенность. В сложных жизненных коллизиях подобная личность, как правило, выбирала позицию смирения и непротивления злу насилием, дабы не нарушать хрупкую гармонию мира. Вторжение в этот мир чуждых сил, насилия и агрессии вызывало в душе личности не стремление противопоставить силе большую силу, агрессии – удесятеренную агрессию, а философию и практику терпения и терпеливости. Подчеркиваю, этот выбор является не столько актом сознания, сколько предопределен мощным воздействием подсознания. Однако терпение не безгранично, порой неумолимый ход событий, стечение обстоятельств разрывают его границы. Но даже в этой ситуации личность, закодированная архетипами ненасилия, направляет агрессию не на внешний мир, а на себя, предпочитая уход из профанного пространства в «мир иной». Возможно, именно поэтому самой распространенной формой девиантного поведения среди европейских венгров, обских угров и приуральских удмуртов являются самоуничтожающие девиации – алкоголизм, самоубийство (16, с. 142).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Юнг К. Г.* Собрание сочинений. Дух Меркурий. М.: Канон, 1996.

2. *Крупник Н. И.* Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989.

3. *Конаков Н. Д.* Традиционное мировоззрение народов Коми: Окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми научный центр УрО РАН, 1996.

4. *Евсюков В. В.* Мифы о вселенной. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988.

5. *Напольских В. В.* Как Вукузё стал создателем суши. Удмуртский миф о сотворении земли и древнейшая история народов Евразии. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 1993.

6. *Виноградов С. Н.* Элементы традиционного мировоззрения удмуртов // Вестник УдГУ. Ижевск, 1992. № 6.

7. *Головнев А. В.* Говорящие культуры. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1995.

8. *Ромбандеева Е. И.* Душа и звезды. Предания, сказания и обряды народа манси. Л., Ханты-Мансийск, 1991.

9. *Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999.

10. *Минниахметова Т. Г.* Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск. УИИЯЛ УрО РАН, 2000.

11. *Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994.

12. *Зеленин Д. К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М., Л., 1937.

13. *Атаманов М. Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск: Удмуртия, 1989.

14. *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1900–1913 гг. М.: Индрик, 1994.

15. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974.

16. *Вингиндер И.* Социокультурный анализ девиаций в Венгрии. О природе девиаций // Социально-гуманитарные знания. М., 2000. № 6.

Margarita Grishkina

NONVIOLENCE: ARCHETYPES AND SOCIAL CULTURAL DOMINANTS OF THE EASTERN FINNO-UGRICS

Archetypes, originated thousand years ago while realizing the world and going on to exist in the basis of consciousness in the form of collective unconsciousness, authoritatively dictate models of behaviour to a basic, i.e. typical person of the Eastern Finno-Ugrics.

Taboo of violence to living and even non-living creatures turned into forming an extremely susceptible vulnerable person, feeling indissoluble connection with the whole universe. In complicated life collisions such a person as a rule chose the position of resignation and non-opposition to evil by using violence in order not to upset a fragile harmony of the world. This choice is not so much the act of consciousness. Therefore in a desperate situation the person, encoded by the archetypes of nonviolence, sends this aggression not to the world around but to himself, preferring to leave this perverted world for "the other" one.

«Финно-угроведение», 2001, № 2.

Олег Данилов
Йошкар-Ола

КУЛЬТ ЛОСЯ И ОЛЕНЯ У ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ
(истоки и развитие)

Культ лося и оленя распространен на огромной территории — от Прибалтики до Западной Сибири и, судя по археологическим материалам, является одним из древнейших [1; 20; 47; 63 и др.]. В лесной зоне он сохранил свое значение с эпохи формирования прафинно-угров до настоящего времени. При этом почитание оленя выходит далеко за пределы лесной полосы Евразии.

Археологически культ этих животных представлен их изображениями, выполненными гравировкой на камне, керамике; скульптурой, исполненной в камне, кости, дереве и металле, в позднее время — вышивкой на одежде и аппликацией из кожи и меха на бытовых предметах. Внимание художника чаще всего привлекают головы животных, но имеются и их целостные изображения. Почитание лося и оленя отражают письменные памятники, начиная с древнейших, обширный материал об этом представляют различные этнографические источники.

К древнейшим изображениям следует отнести найденную на стоянке Горная Талица (р. Чусовая) в Пермском Приуралье сланцевую плитку с гравировкой головы лося (рис. 1,*1*). Характерная горбатая морда, шерсть, переданная горизонтальными полосами, свидетельствуют о реалистической манере исполнения. Судя по некоторым особенностям — изгиб передней части морды, вытянутые пропорции — изображение может являться исходным для более поздних, распространенных в Прикамье и в Поволжье. Датируется находка переходным от палеолита к мезолиту временем [29, с. 15].

Схожую манеру исполнения мы наблюдаем на сланцевой пластине (голова лося в графике) с Волоконного поселения (рис. 1,*2*); более схематично выполнена голова лося на керамике на Майданской стоянке (рис. 1,*3*); известны изображения голов животных, выполненных в глине (рис. 1,*4*) и

кремне (рис. 1,5) [32, с. 162; 33, с. 66—67; 31, с. 43, рис. 17, 10; 36, с. 138, рис. 64, 12]. Совершенно замечательное изображение на керамике известно из раскопок на поселении Мольбище (рис. 1,6) [64, с. 70, рис. 6, 4]. Вероятно, здесь как раз представлен олень, судя по пропорциям головы. Можно предположить, что в этой группе находок головы без рогов принадлежат изображениям важенок или молодым животным.

В. В. Никитин отмечает важную роль лося в идеологических представлениях местного населения. На памятниках эпохи раннего металла встречаются захоронения черепов лосей в жилищах (Майданская стоянка, Мазарское I поселение и др.). Иногда остатки черепов лежат прямо на полу жилища вблизи выходов. Автор связывает это с возможностью того, что череп лося в древности помещался на козырьке крытого входа и по мере гибели жилища вместе с кровлей падал на пол [33, с. 67]. Это подтверждает наличие культа лося (оленя) в данный период. Помещение черепа лося на входе свидетельствует о его значении как охранителя дома и членов рода. Вероятно, эти представления сохранились до позднейшего времени, проявляясь в обычае помещать на коньках крыши изображения животных. Черепа коней, например, иногда долгое время хранились во дворе дома около входа в него. В этом также проявляются следы более древних представлений, так как конь впоследствии заменил лося (оленя) в культовых представлениях, хотя и не полностью.

Не только предположительным, но и вполне установленным фактом можно считать, что в охотничье-рыболовческом хозяйстве происходило обожествление тех животных, которые имели наибольшее значение. Так, для территории Марийского Поволжья результаты анализа остеологического материала из памятников волосовской культуры (3 памятника) показали, что большинство костей принадлежит лосю, затем медведю и северному оленю. Соотношение между видами животных по количеству особей (в процентах) в древнейших археологических памятниках Марийского края показывает, что кости лося составляли от 23,6% на Виловатовской, до 94,1% на Майданской стоянках. Кости медведя от 5,9% на Виловатовской и Майданской, до 25% на II Ахмыловской стоянках [44, с. 97, табл. 1; 45, с. 150, прилож. 2]. Это подтверждается и материалами памятников волосовского времени на Верхней Волге. Д. А. Крайнов отмечает, что в остеологическом материале здесь больше всего костей принадлежало лосю, северному оленю и кабану, мясо которых шло в пищу [22, с. 19].

Верхневолжские памятники также свидетельствуют о культовой роли этих животных, проявляющейся в различных формах, сходных с Волго-Камьем и Приуральем. Скульптуры лося найдены в этом регионе на стоянках Сахтыш I, II, Модлона, Володары и др. [5; 41; 61]. Кроме того, на стоянке Сахтыш II открыто «святилище», отражающее, как пишет Д. А. Крайнов, сложный жертвенный обряд, связанный с культом промысловых

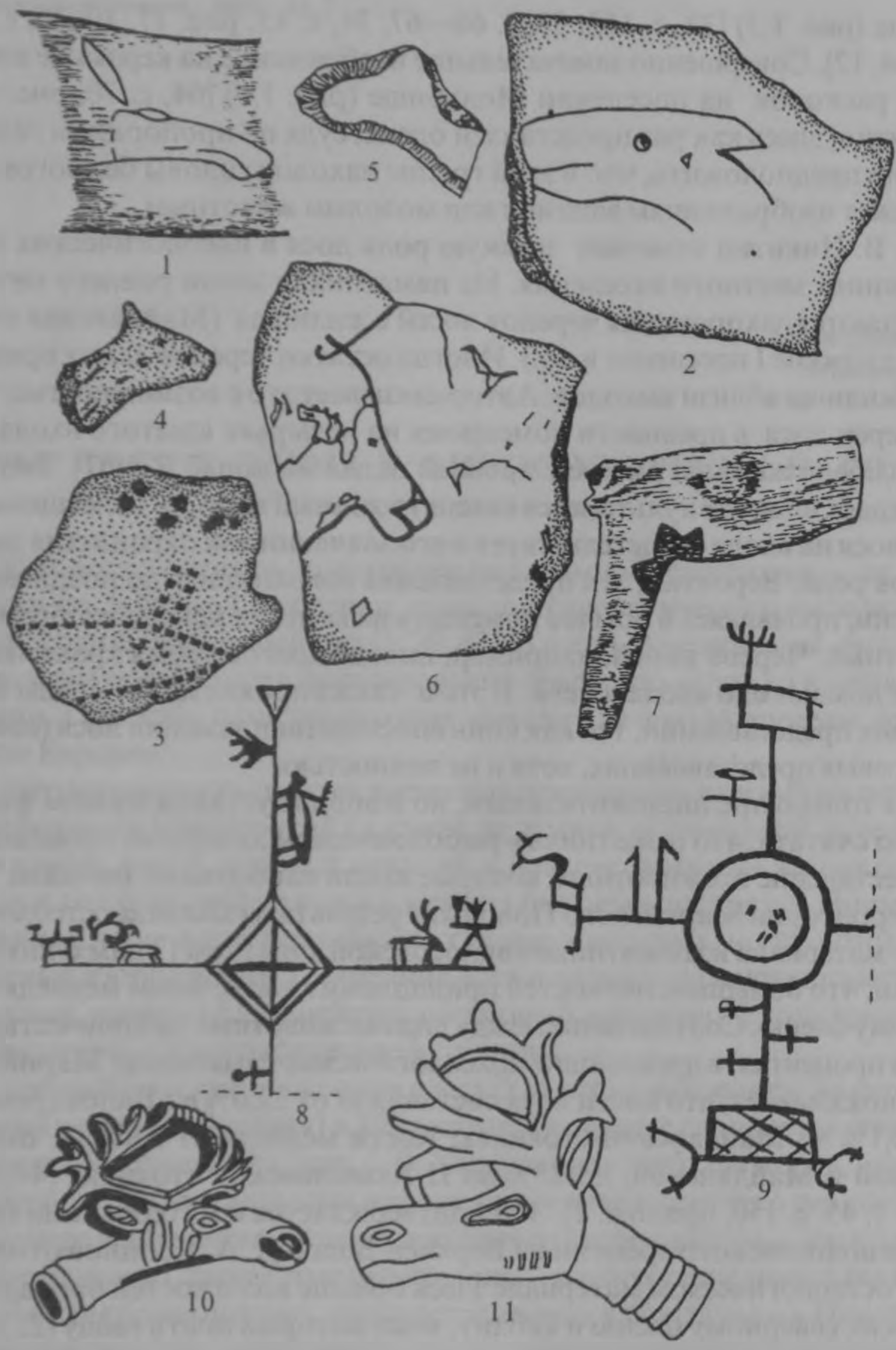

Рис. 1. 1 – Горная Талица, стоянка; 2 – Волоконное поселение; 3 – Майданская стоянка; 4 – Баркужерское поселение; 5 – Галанкина Гора, поселение; 6 – Мольбищенское III поселение; 7 – Модлона, стоянка; 8, 9 – Фенноскандия; 10 – Редикарский могильник; 11 – Билярское городище;

1, 2 – сланец; 3, 6 – керамика; 4 – глина; 5 – кремень; 7 – рог; 8, 9 – кожа, краска; 10, 11 – бронза.

животных (лося, северного оленя, куницы и бобра) [22, с. 19]. Интересным фактом является то, что в фатьяновских памятниках нет обработанных костей лося или оленя, во всяком случае, они не отмечены в большой обобщающей работе Д. А. Крайнова [21]. Это свидетельствует о более северном и восточном распространении культа лося (оленя), возникающего и на Верхней Волге в среде местных племен.

В связи с промысловым значением этих животных следует отметить, что культ лося (и оленя) «вряд ли имел прямое отношение к тотемизму: поскольку это животное в тайге всегда было главным объектом мясной охоты, то табуация его, как условие тотемического культа, не могла проявиться в сколько-нибудь полной мере»; М. Ф. Косарев отмечает, что почитание лося своим родовым покровителем отдельными группами обских угров связано не с лосем как таковым, а со свидетельством почитания реального исторического предка по имени «Лось» [20, с. 195].

Из верхневолжских находок следует отметить голову лосихи, выполненную из рога, и особенно близкую к ней скульптуру с солярным изображением со стоянки Модлона (рис. 1,7) [22, с. 21; 41, с. 34]. Это довольно большой круг изображений, связывающий лося (и оленя) с представлениями о мироздании, верхнем небе и связи с солнцем. Эти идеи были общими для лесных культов и повлияли на их соседей, особенно в конце эпохи камня и в эпоху раннего металла. М. Ф. Косарев отмечает, что на древних писаницах Урала лось обычно изображался со знаками солнца и небосвода, что и выражало поздние представления западно-сибирских аборигенов о лосе в тайге (как и олене в тундре) как животном, специально созданном богами в качестве основного источника существования людей. В верованиях сибирских народов образ лося-солнца и оленя-солнца занимает значительное место. Как считает М. Ф. Косарев, изображения солнца с разветвленными лучами, встречающиеся в древней наскальной живописи Урала, отражают слияние представлений о лосе и солнце в единый синкретический образ лося-солнца или солнца-лося [20, с. 196].

О раннем распространении культа лося говорит то, что в конце эпохи бронзы в период контактов между прафинно-уграми и индо-ариями этот культ, как считают Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский, был заимствован последними в виде мифов о волшебном лосе Шарабхе и сохранился в индийской мифологии. Правда, представления о внешнем облике Шарабхи были различны и даже противоречивы. Но чаще всего его относили к разряду оленей. Исследователи считают, что прообразом Шарабхи в индийской традиции был лось, наиболее сильный и крупный представитель семейства оленевых, живущий в северной лесной зоне, обладающий быстрым бегом и вступающий в борьбу с хищником [4, с. 104—106].

Можно согласиться с указанными авторами, поддерживающими точку зрения тех исследователей, которые выводят слово «Шарабха» не из

финно-угорских слов, соответствующих слову «рог», а из слова, обозначающего лося. Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский полагают, что происхождение индийской традиции о Шарабхе можно увязать с мифологией угорских народов, поскольку именно в последней имеется ряд совпадений (детальных) с индийскими мифами; интересно и то, что о Шарабхе было известно уже создателям раннеиндийской литературы и даже Ригведы [4, с. 107].

Связь этого лося с небесной сферой хорошо прослеживается в эвенкийских легендах: небесный лось живет в тайге верхнего мира, днем скрываясь в ее чаще, а ночью взбирается на горные вершины и в образе Большой Медведицы появляется среди других небожителей. Он выбегает из тайги и, взбираясь на горную вершину, может достать солнце [4, с. 106—107]. Но эти представления были характерны и для финно-угров. Среди изображений на саамских бубнах, где представлено трехчастное деление мира, фигурируют олени (возможно и лоси), занимающие не только средний, но и верхний мир (рис. 1, *8-9*) [46 , с. 365].

Связь оленя и лося с солнцем также находит множество подтверждений как в археологическом, так и в этнографическом материале на обширных территориях. М. П. Грязновым в 1929 г. на Алтае в погребениях были найдены конские костяки, которые имели маски оленей и змеи. И. И. Мещанинов интерпретировал первые как олицетворение солнечного светлого начала, а вторую маску как олицетворение преисподней, божества мрака и зла [60, с. 251]. Исследователи достаточно единодушны в мысли о широком слиянии культов ряда крупных животных и солнца в ананьинское время. Этот синтез наблюдается и в последующее время. Большой интерес в этом плане представляют жезлы-навершия, происходящие с финно-угорских территорий. Из Редикарского могильника происходит такой жезл, изображающий голову лося со сложно оформленными рогами (рис. 1, *10*) и датированный IX—XII вв. [38, с. 274, рис. 3,8]. Судя по пропорциям и некоторым характерным чертам, это изображение лося. В очень сходной манере изготовлено навершие, найденное в Биляре и известное из коллекции А. Ф. Лихачева (рис. 1, *11*). Нам кажется, что здесь трактовка образа более тонкими чертами больше напоминает оленя. Относительно второго навершия М. Г. Худяков считал, что оно принадлежит к эпохе земледельческого хозяйства и выражает космическую идею в форме звериного образа, возникающего в более раннюю эпоху охотничьего хозяйства и тотемических культов [60, с. 176—177 , рис. 1]. Оставим объяснение Михаила Георгиевича. Оно исходило из актуальных на то время посылок, развивавшихся и другими исследователями. В этих изображениях интересна моделировка рогов, довольно сложная, верхняя часть которых оформлена в виде полукружья с отростками. По-видимому, они символизировали солнце с лучами. Такая трактовка находит подтверждение в по-

здних материалах. Смирнов приводит легенду об олене, выбегавшем из леса ежегодно в Ильин день и приносившемся в жертву [50, с. 135]. М. Г. Худяков отмечает, что появление этого оленя было приурочено к празднику бога-громовника, связанному с аграрным хозяйством, а «Олень-Золотые Рога», празднование которому в Прикамье проводилось еще в XIX в., был связан с солнцем [60, с. 253]. Возможно, на навершии представлен этот олень. Но таким солнценосным животным мог быть и лось.

Известно, что древние культы были многозначны по своему содержанию и включали в себя сложный комплекс представлений. Так и культы этих животных тесно переплетаются у целого ряда финно-угорских народов с культом воды. Корни этого явления также уходят в древность, по крайней мере к рубежу неолита и эпохи раннего металла. Сами изображения животных ничем не отличаются от предыдущих групп. Они вполне реалистичны, разве что отсутствует солярная символика. Деревянные, костяные (роговые) скульптурные изображения лосей и лосиных голов имеются в Шигирском и Горбуновском торфяниках и датируются последней третью III — первой третью II тыс. до н. э. (рис. 2, *1-3*) [65, с. 55 и сл.].

Одна из лучших по сохранности фигурок лосихи из Горбуновского торфяника вырезана из ольхи (рис. 2,*5*) и имеет полость в спине [65, с. 44—45, рис. 35]. Аналогичная скульптура происходит оттуда же и характеризуется более тщательной отделкой, хотя сохранность ее хуже. Д. Н. Эдингом было высказано предположение, что полость в теле животного свидетельствует о замене этими скульптурами настоящих животных при жертвоприношениях и об ограничении жертвенного дара пищей, помещенной в полости фигуры. Кроме того, «намеренная порча их после обряда позволяет высказать предположение, что вслед за окончанием жертвоприношения скульптура ломалась и забрасывалась в воду или топкое место, то есть не употреблялась больше одного раза. Третий момент характеризуется тем, что небольшие деревянные луки, находимые в торфе, служили для магического «убиения» изображения животного» [65, с. 49]. Ритуальные луки как жертвоприношения божествам широко были распространены у манси. Забрасывание скульптур в воду, вероятно, свидетельствовало о жертвоприношениях воде или хозяину воды [7, с. 41, 101—102]. М. Ф. Косаревым прослежено бытование мотива лося в Западной Сибири от эпохи неолита до XIX в. [20]. О непрерывности этой традиции можно говорить и для других территорий. В неолитических писаницах Онежского озера, например, лоси являются одним из распространенных сюжетов. К. Д. Лаушкин связывает их изображения с жертвоприношениями солнцу, исходя из того, что местоположение онежских памятников указывает на точку заходящего солнца [26, 96—97, рис. 9]. Однако на фотографии скала Пери Нос имеет очень любопытную особенность: вместе с

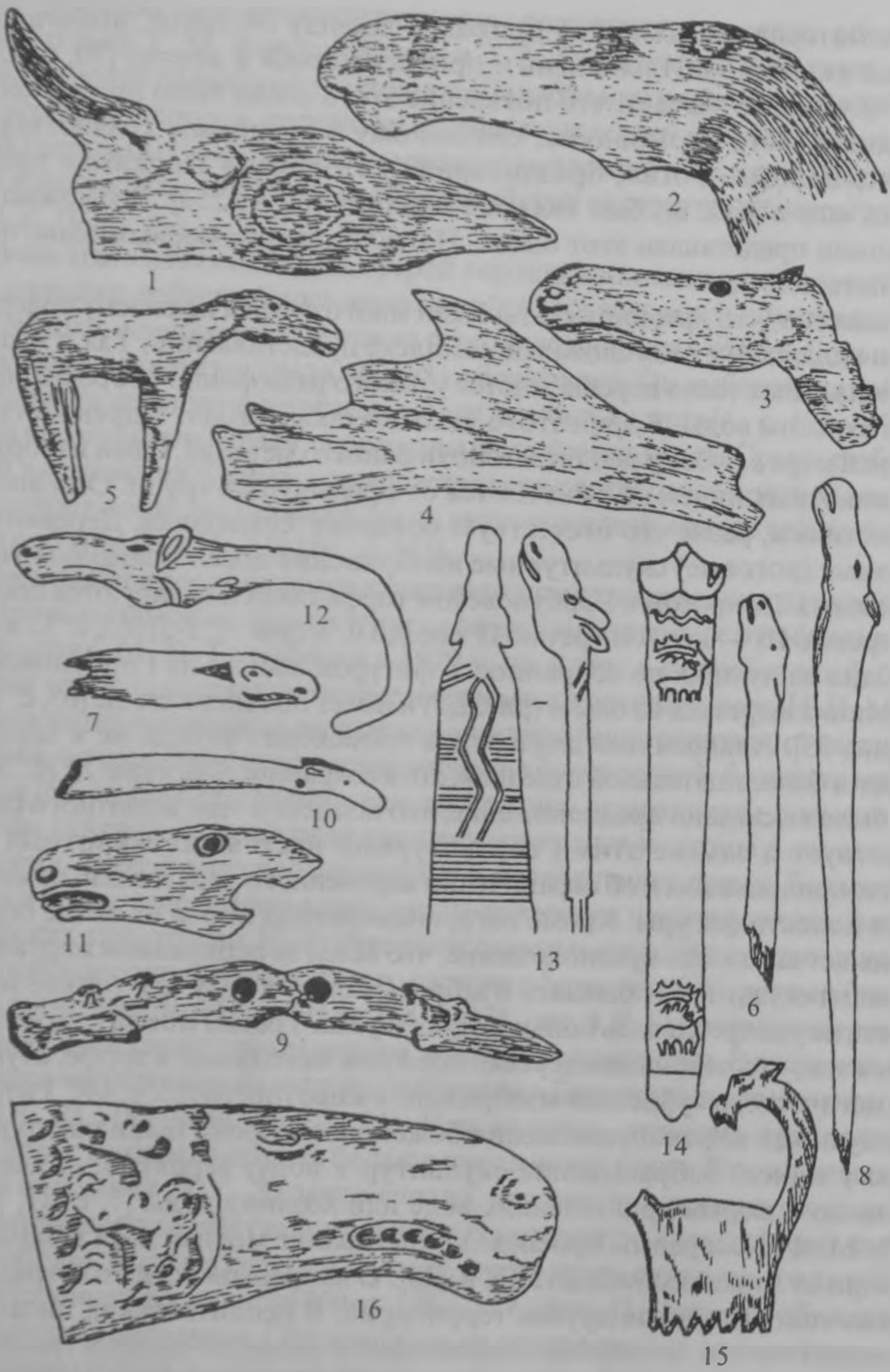

Рис. 2. 1 – Аннин остров; 2, 3 – Шигирский торфяник; 4, 5 – Горбуновский торфяник; 6 – Ройский Шихан, городище; 7, 8, 11, 15,16 – Пижемское городище; 9 – Аргыжское городище; 10 – Гляденовское костище; 12 - Ананьинский могильник; 13 – Сейминский могильник; 14 – Зуевский могильник.

1 – рог; 2, 4, 5 – дерево; 3, 6–11, 15,16 – кость; 12–14 – бронза.

изображениями животных она находится на уровне воды. Автор замечает, что все петроглифы выбиты в непосредственной близости от воды — не далее 2 м от береговой линии и даже при слабом ветре волна прибоя набегает на скалы с изображениями, постоянно омывая их [26, с. 105]. Но К. Д. Лаушкин говорит о культе солнца, хотя приводит не один пример поклонения воде или божеству воды. Очень красноречиво об этом свидетельствует следующее поверье, бытовавшее у саамов еще в XIX в.: «Кости оленя никогда не бросают на улицу; их опускают в реку; если не исполнить этого — лопарю никогда не будет удаваться поймать оленя» [59, с. 207].

Жертвоприношения духу воды, в том числе и кровавые, были у манси. Васюганские ханты, по сообщению В. М. Кулемзина, имели ритуальные деревянные молоточки, рабочая часть которых оформлялась в виде головы лося. Такие молоточки оставались у священного кедра; считалось, что водяной дух по ночам забивает ими расшатанные колья запоров, способствуя этим успеху рыболовства [7, с. 101—102; 25, с. 36]. В данном случае наблюдается сходство в поклонении водяному духу на огромной территории — от Васюгана до Карелии — у народов, принадлежащих к финно-угорской общности.

Кроме «полных» или целостных изображений лося и его головы существуют изображения его рогов. Вероятно, их можно считать аналогом амулетов из медвежьих клыков, являвшихся оберегами. Например, можно указать на очень реалистично исполненное изображение из Горбуновского торфяника (рис. 2, *4*). Датируется рог энеолитом — началом бронзового века. Однако, деревянный рог из Горбуновского торфяника был не амулетом. Он имеет слишком большие размеры — 36,4 см [65, с. 59, 102, рис. 55; 20, с. 194—195]. Рог или являлся символом лося, был сам по себе «священным», как воплощение животного, или являлся частью цельной скульптуры, но в таком случае последняя должна была иметь очень большие размеры.

К таким же ритуальным фигурам-сосудам, как горбуновские лоси с полостью на спине, относились и сосуды с ручками в виде головы лося (рис. 2, *3*) из Шигирского торфяника. Таким образом, и в культе лося имеются ритуальные сосуды, как и в культе медведя. К этому же кругу вещей относились и черпаки, например, из Шигирского торфяника (рис. 2,*2*), имеющие прорези и голову лося на ручке и служившие, по мнению Д. Н. Эдинга, для вылавливания мяса из похлебки [65, с. 49, рис. 44, 45, 40, 41]. Все это говорит о том, что для жертвоприношений должна была служить специально изготовленная ритуальная посуда, возможно, иногда делавшаяся для одного жертвоприношения. У манси, например, на культовом месте Куль-отыр-ойка были специальные деревянные долбленые корытца для жертвенного мяса, деревянные ложки и деревянные

лопаточки. И здесь же, где жертвенным животным был олень, имелась и лопаточка из оленьего рога [7, с. 41—42].Специальная посуда (котел) только для жертвоприношений имелась и у марийцев [13, с. 18].

В качестве третьей группы выделяются изображения на бытовых предметах и на оружии. В них хорошо проявляется роль лося (и оленя) как покровителя процесса производства и их значение как божеств довольно высокого порядка. Широкое распространение изделия этой группы получают в эпоху металла, особенно в раннем железном веке.

К этому времени относится рельефное изображение головы лося из городища Ройский Шихан (рис. 2, *6*). К VI в. до н. э. относятся два изображения лося на костяных иглах (рис. 2, *7, 8*) из Пижемского городища. К этому же периоду следует отнести роговую псалию с изображением голов лося (рис. 2, *9*) [2, с. 107, рис. 5, 9; 18, таб. 5, 4, 6; 58, с. 225, рис. 82, 4].

Таким образом, наблюдается явно большое количество изображений лося на предметах бытового назначения, что свидетельствует о представлениях о лосе как покровителе не только людей, но и животных и различных видов хозяйства. Появление изображений на псалиях говорит о покровительстве древнего божества над конем, вероятно, так же, как над средством производства, и по-видимому, дорогом, так как оно нуждается в ограждении от различных случайностей. Покровительство над людьми выражается в амулетах с изображением лося, например, из Гляденовского костища (рис. 2, *10*), о чем свидетельствует небольшое отверстие в верхней части предмета. По-видимому, имела отверстие и прекрасно исполненная костяная головка лося из Пижемского городища (рис. 2, *11*) [14, с. 287, рис. 42]. Вероятно, охранительную функцию имел поясной крючок с изображением головы лося (рис. 2, *12*) из Ананьинского могильника. Интересен костяной гребень из Пижемского городища с фигурным изображением горбоносого животного с длинной шеей. Рисунок очень схематичен (рис. 2, *15*). Однако некоторые особенности позволяют отнести его к изображениям лося. По-видимому, магические функции выполняла и бронзовая пластина в виде долотца (рис. 3, *1*) из Канинской пещеры, датированная IV—III вв. до н. э. [15, табл. XVII, 3, XIII, 4; 18, с. 217, табл. 11, 3, 3а]. Здесь мы видим сохранение традиций в изображении лосей, характерных для раннего периода.

Продолжают существовать изображения лося на оружии, например, на бронзовых ножнах из погр. 143 Зуевского могильника (Нижнее Прикамье) (рис. 2, *14*) [19, с. 66, рис. 2, 10]. В данном случае изображения, вероятно, имели охранительное значение для самого клинка. Однако, помещение изображения животного на оружии характерно и для более раннего времени. Изображение лося имеется на рукояти бронзового ножа из Сейминского могильника (XV—XIX вв. до н. э.), причем сопровождается изображением змеи, как и на ножнах из Зуевского могильника (рис. 2, *13*).

Вполне можно согласиться с мнением, что лось на сейминском ноже относится к широкому кругу изображений лося в таежной и лесной зоне от Западной Сибири до Карелии [3, с. 57, 111—112, рис. 50].

Если в ранние периоды изображения лосей выполнялись в обобщающе-реалистической манере с фиксацией наиболее типичных черт (массивные губы, утяжеленное окончание морды), то дальнейшее развитие образа характеризуется все большей стилизацией. Таково, например, изображение лося на костяной рукояти ножа с городища Грохань (Нижняя Кама) с ярко выраженным утяжеленным окончанием морды. Датируется изображение V—IV вв. до н. э. На предметах периода финального ананьина появляется орнаментация. Именно этим характеризуется изображение лося с Буйского городища, датируемое IV—III вв. до н. э. [54, табл. VIII, 4; 15, с. 127, табл. XXIV, 14].

В древних культах, как уже говорилось, наблюдается соединение различных представлений. Это наблюдается и в культе лося. К изображениям, отражающим подобный синкретизм, относятся рукоять в виде лосиной морды с изображенным на ней медведем (рис. 2, *16*) [15, табл. XXVI, 10], сейминский нож с лосем, под горлом которого нарисована змея, бронзовые ножны из Зуевского могильника, где над оленем изображена змея. Все это указывает на стремление древнего художника, а скорее — владельца вещи, заручиться поддержкой не одного божества, а нескольких, причем, вероятно, наиболее значительных. Змея и, возможно, лось изображены на каменном пряслице (рис. 3, *2*) из Половинного I селища (датируется VI—III вв. до н. э.) [18, табл. 11, 5]. Изображения непосредственно друг с другом не связаны и отличаются большим схематизмом.

Лось (олень), следовательно, выступает как божество высшего порядка, имеющее всеобщее значение и отношение практически ко всему. Это значение лося сохраняется в течение всего ананьинского времени. На возможность подобной трактовки указывал А. П. Смирнов, отмечавший, что лось (и медведь) считались старшими среди определенных видов животных, т. н. «хозяевами», и что под термином «хозяин» человек понимал существо особенное, выдающееся по своим индивидуальным качествам [48, с. 264].

Вероятно, еще в конце I тыс. до н. э. шел процесс угасания мотива лося (оленя) в изобразительном искусстве населения Марийского Поволжья и ближайших территорий и замена его изображениями коня (соответственно и замена культов), роль которого более возрастает. В I тыс. н. э. изображения лося (оленя) на территории Марийского Поволжья практически отсутствуют. Но здесь следует иметь в виду, что изображения на ажурных бляхах и так называемых «коньковых» подвесках не всегда изображали коней. Хотя подавляющее их большинство действительно представляет коня, на части из них более или менее явно прослеживаются черты лося.

Объясняется это тем, что многие функциональные особенности культа лося и оленя перешли к коню, культ которого возник и развивался уже на существующей более древней основе и воспринял многие прежние элементы. В то же время в Пред- и Зауралье, в Карелии культ лося сохраняется в прежнем объеме как отражение постоянства хозяйственных занятий населения.

К средневековью относится подвеска из Биляра (рис. 3, *3*), которую Л. А. Голубева относит к изображениям коня, основываясь на наличии гривы, выполненной насечками [11, с. 48, табл. 19, 7]. Скорее всего исследовательница права, хотя здесь морды животных отличаются от большинства коньковых подвесок, пусть они и переданы стилизованно. Более близки они трактовке головы лося из Гляденовского костища (рис. 3, *4*). Датируется изделие XIII в. [48, табл. XVIII, 29; 11, с. 47—48]. И никак нельзя отнести к изображениям коней подвеску из Больше Тиганского могильника, датирующуюся VIII—IX вв. (Татарстан, р. Кама). Здесь звери кроме характерных горбатых лосиных морд имеют еще и «бороду» (рис. 3, 5) [11, с. 44, табл. 17, 1]. Поздние материалы позволяют говорить о лосе и олене именно как о божествах. Упомянутые подвески Л. А. Голубева связывает с магией плодородия; они были характерным женским украшением и носились прикрепленными к одежде на груди или подвешенными к поясу [11, с. 44]. Вероятно, в этой группе украшений отразились взгляды на лося (оленя) (возможно, важенку) как на божество плодородия и покровителя, в ранние периоды связанного с охотничьей магией, а затем с земледельческой, но сохранившего свои функции. Возможно, подробный стилистический анализ позволит выделить из «коньковых» изображений и других животных, а не только лося и медведя. Кроме того, следует отметить, что указанные изображения лосей тяготеют к Прикамью (Средняя Вятка и Кама). С. Нурминский отмечал, что у марийцев присутствие оленя в известной местности считается признаком «особенного божественного благоволения», а рога оленей считались талисманами и их «содержат с особенным почетом в жилищах, как хранилище от козней злых духов»; мелко истолченный олений рог принимался при многих болезнях как лучшее лекарство» [36, с. 246—247].

Лось и олень, по-видимому, были связаны с божествами леса, причем и в женских образах. В одном из мифологических рассказов мари олень выступает как покровитель первых людей на земле, а атрибутом богини плодородия и рождения (шочын ава) и божества «тӱҥ юмо» (главное божество, бог начал, основ) считалось наличие оленьих рогов. М. Г. Худяков отмечал, что у марийцев существовало поверье о родовом божестве в виде оленя [55; 60, с. 253].

В XVIII—XIX вв. у марийцев было известно божество Водыж в образе оленя-человека. Об этом говорит легенда, записанная С. Нурминским:

«Ночью он (бог) ходит иногда вокруг селений и пасет скотину, являясь то в образе человека, то в образе оленя. Иногда прогуливается по березовым рощам. И где он проходит,— все деревья кланяются ему до земли, птицы поют ему песни, а дикие звери с благоговением расступаются перед ним. Имя этого божества — Вадыш» [36, с. 258].

Интересно мнение Н. И. Золотарева, считавшего водыжа первоначально водяным [16, с. 15]. Возможно, его имя происходит от финно-угорского *вада* «вода» и суффикса – *ыж*. Так, И. С. Галкин в гидрониме *Кумыж* выделяет суффикс -*ыж* с уменьшительным значением. Но, скорее всего суффикс имел еще и определительное значение, хотя, как отмечает И. С. Галкин, сохранился он всего в нескольких словах [6, с. 50]. Почитание воды марийцами отмечал еще А. Олеарий [39, с. 408—409]. В поздний период представления об этом божестве были очень противоречивы. И. Г. Георги писал о нем следующее: «...лучших называют они ведашками и присваивают им повелительную над лесами, зверями и птицами власть; причем думают также, что они могут звериные промыслы делать удачными и несчастными» [8, с. 31]. И. Н. Смирнов относил водыжей к «злым» божествам [49, с. 164]. А. Ф. Ярыгин полагал, что водыж вначале был высшим духом-покровителем и хранителем леса у луговых марийцев, проживавших в лесной местности, а с переходом к земледелию и оседлости стал хранителем лишь определенных природных явлений (родника. реки, озера), а затем духом огня, домашнего очага, хранителем лугов. хранителем путников в дороге [67, с. 35—36].

И. Г. Георги очень ясно указывает на роль водыжа как лесного божества — «хозяина». Ясно проявляется и связь водыжа с духом воды. Но, скорее всего, точка зрения А. Ф. Ярыгина верна лишь отчасти: водыж был высшим духом — покровителем; что касается его роли хранителя природных явлений, духа огня, хранителя и т. д.— то это отдельные сохранившиеся с древности его функции как божества высшего ранга.

Можно также предположить, что лось и олень, связанные с солнцем и небом ранее, сохраняют это значение и в поздние периоды. Об этом могут свидетельствовать главные божества марийского пантеона, выступающие уже больше в антропоморфном облике (богиня плодородия и бог начал, упомянутые выше). Значение их помогают понять некоторые фольклорные данные других финно-угорских народов. Так, в фольклоре коми-пермяков по некоторым преданиям Пера-богатырь является сыном Кудым-Оша и мансийской княжны Хэстэ, которая имела облик получеловека-полузверя: «Перед кудымом стояло чудище без лба, с огромными ушами... Толстенные губы дрожали, рот был растянут от уха до уха, нос приплюснут, красные ноздри... Бело-желтые щеки поросли редкими волосами, круглые карие глаза умоляюще глядели на Кудыма и были кроткие и жалобные...» [28, с. 34]. Л. С. Грибова резонно замечает, что лицо Хэстэ

скорее напоминает лосиную морду и уточняет лопарский образ Мяндаш-Каб, которая превращается в важенку и уходит вслед за оленьим стадом [12, с. 61—62]. Однако, Мяндаш-Каб, вероятно, была связана с небом. В марийском языке *каба (кава, кява)* означает «небо» и, кроме того, существует божество, связанное с небом. Г. Яковлев объясняет имя божества «Каба кугу юмо, каба кугу пуйршо» по смыслу как «бог основатель вселенной, основатель рода человеческого, основатель самого зачатия каждого человека и предопределитель будущей судьбы человека» или «великий бог неба и создатель» [66, с. 7]. В штате этого божества имеется его «мать». Вероятно, первоначально это божество было женским. Как отмечает сам Г. Яковлев, «Каве» одна из старших языческих богинь финских, считается богинею, или духом природы; в древнее время финляндцы молились ей об излечении от разных болезней, а женщины наипаче во время родов. «Каве» в «Калевале» называется самой старшей из женщин» [66, с. 7]. Мать Вяйнямейнена — «дочь воздушного пространства» — является «девой творенья» [17, 111, 195 и сл.]. Кроме того, в эпосе существует «хозяйка леса», «владычица лесная», «лесная мать даяний», которая может дать охотнику добычу: Лемминкяйнен обращается к ней с просьбой помочь ему поймать лося Хийси [17, XIV, 135, 175—188, 217—220].

Аналогичные представления об олене-человеке как хозяине оленьих стад или других домашних животных имеются у многих народов Северной Европы. Так, у саамов Лоут-хозик — оленья хозяйка «ходит на ногах, как человек, и лицо человеческое, только вся в шерсти, словно олень»; она посылает оленям богатые пастбища и оберегает их от диких зверей, лишь от человека она не может уберечь стада, а, наоборот, посылает диких оленей к охотникам (ср. с «Калевалой»). То же самое представляет собой Мяндаш-Каб [59, с. 152; 62, с. 61—62].

Раскрывая смысл изображений лося в сочетании с изображениями ловушек, В. Н. Чернецов связывал их с обрядами календарного характера, темой которых было привлечение добычи в ловушки и удержание ее в них и, кроме того, весеннее оживление природы и идея размножения [63, с. 83]. Еще более определенно идея размножения воплощается в лопарском празднике, посвященном оленю и проходившем весной: во время этого праздника участники его (только взрослые) выступали в оленьих масках и снимались половые запреты [30, с. 49]. Васюганские ханты отмечали особый «лосиный» праздник, который проходил в определенное время года и носил родовой характер. В специальном котле варили язык, печень, глаза и сердце лося. Затем старейший брал в руку золу и разбрасывал ее 7 раз по всем сторонам, после чего звал обедать юнгов (лесных духов). Когда проходило время, положенное для их насыщения, к трапезе приглашались сородичи. Женщины в празднике не участвовали

[28, с. 20]. Во второй половине XIX в. у лозьвинских вогул лось выступал как верховное божество — покровитель животных: в определенное время они собирались к нему («сохатому окаменевшему зверю», который находился в верховьях Лозьвы) для молений об изобилии диких промысловых животных [20, с. 195].

Роль лося и оленя как важных ритуальных животных ярко проявляется в костищах и жертвенниках. Кости оленя имелись на Гляденовском костище. Отсюда же происходит вотивное изображение лося (рис. 3, *4*), как считал А. П. Смирнов, из раннего слоя памятника, относящегося еще к ананьинскому времени [48, с. 85, табл. XVIII, 29, с. 250].

Обряд помещения костей оленя и лося в ритуальные комплексы восходит к волосовскому времени. Такие кости отмечены, например, на стоянке Владычинская-Береговая [61, с. 9]. Кости лося вместе с костями медведя найдены в сооружении № 5 (предположительно, культовом) Кубашевского поселения и зубы лося имеются в ритуальном комплексе Чирковской стоянки [57, с. 100, 117—118]. В Канинской пещере для эпохи бронзы кости лося составляли 7,8%, для эпохи железа 14,5%, северного оленя, соответственно, 4,0% и 5,87%. Кости этих животных встречаются и на памятниках средневековья, причем количество костей диких животных постепенно уменьшается по сравнению с костями домашних. В Усть-Туйском костище (V—VI вв.) кости лося составляли 9,47%, остеологические материалы Гаревского и Подбобыкского костищ повторяют состав Усть-Туйского, причем в Подбобыках (VII—VIII вв.) имелись кости оленя [10, с. 99].

Как и в ряде культов крупных животных, в костищах наблюдается связь лося с культом мертвых, однако в какой-то период эта связь становится опосредованной, например, в виде расположения древнемарийских кладбищ рядом с жертвенниками, что отмечал еще И. Н. Смирнов [49, с. 150]. Можно согласиться с Р. Д. Голдиной в том, что к VII—VIII вв. утрачивается одна из существенных сторон характера костищ — употребление их как погребальных памятников — и с этого времени костища существуют только как традиционные жертвенные места. Такой характер имели, по ее мнению, Чаньвенская пещера и жертвенник Чумойтло [10, с. 112].

По-видимому, костища в качестве жертвенников имеют длительную и прочную традицию. А. П. Смирнов предполагал, например, что жертвенник в Чаньвенской пещере существовал, по крайней мере, в течение тысячелетия, а, возможно, и раньше — в первой половине I тыс. до н. э. и принадлежал манси. Три слоя, начиная с древнейшего, по его мнению, характеризуются идентичностью, что говорит о сохранении традиций раннего времени в обрядах жертвоприношений до позднейших периодов [48, с. 250—251]. Несмотря на увеличение доли домашних животных в жерт-

1

5

2

3

4

6

7

8

9

10

11

12

13

Рис. 3. 1 – Каминская пещера; 2 – Половинное I селище; 3 – Билярское городище; 4 – Гляденовское костище; 5 – Больше-Тиганский могильник; 6–10 – Республика Марий Эл; 11–13 – Республика Коми;

1, 3–5, 12 – бронза; 2 – камень; 6–10 – вышивка; 11,13 – мех

вопринощениях, количество костей диких особей остается очень большим. И. И. Лепехину местные жители рассказывали о завалах оленьих и лосиных костей — остатках жертвоприношений в Чаньвенской пещере [27, с. 122]. В жертвеннике Чумойтло кости лося составляли (сырые) 72,48%, количество особей — 49,7%, кальцинированные — 52,4%, особей — 28,53%; кости северного оленя (сырые) — 16,00%, количество особей — 17,1%, кальцинированные — 31,0%, особей — 28,52% [10, с. 85, 89]. Северный олень был и домашним животным. П. С. Паллас так описывает жертвоприношения остяков: «Когда отправляют большую общую жертву, то богатые остяки пригоняют оленей стадами к тому месту и из оных оставляют только домой доехать: богач стыдится в таком случае привести меньше 8 или 10 оленей» [43, с. 23].

В этих примерах связь с божествами, от которых зависела удача на охоте, несомненна. Второй момент: приобщение к божеству через «священную» трапезу свидетельствует о лосе как всеобщем покровителе. Разбрасывание золы во все стороны, судя по широко распространенному обычаю у земледельческих народов разбрасывать ее по полям, является показателем осмысления лося как божества плодородия. Таким образом, характерными во всех этих представлениях являются несколько моментов: 1) связь оленя и лося с небом, 2) олень и лось — лесные божества, «хозяева», возможно, прародительницы природы, в том числе лесной, 3) они же боги (богини) плодородия.

Олень, лось как покровители, охранители сохраняют свои функции до позднего времени. А. П. Смирнов писал, что в геометрически стилизованном виде изображение оленя встречается в Прикамье в марийских вышивках на женских головных уборах; эти вышивки имели магическое значение, и задачей их было «оберегать» носительницу этого изображения от «злых сил» [48, с. 264]. Наличие вышитых «оленьих рогов» на женском головном уборе отмечает Г. И. Соловьева, существовала вышивка и под названием «лось» [51, с. 10]. Орнамент, известный под названием «оленьи рога», имелся и на рукавах кафтанов [24, с. 42]. В марийской вышивке стилистически выделяются два вида изображений, сильно отличающихся друг от друга. Первый характеризуется большими разветвленными рогами и вытянутыми пропорциями (рис. 3, *6, 7*). Трактовка этих изображений как оленей не вызывает сомнений. Второй вид изображений отличается «горбоносостью», сравнительно короткой мордой и небольшими разветвленными рогами (рис. 3, *8, 9*) [51, рис. 14; 1, 3, 15—2, 3]. Более вероятным здесь будет предположить стилизованные лосиные головы. Кроме того, в большинстве случаев изображения оленей располагаются по сторонам «священного» дерева, вторая группа характеризуется прорисовками (вышиванием) лишь головы [51, рис. 14 –5-7]. Мотив лосиных или оленьих голов встречается в вышивке и других финно-угорских народов, напри-

мер, на коми-пермяцких тканых поясах, в полотенечных узорах всех групп коми, и носит название *кӧр сюр* «олений рог». Л. С. Грибова предполагает, что некоторые его вариации означали и лосиные рога [12, с. 70]. Изображения оленей, оленьих рогов с ветвистыми рогами, украшали многие меховые изделия коми, например, сумки (рис. 3, *11, 13*) [12, с. 71, табл. XXI, 4, 5]. Изображения оленей имеются на поясных пряжках и бляшках северных народов (рис. 3, *12*); изготавливались они мастерами коми в Ижемском районе [12, с. 71, табл. XXIII, 9].

Связь оленя с солнцем, возможно, сохранилась в марийской вышивке. Так, нагрудная вышивка женских рубах имеет композицию в виде ромбов. Т. А. Крюкова отмечает, что они сохранили свое название *чызе орол* «сторож грудей» [24, с. 19]. Подобная вышивка имеется и у чувашей и считается наиболее древней [54, с. 120]. Наиболее архаичным этот мотив считается и у марийцев [51, с. 19]. В виде ромба с крестом в вышивке изображалось солнце [40, с. 114]. Подобный ромб (квадрат) в окружении разветвленных стилизованных рогов существует в вышивке марийской одежды (рис. 3, *10*) [51, рис. 14, 2]. Можно предположить, что в этом случае изображены олени вокруг солнца, но не идущие по кругу, а попарно обращенные друг к другу.

Л. С. Грибова отмечает, что сочетание символов солнца и оленя (лося) в виде пережитков культа оленя — лося, связанного с высшим солнечным божеством, имеется у многих народов Сибири и Севера [12, с. 74]. Сохраняется эта связь и в коми-пермяцкой вышивке в виде композиций из ветвистых рогов (замена целого животного), когда получается движение четырех оленей (лосей) по замкнутому кругу вокруг светила, «причем и солнце, и животное представляют собой единое целое» [12, с. 74].

Изображения оленя и лося в качестве оберегов сохранились до современности. Л. С. Грибова отмечает, что среди скульптурно обработанных деталей деревянных построек коми и коми-пермяков встречаются изображения лосиной головы без рогов. Стилизованные лосиные и оленьи рога имеются в разном орнаменте на наличниках окон [12, с. 70, табл. XIV, 10].

Культ лося и оленя является одним из древнейших в лесо-таежной и лесной зоне и, по-видимому, выступает в качестве сформировавшегося уже в волосовское время (по крайней мере, к последнему этапу). В основе его лежало большое хозяйственное значение этого животного, т. е. это был культ промысловых животных. Лось и олень уже в ранние периоды выступают как основные божества, покровители природы, животных и человека. Охранительная их функция проявляется в помещении черепов над входом в жилище, в изображениях на сланцевых пластинах, на амулетах, поясных крючках и накладках, псалиях.

Помещение изображений оленя и лося на оружии символизировало защиту божеств для этих предметов, а также их владельца, выполняя роль

оберега, и, кроме того, должно было магическим путем передать этому оружию силу зверя.

Лось и олень были связаны с божествами солнца и воды, лесного плодородия, а затем являлись божествами плодородия в целом. С этим связано бережное отношение к костям жертвенных животных. «Освященность» божества должна была передаваться предметам с его изображением, например, сосудам и другой обрядовой посуде (глиняной и деревянной, костяной), распространенной на указанной территории.

Лось и олень, таким образом, выступают как божества высшего порядка, имеющие всеобщее значение и отношение практически ко всей природе и к миру, как земному, так и «потусторонним» его формам. Если они и были тотемными животными, то в очень раннее время. Вероятно, уже в энеолите они утрачивают подобное значение, превращаясь в верховные божества, в том числе и в божество неба. По-видимому, это были божества женского рода, судя по изображениям, как правило, без рогов. Связано это было с эпохой матриархата. Как верховные божества они были покровителями и хранителями различных природных явлений, дома и домашнего очага, духами огня и божествами плодородия.

Практически все эти проявления многочисленных функций божеств, имея древнюю основу, сохранились до позднейшего времени и в той или иной степени дошли до наших дней.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Акцорин В. А.* Историко-генетические связи финно-угорских племен по данным мифологии // ВМФИ. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1980.

2. *Архипов Г. А.* Городище «Ройский Шихан» // История, археология, этнография. Тр. МарНИИ. Вып. XI. Йошкар-Ола, 1958.

3. *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.

4. *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. М., 1983.

5. *Гадзяцкая О. С.* Костяные изделия стоянки Сахтыш II // КСИА. № 106. М., 1966.

6. *Галкин И. С.* Тайны марийской топонимики. Йошкар-Ола, 1986.

7. *Гемуев И. Н., Сагалаев А. М.* Религия народа манси. Культовые места (XIX – нач. XX в.). Новосибирск, 1986.

8. *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 1. О народах финского племени. СПб., 1795.

9. *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.

10. *Голдина Р. Д.* Жертвенное место Чумойтло в Южной Удмуртии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.

11. *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1–59. М., 1979.

12. *Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль (Проблемы семантики). М., 1975.

13. *Емельянов А. И.* Языческое моление черемис // ИОАИЭ. Т. XXXI. Вып. 4. Казань, 1922.

14. *Збруева А. В.* Пижемское городище // ИГАИМК. Вып. 106. М.– Л., 1934.

15. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА. № 30. М., 1952.

16. *Золотарев Н. И.* Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис. Казань, 1887.

17. Калевала. М.:Л., 1933.

18. *Корепанов К. И.* Звериный стиль в искусстве племен Среднего Поволжья и Прикамья в VII—III вв. до н. э. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.

19. *Корепанов К. И.* О локальных различиях в искусстве «звериного стиля» Среднего Поволжья и Прикамья в VII—III вв. до н. э. // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск, 1987.

20. *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности. М., 1984.

21. *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972.

22. *Крайнов Д. А.* Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.

23. *Крупецкий А.* Коми-пермяцкие руноэзы // Дружба народов. Кн. 5. 1940.

24. *Крюкова Т. А.* Марийская вышивка. Л., 1951.

25. *Кулемзин В. М.* Шаманство васюганско-ваховских хантов // Из истории шаманства. Томск, 1976.

26. *Лаушкин К. Д.* Онежское святилище. Ч. I. Новая расшифровка некоторых петроглифов Карелии // Скандинавский сборник. Вып. IV. Таллин, 1953.

27. *Лепехин И. Н.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч. III. СПб., 1814.

28. Материалы по фольклору хантов. Томск, 1978.

29. *Мельничук А. Ф., Павлов П. Ю.* Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблемы раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.

30. *Никитин А. Л.* Над квадратом раскопа. М., 1982.

31. *Никитин В. В.* Волосовские племена на Средней Волге // АЭМК. Вып. 3. Йошкар-Ола, 1978.

32. *Никитин В. В.* Работы неолитического отряда марийской экспедиции // АО 1979 года. М., 1980.

33. *Никитин В. В.* Древние культы финно-угров Средней Волги. ВМФИ. Вып. 2.

34. *Никитин В. В.* Медно-каменный век Марийского края (середина III — нач. II тыс. до н. э.). Йошкар-Ола, 1991.

35. *Никитин В. В.* Очерк религиозных верований черемис // Православный собеседник. Ч. III. 1862.

36.

37. *Оборин В.* Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976.

38. *Оборин В. А.* Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.

39. *Олеарий А.* Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870.

40. *Орлова Е. А.* Наблюдения над символикой украшений и орнаментов у верховых чувашей // Уч. Записки ЧувНИИ. Вып. 35. Чебоксары, 1967.

41. *Ошибкина С. В.* О работе Вятской и Северной экспедиций // АО 1975 года. М., 1976.

42. *Ошибкина С. В.* Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИА. Вып. 158. М., 1979.

43. *Паллас П. С.* Путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч. III. СПб., 1773—1774.

44. *Петренко А. Г.* К истории фауны памятников волосовской культуры с территории Марийской АССР // АЭМК. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1977.

45. *Петренко А. Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.

46. *Петрухин В. Я., Хелимский Е. А.* Финно-угорская мифология //Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1992.

47. *Савватеев Ю. А.* Залавруга: Археологические памятники низовьев реки Выг. Ч. 1. Петроглифы. Л., 1970.

48. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА. №28. М., 1952.

49. *Смирнов И. Н.* Черемисы: Историко-этнографический очерк. Казань, 1882.

50. *Смирнов И. Н.* Пермяки: Историко-этнографический очерк. Казань, 1891 // ИОАИЭ. Т. X. Вып. 3.

51. *Соловьева Г. И.* Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола, 1982.

52. *Спицын А. А.* Бронзовая скульптура Вятского края и костеносные городища // МАВГР. Т. 1. 1891.

53. *Спицын А. А.* Гляденовское костище // ЗРАО. Т. XII. Вып. 1 и 2. СПб., 1901.

54. *Трофимов А. А.* О чувашском орнаменте // Записки ЧувНИИ. Вып. 35. Чебоксары, 1967.

55. Тошто марий ой-влак: Марийские легенды и предания / Сост. В. А. Акцорин. Йошкар-Ола, 1972.

56. *Трофимова А. А.* О чувашском орнаменте // Уч. Записки ЧувНИИ. Вып. 35. Чебоксары, 1967.

57. *Халиков А. Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. МАЭ. Т. I. Йошкар-Ола, 1960.

58. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа: VIII—VII вв. до н. э. М., 1977.

59. *Харузин Н. Н.* Русские лопари: Очерки прошлого и современного быта. М., 1890.

60. *Худяков М. Г.* Культ коня в Прикамье // ИГАИМК. Вып. 100. М.:Л., 1933.

61. *Цветкова И. К.* Погребения на стоянке Владычинская-Береговая // История и культура Евразии по археологическим данным. Тр. ГИМ. Вып. 51. М., 1980.

62. *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала //САИ. Вып. В4–12. М., 1971.

64. *Шадрин А. И.* Позднеэнеолитическое поселение Мольбище III //АЭМК. Вып. 15. Йошкар-Ола, 1989.

65. *Эдинг Д. Н.* Резная скульптура Урала: Из истории звериного стиля. Тр. ГИМ. Вып.X. М., 1940.

66. *Яковлев Г.* Религиозные обряды черемис. Казань, 1887.

67. *Ярыгин А. Ф.* Современные проявления дохристианских верований марийцев. Йошкар-Ола, 1976.

Сокращения

АО – Археологические открытия
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
ВМФИ – Вопросы марийского фольклора и искусства
ГИМ – Государственный исторический музей
ЗРАО – Записки Русского археологического общества
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры

ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

МАВГР – Материалы по археологии Восточных губерний России

МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории

МАЭ – Марийская археологическая экспедиция

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

СА – Советская археология

ЧувНИИ – Чувашский научно-исследовательский институт

Oleg Danilov

CULT OF ELK AND DEER BY THE FINNO-UGRIC PEOPLES (ORIGIN AND DEVELOPMENT)

In the forest and taiga area of Eurasia cult of elk and deer was one of the earliest and significant. It is preserved up to our days, mostly by the peoples with stable economy, mainly connected with hunting. By the time of Finno-Ugric ethnos formation cult ideas connected with elk and deer had been completely formed and developed and included complicated and various complex.

Cults of the above mentioned animals point to their close ties with the sun, flora and fauna. Obviously, even in the Stone Age elk and deer were perceived as important gods realizing power and supervision of the world around and man. Later they also received the anthropomorphous image, having various zoomorphous features by the various Finno-Ugric peoples.

«Финно-угроведение», 2001, № 2.

Геннадий Тираспольский
Сыктывкар

К ПРОБЛЕМЕ КОНТАКТОВ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ С ПРАСЛАВЯНСКИМ

Мнение о тесных исторических связях финно-угров и славян, особенно восточных, сложилось и неоднократно высказывалось еще в ту пору, когда наука не располагала строгими методами обоснования этой гипотезы и совокупностью фактов в ее пользу.

Исследователи того времени подчеркивали преимущественно мирный характер славянской колонизации финно-угорских земель: русский человек с покорившимися финно-уграми «уживался и не ставил между ними и собою различия: дружины наших первых князей наполнялись разноплеменными выходцами; всем было место» (1, с. 779). То обстоятельство, что славянское заселение финских земель не сопровождалось крупными вооруженными столкновениями, стало решающим условием постепенной ассимиляции финно-угров (2, с. 122). В те же годы были выявлены топонимические факты, подтверждающие финно-угорское прошлое освоенных славянами североевропейских территорий (см.: 3, с. 58–59). Топонимические данные подкреплялись соображениями антропологического характера (см.: 4, с. 27).

В ходе дальнейших исследований эти предположения и наблюдения были уточнены и расширены, однако в своей основе они остались непоколебленными. Так, Л. Нидерле последовательно отстаивает точку зрения, согласно которой между финнами (за исключением мадьяр) и славянами в эпоху колонизации существовали достаточно мирные отношения (5, с. 136). Не устарело и положение о существенном вкладе финно-угров в этническую историю восточных славян (см., напр.: 6, с. 87–88).

Благодаря усилиям отечественных исследователей точка зрения о финно-угорской подоснове древнейшего общего фонда русской топонимики «может считаться общепринятой» (7, с. 159). Установлено, в частности, что финно-угорские племена когда-то обитали в Верхнем Поднепровье.

Гидронимический материал, по мнению В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, позволяет «среди финских названий этого района различать две достаточно старых группы, с одной стороны – западнофинского, с другой стороны – волжско-финского происхождения» (8, с. 242). Подчеркивается «древность и значительность западнофинского компонента Верхнего Днепра» (8, с. 242–243).

Впечатляющие результаты получены в ходе исследования топонимики русского Севера. Несмотря на известные трудности в разграничении топонимов славянского и неславянского происхождения (9, с. 250–251; 10; 11, с. 4), можно считать надежно установленным, что на территории современного русского Севера «в древности обитали различные финно-пермские народы, в основном прибалтийские финны карело-вепсского типа и древнепермяне... В древности пермские народы жили гораздо западнее (вплоть до Северной Двины и даже до Онеги) и южнее, непосредственно смыкаясь с марийцами и мерей... По-видимому, в топонимике русского Севера отражены и особые пермские языки, которые теперь не существуют...» (12, с. 82–83).

Углублённое исследование антропологических, в частности краниологических, черт русского населения дало возможность сделать вывод о том, что различия между русскими и финнами по этим признакам иногда оказываются малозаметными, что объясняется единством исходного антропологического типа и последующей ассимиляцией финнов славянами (13, с. 270).

Согласно широко распространённым представлениям, наиболее ранняя миграция восточнославянских племён на север началась около V в. н. э. Первыми из финно-угров, с которыми вошли в соприкосновение предки современных русских, вятичи, были меря и мурома. Как свидетельствуют археологические находки, интенсивная колонизация вятичами финно-угорских территорий в среднем течении Оки относится примерно к X столетию. Поволжские финны, по мнению археологов, обитали здесь с незапамятных времён. Особенно активное смешение славян с поволжскими финнами происходило, вероятно, в XI–XIII столетиях. Эсты (чудь) и вепсы (весь) вошли в контакт с русскими, согласно летописям, самое позднее в IX в., тогда как карелы и финны – значительно позднее (14, с. 18–20). Последнее косвенно подтверждается тем обстоятельством, что, например, в Ленинградской области ещё в 1970-х годах проживало несколько финно-угорских групп: вепсы, ижорцы, водь, финны, савакот и эвремейсет (см.: 15, с. 45).

Едва ли не самым волнующим в кругу проблематики славяно-финских отношений является вопрос о наиболее ранних контактах финно-угорских и славянских языков. А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Я. Розвадовский и некоторые другие учёные полагали, что в финно-угорских

языках имеются лексические заимствования из праславянского языка. Г. А. Ильинский подчёркивал, что славянские заимствования в финских языках «носят на себе печать седой древности: многие из них сохраняют следы носовых звуков и глухих [т. е. редуцированных гласных – *Г. Т.*], ставят гласные перед плавными в случаях русского полногласия, имеют различные рефлексы для *ѣ* и *е*, удерживают конечное *s* в основах на -о- и пр.» (16, с. 41 – 42).

По мнению П. А. Аристэ, самые ранние контакты праславянского языка с финно- угорскими сложились на западе, в районе Вислы, тогда как языковое взаимодействие восточных славян с финскими племенами началось позднее, однако ещё в ту пору, когда в языке восточных славян сохранялись носовые и редуцированные гласные. В качестве фактов, подтверждающих такую гипотезу, П. А. Аристэ называет следующие слова: эст. *ike* 'иго', фин. *ies* (родит. пад. *ikeen*); эст. *hirs* 'жердь', фин. *hirsi* 'бревно'; эст. *koontalo* 'кудель', фин. *kuontalo*. В более позднее время, по П. А. Аристэ, в финские языки попали славянизмы: эст. *und* жерлица < восточносл. *жда* 'удочка'; эст. *sundima* 'принуждать' < восточносл. *сждити* 'судить'; эст. *lusikas*, фин. *lusikka* 'ложка' < восточносл. *лъжька* (17, с. 23–25). П. Хайду полагает, что из праславянского и древнерусского языков в прибалтийско-финские были заимствованы слова из области сельского хозяйства, рыбной ловли, строительства и некоторые другие (18, с. 203).

Аргументацию в пользу возможности праславянско-финских языковых контактов развивают В. Н. Топоров и О. Н. Трубачёв (8, с. 245–247). По их мнению, ещё в первой половине 1-го тысячелетия н.э. славяне жили довольно однородным территориально компактным языковым массивом, распространение по которому заимствованных слов, усвоенных первоначально хотя бы на периферии славянства, могло быть вполне незатруднённым. Языковая дифференциация финно-угров в ту пору была уже довольно значительной, чем и объясняется известная локальность праславянских заимствований в финно-угорских языках. Тем более примечательно наличие параллельных иранских заимствований в праславянском и финно-угорских языках, напр.: слав.. **bogъ*, морд. *pavas, pas*; слав. **sъto*, фин. *sata*; слав. **xata*, фин. *kota*; слав. *сѧть* 'он говорит', удм. *sïžïnï* 'давать обет, приносить жертву' < авест. *saŋhati* 'возвещает'. Это позволяет предположить, что праславянский в определённую эпоху «подключился» к финно-иранским языковым связям. Позднее могли совершаться прямые заимствования в праславянский из финно-угорских языков, причём одни из них имеют общеславянское распространение, другие – ограниченное. К первым В. Н. Топоров и О. Н. Трубачёв относят славянские **pol-, polovina*, **sčuka* и **dąbъ*, ко вторым – **sčur* 'крыса' и **somъ*.

У гипотезы праславянско-финских языковых контактов есть, однако, и свои противники. Так, по мнению В. Кипарского, «принимая во внима-

ние, с одной стороны, наличие весьма древних балтийских заимствований в балтийско-финских языках, а также в мордовском и черемисском, и древних иранских заимствований в языках славянских, а, с другой стороны, отсутствие иранских заимствований в языках балтийских, следует предположить, что племена, из которых впоследствии развились балтийские народы, были отделены предками славян от иранцев; предки же славян были отделены балтийскими племенами от угро-финнов. Так как последние имеют очень древние заимствования из иранских языков, то следует предположить первичное расселение этих четырёх этнических групп вокруг какого-то непроходимого препятствия, по всей видимости, обширных болот в бассейне Припяти» (19, с. 50).

Рассматривая финские слова *ies* 'иго', *hirsi* 'бревно', *kimalainen* 'шмель', которые, по мнению ряда исследователей, были заимствованы в финно-угорские языки из праславянского, В. Кипарский квалифицирует их соответственно либо как более позднее заимствование из древнерусского, либо как заимствование из балтийского, либо, наконец, как финское по происхождению слово. Лексеме *kuontalo* В. Кипарский приписывает восточнославянское происхождение (20, с. 128–129; 21, с. 68–69).

Мнение В. Кипарского решительно поддержал Ф. П. Филин (22, с. 131–132; 23, с. 16). «Попытка доказать, что древнейшие славянские заимствования в финно-угорских языках относятся ещё к эпохе до первого смягчения задненёбных, совершенно неосновательна,– вторил им С. Б. Бернштейн.– Не может свидетельствовать о древности славянских заимствований передача в финском праславянских [ь] и [ъ] через *i* и *u*, так как в данном случае мы имеем дело с обычной при заимствовании фонетической субституцией звуков» (24, с. 101). В невозможности праславянско-финских языковых контактов убеждён и В. Феенкер (14, с. 144).

Вопрос о взаимодействии финно-угорских и праславянского языков, таким образом, остаётся открытым. Затрудняет его решение целый ряд обстоятельств, главным из которых является недостаток сведений о локализации праславянского языка и его диалектном составе. Окончательно установленным можно считать только то, что праславянский язык возник и развивался на европейской территории. Более точную его локализацию определить пока не удаётся.

Мало известно и о диалектном составе праславянского языка. Одни исследователи считают этот язык изначально монолитным, лишённым заметных диалектных различий (25, с. 7; 26, с. 3), другие отстаивают мнение о существовании в его составе явственно различавшихся племенных диалектов (27, с. 258; 28, с. 9–10; 29, с. 486), в том числе и близкородственных иноязычных, впоследствии ассимилировавшихся с праславянским (30, с. 184–185; 31, с. 63). Высказывалось мнение и об условности временных и локальных границ праславянского языка и его диалектов (32; с. 42).

Принимая во внимание неполноту существующих сведений о временном и территориальном статусе праславянского языка, а также учитывая, что финны обитали в Прибалтике, возможно, с конца III тысячелетия до н. э. (33, с. 6–7), мы не вправе совершенно исключить возможность соприкосновений праславянского и прибалтийско-финских языков. Ещё меньше оснований для такого скепсиса при обсуждении вопроса о праславянском и финском языковом взаимодействии в эпоху балто-славянской общности.

Исследователи интерпретируют такую общность по-разному: одни склонны рассматривать её как продолжение балто-славянского праязыка (см., напр.: 34, с.221–222; 35), другие считают её продуктом вторичного схождения и контактирования (см., напр.: 36; 24, с.6; 37; 38; 39; 40, с.2).

Что же касается времени существования балто-славянской общности, то её можно отнести к середине II тысячелетия до н. э. Имели место и более поздние языковые балто-славянские взаимодействия, но они носили локальный характер (25, с.7).

Как уже упоминалось, во II тысячелетии до н. э. северо-восточное балтийское побережье было местом обитания прибалтийско-финских племён. С ними тогда же вступили в тесный языковой контакт индоевропейские балты. В пользу этого свидетельствуют археологические и топонимические данные, но более всего – заимствованная из балтийских языков лексика. Она имеется во всех прибалтийско- финских языках и отражает реалии земледелия, скотоводства, рукоделия, общественного строя, природной среды и служит даже для наименования некоторых частей тела (33, с.1–118).

Учитывая хронологическое совпадение периода балто-славянской языковой общности и периода интенсивного языкового взаимодействия финских и индоевропейских балтов, позволительно допустить, что языки последних могли служить связующим звеном между прибалтийско-финским и праславянским языками и тем самым обеспечивать их взаимное влияние.

Что же касается последствий таких контактов для финно-угорских и праславянского языков, то даже при условии признания этих связей утверждать, что их результаты были крупными, не приходится. По крайней мере, для фонетического строя позднепраславянского языка последствия его контактов с финно-угорскими языками, если они и были, не оказались сколько-нибудь значительными.

В первую очередь это относится к слоговой структуре позднепраславянского языка, которая определялась действием закона открытых слогов, не известного финно-угорским языкам. Если бы вследствие контактов финно-угорских и праславянского языков последний в существенной мере воспринял финно-угорские фонетические свойства, можно было бы

ожидать, что результаты действия праславянского закона открытых слогов и слоговая структура праславянского языка претерпели бы явные сдвиги, носящие на себе финно-угорский отпечаток. Однако достоверных свидетельств и даже косвенных доводов в пользу этого не существует.

Есть основания считать, что праславянский закон открытых слогов (далее – ЗОС) был имманентным явлением и основан на действии другого, более общего, закона экономии речевых усилий: артикуляция и слуховое восприятие структурно однотипных слогов менее обременительна для психики говорящих, чем произношение и восприятие слогов структурно разнотипных. В этом отношении ЗОС находится в одном ряду с тюркским сингармонизмом, умлаутом в немецком языке и тому подобными явлениями.

Став важным фактором ряда преобразований праславянского языка, ЗОС, как представляется, не мог быть результатом действия какой-либо мелкой случайности или незначительной тенденции прежнего периода. Предпосылки появления ЗОСа должны были затрагивать некоторые существенные свойства праславянского фонетического строя.

Крупным фонетическим изменением, непосредственно предшествующим появлению ЗОСа, была, как известно, первая палатализация праславянских заднеязычных согласных. В результате этого процесса возникли три новые фонемы: [ž'], [č'], [š']. Дело, однако, не ограничивалось количественными сдвигами в праславянском фонетическом строе. Более важным было то, что в нём возник качественно новый разряд единиц – палатальные фонемы, в связи с чем сложилась новая фонологическая оппозиция «твёрдые согласные – мягкие согласные» (раннепраславянский йот, выступавший в строго ограниченных фонетических позициях – протетической и поствокальной – в систему указанных противопоставлений, как можно думать, не входил).

На первых порах указанная оппозиция едва ли была фонологически сильной, так как слов и форм, различавшихся благодаря противопоставлениям [g] – [ž'], [k] – [č'], [ch] – [š'], в раннем праславянском языке, судя по всему, было немного – иначе бы его коммуникативная пригодность резко снизилась. Вместе с тем появление такой оппозиции вызвало существенные изменения в слоговой структуре праславянских слов.

В период до первой палатализации открытые и закрытые слоги содержали (за исключением позиционно ограниченного йота) только велярные согласные и в этом отношении были фонетически симметричными. Обозначив долгий и краткий гласный символом Г, согласный – С, дифтонг и дифтонгическое сочетание – Д, изобразим главные структурные типы праславянских слогов в следующем виде: СГ, ГС, СД, ДС. Разумеется, разная последовательность фонем в указанных слогах создавала между последними определённое противоречие, ср. СГ и ГС, СД и ДС, которое,

однако, в значительной мере сглаживалось благодаря существованию прикрытых и неприкрытых слогов типа СГС и ГСГ, СДС и ДСД, содержащих однотипные сегменты (последние в приведённых аббревиатурах подчёркнуты). Примеры слов и форм с соответствующими слоговыми структурами: ***no-ga*** 'нога' (СГ), ***or-bos*** 'раб' (ГС), ***kai-na*** 'цена' (СД), ****zna-ųus*** > ***znavu*** 'знавший' (ДС), ****ge-nam*** 'жену' (СГС), ****oko*** 'глаз' (ГСГ), ****stois*** 'стой' (СДС), ****ausei-es*** 'уши' (ДСД). Относительная фонетическая симметрия указанных праславянских слоговых сегментов обеспечивала достаточное единообразие их артикуляции и тем самым соответствие таких сегментов закону экономии речевых усилий.

Эта симметрия была нарушена после завершения первой палатализации, когда в системе слогов появились качественно новые оппозиции: СГ – С'Г, ГС – ГС', СД – С'Д, СГС – С'ГС – СГС', ГСГ – ГС'Г, СДС – СДС – СДС' – С'ДС', ДСД – ДС'Д. Прикрытые и неприкрытые слоги в новых условиях не только не снижали артикуляционный разнобой, но, напротив, усиливали его из-за своей многовариантности: если прежде такие слоги были представлены четырьмя типами сегментов, то теперь их стало втрое больше.

Одиннадцать новых, довольно разнотипных по своим фонетическим свойствам слоговых структур (С'Г, ГС', С'Д, С'ГС, СГС', С'ГС', ГС'Г, С'ДС, СДС', С'ДС', ДС'Д) нарушили прежний артикуляционный и перцептивный стереотипы носителей праславянского языка. Их речевой и слуховой аппараты оказались обременёнными непривычной нагрузкой. Это вошло в противоречие с законом экономии речевых усилий и создало в праславянской фонетической системе серьёзное напряжение.

Устранить его можно было двумя путями: либо срочно упразднить мягкие согласные фонемы, либо привести указанные слоги к большему структурному единообразию. Кратковременная ликвидация трёх палатальных фонем была, однако, невозможна: это исказило бы звуковой облик целого ряда слов и форм и тем самым сделало бы их трудноузнаваемыми. Немаловажным было и то обстоятельство, что существование мягких согласных поддерживалось устойчивой тенденцией к аккомодации, которая в свою очередь служит проявлением закона экономии речевых усилий.

Сложилось противоречивое положение: названный закон привёл к сокращению произносительных затрат, вызвав приспособление заднеязычных согласных к гласным переднего ряда,– и он же обременил речевой аппарат дополнительной нагрузкой при артикуляции многочисленных разнотипных слогов.

Выходом из этого положения стало преобразование праславянской слоговой структуры, которая в конечном счёте обрела относительную однотипность. Произошло своего рода возвращение к прежнему состоянию, но уже на новом уровне.

Перестройка структуры праславянских слогов в этот период теоретически могла произойти либо посредством превращения открытых сегментов в закрытые (ГС, ГС', ГД, СД, С'Д), либо противоположным путём.

Модификация открытых слогов в закрытые была в праславянском языке маловероятна. Ей, в частности, препятствовали некоторые грамматические единицы. Ряд форм праславянских имён и глаголов завершался открытым слогом, напр. **gena* 'жена', **genama* (дат.-твор. пад. двойств. ч.), **gostisu* 'о гостях', * *dadmi* 'я даю', **pekste* 'вы печёте', **reksъ* 'я сказал'. Метатеза в пределах конечного слога (СГ > ГС) или подстановка согласного к его исходу (СГ + С) сильно изменила бы звучание таких грамматических форм, сделав их трудноузнаваемыми. Такие же изменения повлекла бы за собой и подстановка дифтонга или дифтонгического сочетания к исходу формы.

Появление новых закрытых слогов в начале или в середине слова вызвало бы во многих случаях скопление согласных, неудобных для произношения. Так, например, гипотетическая метатеза в уже упоминавшейся форме **gosti-su* о гостях могла дать такую неудобопроизносимую единицу, как **gost-siu*. Но если бы подобная метатеза и произошла, впоследствии она скорее всего была бы сведена на нет упрощением групп согласных, в результате чего закрытый слог снова бы открылся, ср., например: **gost-siu* > *gosti-u* или : **gost-siu* > *gossi-u*, **gottsi-u*, **gotsi-u*.

Выбор в пользу открытых слогов диктовался также (а быть может, и в первую очередь) тем, что открытый слог, в пределах которого звучность возрастает от начала к концу, при прочих равных условиях биологически предпочтительнее, чем слоговой сегмент закрытого типа: открытый слог даёт возможность речевому аппарату относительно плавно переходить от состояния покоя или небольшого мускульного усилия к более трудоёмким артикуляциям, тогда как закрытый слог вынуждает речевой аппарат, что называется, стартовать без разбега, рывком.

Развитие праславянского фонетического строя ввиду указанных причин пошло по пути перестройки закрытых слогов в открытые. Этот путь, впрочем, не был совершенно гладким. Укреплению ЗОСа упорно и, по-видимому, сравнительно долго сопротивлялись функционально нагруженные конечные флексийные согласные и их комбинации: **-s*, **-t*, **-nt* и др., ср. **konjo-s* 'конь', **bis-t* 'он бил', **bis-nt* 'они били'. Устранение этих согласных и их групп заметно сократило аффиксальный инвентарь праславянского языка. Чтобы восстановить его коммуникативные возможности, такой ущерб необходимо было компенсировать.

В кругу существительных утрата конечных флексийных согласных и их групп в известной степени возмещалась формами членных прилагательных и причастий, более или менее регулярно сочетающихся с существительными, ср. **konjo* (< *konjos*) *dobrъjь* 'хороший конь', **konja*

dobrajego 'хорошего коня' и т. п. Указанные адъективные и причастные формы после начала действия ЗОСа в фонетическом отношении остались почти неуязвимыми, так как подавляющее большинство из них в своём исходе раньше не имело закрытых слогов. (В этой связи уместно предположить, что развитие праславянских членных форм могло быть стимулировано утратой конечных флексийных согласных в составе именных форм, что позволяет уточнить относительную хронологию первого процесса). Компенсационным средством стала здесь и древняя основа существительных на согласный типа **mater, semen*, которая выступала в большинстве их падежных форм и тем самым подкрепляла новое речевое ощущение того, что типичная финаль основы имени должна быть только консонантной (после утраты конечных согласных произошло, как известно, переразложение вокалических основ, в ходе которого древний тематический гласный отошёл к флексии, а основа стала оканчиваться согласным).

Что касается личных форм глагола, компенсационным средством в их кругу стали формы существительного и личного местоимения, выступавшие в качестве подлежащего. Типологической параллелью здесь могут служить, например, личные формы современных английского и французского глаголов.

Шаг за шагом ЗОС расширял сферу своего действия и в конечном счёте свёл громоздкую восемнадцатизвенную систему слоговых сегментов к компактной, а главное – к артикуляторно однотипной четырёхзвенной группе СГ, С'Г, ГСГ, ГС'Г. Её примечательной особенностью было то, что указанные сегменты входили в строго симметричную оппозицию по твёрдости – мягкости (о противопоставлении слогов по долготе – краткости гласных см. ниже). Это, несомненно, стимулировало усиление фонологических оппозиций между мягкими и твёрдыми согласными, выразившееся во второй палатализации заднеязычных (осуществлявшейся в прямой связи с ЗОСом), а также в активизации процессов взаимодействия согласных с йотом, приведших к расширению инвентаря палатальных согласных. О хронологии последних преобразований высказывались разные мнения. Из предлагаемой здесь гипотезы следует, что наиболее активно взаимодействие согласных с йотом происходило после полной победы ЗОСа, т. е. в позднейший период праславянского языка, когда в нём сложилась симметричная система слоговых сегментов. Дополнительным аргументом в пользу этого служит то обстоятельство, что в праславянских диалектах указанные сочетания изменялись по-разному, отражая тем самым заметную диалектную дифференциацию праславянской языковой общности накануне её разделения на самостоятельные языки (41, с. 121).

Возвращаясь к новой системе праславянских слоговых сегментов, следует отметить, что, будучи компактной по признаку твёрдости – мягкости, она оставалась довольно громоздкой из-за наличия в составе слогов

кратких и долгих гласных. С учётом этого свойства она может быть представлена в следующем виде: *СГкратк.– СГдолг.– С'Гкратк.– С'Гдолг.; Гкратк. СГкратк.– Гдолг. СГкратк.– Гкратк. СГдолг.– Гдолг. СГдолг.– Гкратк. С'Гкратк.– Гкратк. С'Гдолг. Гдолг. С'Гкратк.– Гдолг. С'Гдолг.*

Понятно, что такое артикуляторное многообразие противоречило закону экономии речевых усилий. В позднем праславянском языке фонологические различия между краткими и долгими гласными, как известно, утратились, что и стало ответом на требование указанного закона. Ликвидация противопоставления гласных по долготе – краткости заняла сравнительно долгое время, поскольку такая оппозиция в праславянском языке была семантически полезной. Этим, в частности, объясняются значительные хронологические масштабы действия ЗОСа. Процесс сокращения долготы гласных на этом, однако, не прервался. Как установлено экспериментальными исследованиями, гласные открытых слогов склонны к удлинению (42, с. 116). Чтобы парализовать эту тенденцию, противоречащую превращению слоговых сегментов в компактную систему, поздний праславянский язык стремился довести краткость гласных до предела, в результате чего появились сверхкраткие [ъ] и [ь]. Возникновение редуцированных, в свою очередь, осложнило систему слоговых сегментов новыми оппозициями, которые можно представить в виде следующей схемы (где *С* – твёрдый согласный, *С'* – мягкий согласный, Г – любой гласный полного образования, *Ь, Ъ* – слабые редуцированные, *Ь̲, Ъ̲* – сильные редуцированные): *СГ – С'Г, СЪ – СЬ, С'Ь, СЪ̲ – СЬ̲ – С'Ь̲, ГСГ – ГС'Г, ГСЪ – ГСЬ – ГС'Ь, ГСЪ̲ – ГСЬ̲ – ГС'Ь̲*. Эта громоздкая и несимметричная система также противоречила закону экономии речевых усилий, что и стало, по-видимому, главной причиной падения слабых и прояснения сильных редуцированных (дополнительным условием этого процесса могла послужить дефонологизация редуцированных в составе падежных флексий) (43, с. 37–46). В результате указанного процесса ЗОС прекратил своё существование и система слоговых оппозиций получила более стройный и компактный облик: *СГ – ГС, С'Г – ГС', ГСГ – ГС'Г — СГС – С'ГС – СГС' – С'ГС'*.

Разумеется, и эта система не свободна от внутренних противоречий, служащих источником её дальнейшей эволюции. Одним из её проявлений служит, по-видимому, широкая убыль межслоговой ассимиляции согласных по мягкости в русском языке второй половины XX столетия, требующая, впрочем, самостоятельного исследования. Таким образом, если согласиться с изложенной здесь гипотезой имманентного происхождения праславянского закона открытых слогов, надо будет признать, что даже в условиях оживлённых контактов финно-угорских и праславянского языков последний не претерпел под финно-угорским влиянием сколько-нибудь ощутимых сдвигов в своей слоговой структуре. Что касается других

фонетических, а также грамматических и лексических свойств финно-угорских и праславянского языков, то вопрос об их возможной эволюции в условиях древних языковых контактов нуждается в дополнительном исследовании.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Бестужев-Рюмин К.* О колонизации великорусского племени // Журнал Министерства народного просвещения, 1867, ч. 134.

2. *Anderson N.* Studien zur Vergleichung der ugrofinnischen und indogermanischen Sprachen. Doprat, 1891.

3. *Европеус Д. П.* К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян // Журнал Министерства народного просвещения, 1868, июль, ч. 139.

4. *Кеппен Ф.* Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индоевропейского и финно-угорского племени. СПб., 1886.

5. *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.

6. *Хабургаев Г. А.* Этнический состав древнерусского государства и образование трёх восточнославянских народностей // Советская этнография, 1972, № 1.

7. Советское источниковедение Киевской Руси: Историографические очерки. Л., 1979.

8. *Топоров В. Н., Трубачёв О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1967.

9. *Агеева Р. А.* Славянские, балтийские и финно-угорские элементы в топонимии русского Северо-Запада // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1960.

10. *Матвеев А. К.* Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимики // Вопросы языкознания, 1965, № 6.

11. Перспективы развития славянской ономастики. М., 1989.

12. *Матвеев А. К.* Субстратная топонимика русского Севера // Вопросы языкознания, 1964, № 2.

13. Происхождение и этническая история русского народа. По антропологическим данным. М., 1965.

14. *Veenker W.* Die Frage des finnougrischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington, 1967.

15. *Гарабцов В. В.* Малые этнические группы Ленинградской области // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л., 1972.

16. *Ильинский Г. А.* Праславянская грамматика. Нежин, 1916.

17. *Аристэ П. А.* Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн, 1956.

18. *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.

19. *Китарский В.* [Ответ на вопрос: Существовало ли балто-славянское языковое и этническое единство и как следует его понимать?] // Вопросы языкознания, 1958, № 1.

20. *Китарский В.* О хронологии славяно-финских лексических отношений // Scando-slavica, 1958, № 4.

21. *Kiparsky V.* The Earliest Contacts of the Russian with the Finns and Balts // Oxford Slavonic Papers, vol. 3, 1952.

22. *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.– Л., 1962.

23. *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.

24. *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

25. *Бернштейн С. Б.* Введение // Славянские языки: Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков. М., 1977.

26. *Топоров В. Н.* Локатив в славянских языках. М., 1961.

27. *Журавлёв В. К.* Современные проблемы реконструкции праязыка // Проблемы языкознания. М., 1967.

28. *Филин Ф. П.* Проблемы исторической лексикологии русского языка // Вопросы языкознания, 1981, № 5.

29. *Эккерт Р.* Праславянские диалектизмы среди именных основ на *-i* // Исследования по славянскому языкознанию: Сборник в честь 60-летия профессора С. Б. Бернштейна. М., 1961.

30. *Хабургаев Г. А.* Некоторые вопросы истории праславянского языка // Проблемы теории и истории русского языка, вып. 3. М., 1980.

31. *Хабургаев Г. А.* Становление русского языка. М., 1980.

32. *Леков И.* Характер на дискусионните въпроси в сравнителната граматика на славянските езици // Славянска филология: Материали за V Международен конгрес на славистите. Том 3. Доклади, съобщения и статии по езикознание. София, 1963.

33. Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). М., 1975.

34. *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.

35. *Георгиев В.* [Ответ на вопрос: Существовало ли балто-славянское языковое и этническое единство и как следует его понимать?] // Вопросы языкознания, 1958, № 1.

36. *Бернштейн С. Б.* [Ответ на вопрос: Существовало ли балто-славянское языковое и этническое единство и как следует его понимать?] // Вопросы языкознания, 1958, № 1.

37. *Каралюнас С.* Древнейшие отношения балтийских и славянских языков: Автореф. канд. дисс. Вильнюс, 1967.

38. *Лер-Сплавинский Т.* [Ответ на вопрос: Существовало ли балто-славянское языковое и этническое единство и как следует его понимать?] // Вопросы языкознания, 1958, № 1.

39. *Топоров В. Н.* Из истории изучения древнейших балто-славянских отношений // Уч. зап. Института славяноведения АН СССР, т. 23, 1962.

40. *Трост П.* [Ответ на вопрос: Существовало ли балто-славянское языковое и этническое единство и как следует его понимать?] // Вопросы языкознания, 1958, № 1.

41. *Савченко А. Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.

42. *Серебренников Б. А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

43. *Тираспольский Г. И.* Аканье. Вологда, 1990.

Сокращения названий языков

авест.– авестийский, *восточносл.*– восточнославянские, *морд.*– мордовский, *слав.*– славянские, *удм.*– удмуртский, *фин.*- финский, *эст.*– эстонский.

Gennady Tiraspolsky

TO THE PROBLEM OF CONTACTS OF THE FINNO-UGRIC LANGUAGES WITH THE PROTO-SLAVIC

Various opinions on contacts of the Finno-Ugric languages with the Proto-Slavic are analyzed in the article. The author believes that such contacts were possible in the period of Balto-Slavic Unity. On the basis of the new hypothesis about the origin of the Proto-Slavic law of open syllables worked out by the author it is supposed that possible ties of the Finno-Ugric languages with the Proto-Slavic didn't lead to obvious shifts in the syllabic structure of the latter.

«Финно-угроведение», 2001, № 2.

Сергей Калягин
Йошкар-Ола

КООПЕРАЦИЯ И СОХРАНЕНИЕ МАРИЙСКОЙ ВЫШИВКИ

Для современных читателей подобная связь может показаться странной или даже надуманной. Но если обратиться к истокам и истории деятельности кооперации в Марийском крае, то мы увидим, что во многом именно кооперация в 20—30-е и последующие годы способствовала сохранению искусства национальной марийской вышивки.

Говоря о кооперации, мы имеем в виду не современную, во многом усеченную ее форму. Используя единое понятие «кооперация», мы имеем в виду 3 стороны данного экономического, социального и культурного феномена: 1) как принцип и форму организации совместного труда; 2) как совокупность кооперативных организаций разных типов и видов (в данной статье — в основном промысловой); 3) как процесс образования и развития кооперативных организаций и связей.

Обращаем еще раз внимание на практически неисследованную в отечественной исторической науке социально-культурную сторону деятельности кооперации. Возникнув в конце XVIII — начале XIX века в Западной Европе как одна из попыток практического воплощения идеалов утопического социализма Ш. Фурье и Р. Оуэна, кооперация изначально представлялась не только как социально-экономическое, но, в первую очередь, как социально-культурное явление, как сила, которая могла бы эволюционным, а не революционным путем преобразовать мир (1). В ходе трансформации кооперативной идеи и кооперативного движения, проходившей на Западе и в России — СССР в разных направлениях, кооперация постепенно теряла свою «идеальную», духовную первооснову. По мнению некоторых исследователей, в России в начале XX века складывались предпосылки для создания с помощью кооперации уникальной модели аграрно-индустриальной цивилизации, но этот шанс не был использован, и вместо «зеленой» революции произошла «красная» (2). Мы считаем, что в 20-е годы в СССР имелись возможности для реализации экономического,

социального и культурного потенциала кооперации и ее расцвета. Но в условиях, когда все сферы жизни советского общества оказались заложницами политики и идеологии, и этот исторический шанс тоже был потерян. Хотя кооперация не исчерпала тогда ни возможностей роста, ни тем более своей преобразующей роли (2, с. 17). Это показала история сохранения марийской вышивки.

Марийская вышивка — уникальное явление художественной культуры марийского народа, вершина народного декоративно-прикладного искусства и многовекового творчества марийских женщин, материальное и духовное достояние нации. Яркость, самобытность, изящество, тонкость, разнообразие и удивительная выразительность марийской вышивки привлекли внимание и путешественника А. Олеария (XVII век), и участников Академических экспедиций XVIII в. И. Г. Георги, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, Н. П. Рычкова, а в XIX — начале XX века — этнографов и историков А. Гакстгаузена, С. К. Кузнецова, С. М. Михайлова, Д. П. Никольского, А. Ф. Риттиха, К. С. Рябинского, И. Н. Смирнова, Н. Троицкую, А. Фукс, И. Яблонского и др. Особую роль и значение имели сбор и исследования марийской вышивки и одежды финских ученых А. Гейкеля и Ю. Вихман (3). Большой вклад в изучение марийской одежды внесли советские исследователи В. Н. Белицер, Н. И. Гаген-Торн, Т. Е. Евсевьев, С. В. Иванов, Н. Кондратьев, Т. А. Крюкова, Э. Меджитова, Г. И. Соловьева. В 80—90-е годы были созданы обобщающие исследования: о марийском народном искусстве — Э. Меджитовой (4), об орнаменте марийской вышивки — Г. И. Соловьевой (5), о марийском народном костюме — Т. Л. Молотовой (6). Значительную роль в освещении вопросов и проблем развития марийской вышивки сыграла научно-практическая конференция «Актуальные проблемы развития художественных народных промыслов и прикладного искусства Марийской АССР», где наиболее интересны и во многом актуальны и сейчас выступления К. Н. Санукова, Н. С. Королевой, Г. И. Соловьевой, Т. Л. Молотовой, С. М. Червонной и В. Г. Кудрявцева, В. А. Акцорина (7).

Ввиду многообразия фактического и аналитического материала о самой вышивке, в данной статье мы остановимся на некоторых моментах, так или иначе связанных с кооперацией и сохранением марийской вышивки.

Многие века марийская вышивка создавалась кропотливым ручным трудом марийских мастериц, которые украшали ею и одежду (повседневную, праздничную, погребальную), и предметы крестьянского быта. Менялись времена, менялась мода, менялась и вышивка, и ее значение — от первобытного, символически-мистического и утилитарного до эстетического, социально-культурного и духовно-национального. В искусстве вышивки не только накапливался и передавался творческий опыт, но и реализовался творческий, культурный потенциал, казалось бы, забитого, «тем-

ного» и «отсталого» в культурном плане народа. В узорах, технике и эстетике вышивки проявлялись, развивались и передавались не только традиции, но и мироощущение, и культура, и дух марийского народа.

Вышивание было занятием трудоемким, сложным и занимало много времени. Поэтому девушки и женщины часто работали, собравшись вместе, при этом они перенимали друг у друга узоры, перерабатывали старые, придумывали новые формы. Некоторые изделия создавались руками нескольких вышивальщиц. Эта творческая взаимопомощь, а также передача технических и художественных навыков из поколения в поколение, по мнению Т. А. Крюковой, позволяет говорить о коллективности творчества вышивальщиц, при этом сохранялись возможности для проявления творческих дарований отдельных мастериц (8).

Сотрудничество и взаимопомощь — первооснова кооперации. Но до революции, в условиях господства у марийских крестьян полунатурального хозяйства, неразвитости рыночных связей и отношений в Марийском крае, производства и использования изделий с вышивкой преимущественно только внутри семьи, до перехода вышивальщиц на более высокую, организованную форму совместного труда (артели), не было ни экономических, ни социальных, ни культурных условий.

Производство изделий с марийской вышивкой начало формироваться как промысел только в конце XIX — начале XX века, после того как в 1892 году на Всемирной выставке в Чикаго марийская вышивка получила II-й приз. Когда появился спрос на изделия с марийской вышивкой, появились и скупщики, которые приобретали за бесценок творения марийских мастериц для последующей перепродажи в Москву, а оттуда — за границу (9, с. 106). Когда вышитые изделия стали использоваться не только как предметы домашнего обихода, а нашли определенный сбыт и на местных, и на отдаленных рынках, то возросло товарное значение вышивки, что, в свою очередь, привело к тому, что во многих селениях Казанской губернии вышивание приняло характер кустарного промысла (5, с. 12). Но, несмотря на то, что вышивание было распространено практически в каждой марийской семье, ни в «Обзоре деятельности земств по кустарной промышленности» (СПб, 1899), ни в делах о кустарных промыслах в Царевококшайском уезде 1906 года, ни даже в переписи кустарных промыслов в мае 1925 года вышивание совершенно не упоминалось в числе промысловых занятий марийского населения, как и обработка льна, конопли и тканье холста, что объясняется тем, что эти промыслы находились вне сферы рыночных отношений. Даже тогда, когда продукты кустарного художественного промысла с марийской вышивкой стали хоть и в ограниченном количестве, но все-таки предметом экспорта на заграничные рынки, в целом ситуация мало чем изменилась. Как отмечали современники, основными препятствиями в деле развития марийского женского рукоделия

была не только слабая связь марийского хозяйства с рынком, но и отсутствие надлежащей предприимчивости у самих марийцев, а также отсутствие надлежащей организации, которая связала бы их с рынком.

Укрепление народного хозяйства, развитие «социалистического» рынка в период НЭПа, развитие и укрепление кооперативного движения, усиление роли и места кооперации в обществе, развитие национального самосознания и национальной культуры мари — все это позволило к концу 20-х годов подойти к проблемам сохранения и развития марийской вышивки на более высоком организационном уровне.

В Советской России отношение к самой вышивке было противоречивым. С одной стороны, многие признавали, какую большую художественную ценность представляют кустарные марийские вышивки, в особенности старинные (10, с. 113—115). С другой стороны, некоторые заявляли, что «к числу художников прошлого можно бесспорно отнести весьма кропотливое и заботливое отношение марийца к изготовлению в собственном хозяйстве из собственного материала художественных узорчатых тканей для украшения и отделки своего национального костюма» (11, с. 187—192). Несмотря на то, что в 20-е годы вышивание было широко развито, качество работы по сравнению со старинными вышивками заметно понизилось. Появилась необходимость сохранить традиционную вышивку. С тревогой отмечалось, что «имеющиеся запасы высокой художественной ценности одежды все время уменьшаются, не возобновляясь в достаточной степени, этому способствует не столько уменьшение квалифицированных вышивальщиц, сколько распространение новой одежды и новых рыночных материалов для нее, отсутствие достаточного стимула к тонкости художественной отделки ввиду отсутствия сбыта таких изделий» (10). Для «изживания этого ненормального явления» предлагались 2 комплекса мероприятий: 1) организация сбыта художественных вышивок и нахождения для них достаточно широкого круга потребителей; 2) мероприятия, направленные на развитие, поддержание и сохранение вышивального промысла не только в условиях полунатурального хозяйства, но и при замене их товарно-денежными отношениями, что, как считали современники, имело не только экономическое, но и культурно-национальное значение (10).

Рассматривая возможности сбыта художественной марийской вышивки, современники обращали внимание на ее значение в т. н. «экспорте второстепенных предметов», который в конце 20-х годов имел важное значение. Экспорт русских кустарных художественных изделий из года в год расширялся, и русские вышивки нашли себе обеспеченный сбыт на рынках Западной Европы. Поэтому, как тогда казалось, у таких художественных произведений, как старинные марийские вышитые костюмы и украшения, тоже были шансы на успех и экспорта, и широкого распространения в самой России. Как считали аналитики, «настала пора марийскому руко-

делию занять должное место среди художественных народных промыслов как на внутреннем, так и на международном рынке» (10).

Специалисты подсчитали, что в конце 20-х годов на рынок могло быть предложено орнаментов в количестве, достаточном для 500—700 тысяч национальных марийских костюмов. Средняя стоимость вышитого полного национального марийского костюма определялась тогда в среднем от 50 до 112 рублей (11). При наличии возможного предложения вышивок и предлагаемых рынков сбыта казалось, что вопрос заключается только в организации сбора и сбыта вышивок, в первую очередь старинных.

По мнению обозревателей, единственно, кто бы мог скупать вышивки — это промысловые и кустарные кооперативы, которые могли бы передавать собранные изделия в «Кустэкспорт» (всероссийская организация кустарной промышленности и промысловой кооперации, занимавшаяся сбытом за границу кустарных произведений, в т. ч. и вышивок). По их же мнению, в марийских условиях единственной организацией, которая смогла бы заняться закупкой вышивок, было кооперативное объединение «Марисельсоюз», которое включало в себя сельскохозяйственные, кредитные и кустарно-промысловые кооперативы (10).

Но так как для отбора подлинно художественных работ и их оценки в кооперативных организациях не было специалистов, предполагалось привлечь работников областного музея, которые еще с образования музея обратили особое внимание на сбор, описание и оценку марийских вышивок. Совместная работа марийской сельскохозяйственной и промысловой кооперации в лице «Марисельлессоюза» с областным музеем могла дать ощутимые результаты, особенно при установлении постоянной и тесной связи с «Кустэкспортом» и другими центральными организациями. Тем более, что в других регионах России уже имелся опыт организации и деятельности кустарно-промысловых музеев, которые оказывали серьезное и благотворное влияние на развитие определенных видов промыслов. Казалось, технически вовсе не трудно низовым кооперативам, широко оповестив население, заняться сбором вышивок, которые затем прошли бы художественный отбор в музее и были бы направлены в центр для дальнейшей реализации. Тем более, что средств, в основном в виде краткосрочного кредита, на это дело потребовалось бы немного.

По ряду объективных причин эта часть планов оказалась лишь благими намерениями: и сбор и сбыт старинных марийских вышивок так и не был налажен. Но сам факт, что, по мнению современников, основную роль во всех этих мероприятиях могла сыграть кооперация, говорит о потенциале кооперации, который в данном случае не был реализован.

Иную картину мы увидим, когда посмотрим, как шло развитие вышивального промысла. Отношение к нему также было неоднозначным. Было мнение, что «вообще марийские вышивки являются только пережитком

старины, и что на развитие и поддержание этого промысла нет нужды обращать никакого особого внимания» (10). К тому же тяжелые жизненные условия создавали крайне вредную антигигиеническую обстановку для работы марийских вышивальщиц. Вышивание тонкого и мелкого узора без предварительного рисунка, по счету ниток в условиях курной избы при свете лучины вредно отражалось на здоровье мастериц, с детства и юности портило им зрение (8, с. 78). Поэтому указывалось на то, что «с точки зрения охраны зрения женского населения вышивание вовсе не следовало бы рекомендовать». Оппоненты же отвечали, что с чисто практической стороны не было необходимости и «реальных возможностей прекратить вышивание (причем не доказано вовсе, что при мерах к изучению этого промысла столь же неизбежным... последствием является сильная порча зрения)», они отмечали необходимость принятия мер к улучшению и продукта, и условий труда (10).

Среди предлагаемых мероприятий по улучшению вышивального промысла важнейшее место занимало улучшение квалификации женского населения, занятого этим ремеслом. Для подготовки квалифицированных мастериц-вышивальщиц предлагалось создание учебно-показательных мастерских, устройство выставок, организация артелей, инструкторско-техническая помощь, снабжение мастериц шелковыми нитками, выбор и создание центральных пунктов для подготовки специалистов и др. (10). В то время внимание обращалось только на мужские промыслы (столярно-слесарные и др.). Подготовка инструкторов по вышивальному делу была «не только важна с точки зрения национальной, имеющей большое значение промысла, но и необходима для выхода на широкий рынок художественного марийского творчества, имеющего все шансы для своего развертывания и развития» (10).

Характерным примером развития ранее не существовавшего вышивального и рукодельного промысла служила Нижегородская губерния, где женское население целых деревень перешло в качестве основного занятия к вышивальному промыслу. Как отмечали современники, в соседней с МАО губернии, близкой по условиям жизни, было организовано множество артелей, которые значительно улучшили условия этого промысла (10). Опыт соседей показал, что во многом вопрос заключался не в самой вышивке, а в более высокой организации промысла.

Развитие промысловой кооперации в Марийском крае началось с середины 20-х годов в системе Марпромсоюза. Объединение марийских вышивальщиц в артели было начато в 1927 году, когда в г. Краснококшайске (ныне г. Йошкар-Ола) из кустарей-одиночек создается швейно-вышивальная артель «Труженица». Важнейшую роль в подготовке квалифицированных мастериц и инструкторов сыграли сформированная в декабре 1928 года по линии Марпромсоюза мастерская женского труда

им. 8 Марта (12, ед. хр. 27, л. 1). (1923 г.— Национальная областная школа женского труда им. 8 марта (12, ед. хр. 83, л. 7), а также созданная в системе Марпромсоюза в дер. Пертнуры Горномарийского района ткацко-вышивальная профшкола. В программу по вышиванию, рассчитанную на 2 года обучения, входило изучение различных видов вышивки, самостоятельная практическая работа по изготовлению готовых изделий, а также разработке композиции (12, ед. хр. 83, л. 7). Преподаватели и учащиеся проводили опытно-экспериментальную работу по модернизации технологии вышивания (например, как опыт вводили выполнение марийского орнамента на белых кружевах, набивным способом и т. д.), переходили от ручной к машинной вышивке, собирали природное сырье, красители, готовили экспонаты к различным выставкам, в т. ч. и за пределами МАО (12, ед. хр. 27, л.л. 7, 8—11, 14, 19, 21, 26а, 17, 33а). Все это позволило подготовить основу не только для сохранения, но и дальнейшего творческого развития и марийской вышивки и промысла на более высоком техническом и организационном уровнях, а также развития творческих способностей талантливых мастериц и будущих организаторов промысловых артелей.

В конце 20-х — начале 30-х годов в сети Марпромсоюза открылись промартели Юледурская «У корно», Мари-Турекская, Сернурская «Мари тӱр», Куженерская, «Кожланур» (Моркинский район), Кожлаерская (свыше 100 человек), Аринская пошивочно-вышивальная артель (свыше 60 человек). В селе Картуково Горномарийского района в промкооперативной артели в сети Марпромлессоюза из 96 женщин было 85 молодых в возрасте до 23 лет (12, ед. хр. 83, л. 11). По национальному составу 100% женщин-вышивальщиц, участвующих в работе промартели по сети Марпромсоюза в 1931—32 гг., были представительницами коренного населения — мари, тогда как в артели «Труженица» на 1 января 1932 года из 60 работниц было только 2 марийки (3,3%), а на 1 декабря того же года из 64 работниц — только 1 (1,6%) (12, ед. хр. 83, л. 11). В промартелях не только выпускали вышитые изделия. Они постоянно проводили кооперирование кустарей, активно участвовали в ликвидации неграмотности и малограмотности, организовали вечерние школы, повышали культурный уровень работниц (13).

На II-ю пятилетку (1933—1937) по линии Марпромсоюза были большие планы кооперирования (12, ед. хр. 83, л. 7):

	1932 г. (чел.)	1933 г. (чел.)	1934 г. (чел.)	1935 г. (чел.)	1936 г. (чел.)	1937 г. (чел.)
1. Вышивально-строчильное производство	800	1000	1200	1500	1750	2000
2. Поясовые	25	30	40	43	45	50
3. Потребность мастеров-инструкторов	34	34	40	50	60	80

Но ввиду известных политических событий в СССР в этот тяжелый период отечественной истории указанным грандиозным планам не суждено было реализоваться. К началу 1941 года в Марийской автономной республике насчитывалось 10 вышивальных артелей с общим количеством членов свыше 600 человек (8, с. 82). Рост очень важного для сохранения и развития марийской культуры вышивального промысла среди широких слоев сельского марийского населения был приостановлен.

Эстафету традиционного искусства марийской вышивки приняла артель «Труженица». Примечателен тот факт, что именно в 1936 году в ней выделился вышивальный цех. Об артели, а с 1960 года — фабрике «Труженица» написано множество статей. Но до сих пор нет специального, глубокого и широкого научного исследования истории и феномена «Труженицы», прошедшей путь от небольшой промыслово-кооперативной артели до фабрики, единственного предприятия в республике, официально приравненного в СССР к художественным промыслам. Был бы интересен также сравнительный анализ развития «Труженицы» и сельских промысловых вышивальных артелей, по ряду причин прекративших свое существование. Можно выделить следующие взаимосвязанные факторы.

1. **Профессиональный** (5, с. 41—50). С первых лет деятельности «Труженицы» ее отличало стремление приблизить и искусство вышивания, и организацию труда к профессиональному уровню, тогда как большинство сельских артелей оставалось на уровне самодеятельного народного творчества. Фактически развитие марийской вышивки шло по двум, не всегда пересекавшимся линиям: народной и профессиональной. Если сельская мастерица была и самобытным «автором», и «исполнителем» зачастую неповторимого узора, то вышивальщицы «Труженицы» работали по образцам и эскизам, созданным профессиональными художниками. Но в любом случае работа вышивальщицы таила в себе большой творческий поиск в использовании и применении техники вышивки и цветового решения, умении воплощать в жизнь или свои творческие идеи, или замысел художника и придать ему неповторимое очарование индивидуальности даже в условиях серийного промышленного производства. В сокровищницу марийской национальной культуры навсегда вошли творения художников Ф. И. Солнцевой, М. И. Пушковой, Л. А. Орловой, Р. С. Чебатуриной, Н. Н. Ситниковой; большой вклад в развитие и пропаганду марийской вышивки внесли художники научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП) РСФСР Л. Г. Бегушина и З. Д. Кашкарова. Лучшие образцы марийской вышивки экспонировались на многих зарубежных и отечественных выставках и везде отмечались наградами и дипломами. Уникальны по красоте творенья рук В. П. Ласточкиной, А. Ф. Фазлеевой, П. М. Долгушевой, С. А. Рыбаковой — зна-

менитых вышивальщиц 30-х годов, в послевоенное время — Е. И. Косолаповой, К. А. Подоплеловой, А. Очеевой, З. И. Гавричевой, А. А. Улановой, Р. А. Низамовой, Т. В. Никулиной, Н. А. Прохоровой, Ф. А. Пироговой и др.

Как отметил К. Н. Сануков, на примере развития марийской вышивки можно видеть профессионализацию народного искусства (7, с. 6—7, 9). Именно профессионализм позволил артели «Труженица» противостоять неблагоприятным внешним воздействиям и не только спасти и сохранить, но и придать принципиально новый импульс развитию марийской вышивки. Хотя отдельные стороны этого процесса внутренне противоречивы и вызывают неоднозначные оценки специалистов, исследователей и представителей коренной национальности.

2. **Национальный фактор.** Как мы уже отмечали ранее, по своему национальному составу вышивальные артели в сельской местности были однородными и абсолютное большинство мастериц было мари. Тогда как в артели, а затем фабрике «Труженица», состав был преимущественно интернационален, и доля «коренного населения» была очень мала. Эта реальность, на которой не акцентировали внимание в советское время, но которая позволяет несколько иначе взглянуть на отдельные моменты развития марийской вышивки, ибо здесь тоже можно выделить 2 линии развития: национально-традиционную и интернационально-инновационную (7, с. 3—13).

Марийская вышивка имеет глубокие исторические корни; это и символ, и образ, и своеобразный «аккумулятор», и «проводник» национальной марийской культуры. В этом — ее социально-культурная ценность и этническая функция. Опыт и традиции вышивки веками передавались от поколения к поколению и генетически вошли как неотъемлемая часть сельской марийской культуры и быта. Определенный консерватизм, присущий крестьянам, способствовал сохранению и передаче традиционно-национальных форм декоративно-прикладного искусства. Поэтому марийские мастерицы в основном повторяли или в определенных рамках творчески развивали устоявшиеся веками, характерные только для данной местности технологию, орнамент и другие традиционные национальные формы.

Художницы и вышивальщицы «Труженицы», внимательно и чутко изучая народные традиции, творчески перерабатывали художественный опыт не только марийского, но и других народов СССР, с высоким мастерством переносили их в свое творчество, осовременивая искусство марийской вышивки.

3. **Потребительский фактор.** Национальная вышивка органически сочетает в себе не только этнические и эстетические, но и утилитарно-практические функции. Являясь своеобразным товаром специфического спро-

са, вышивка и вышитые изделия подчиняются рыночным законам и механизмам, в первую очередь — спроса.

Сельские артели ориентировались на сравнительно ограниченный регионально-национальный рынок потребителей, предпочитающих традиционно-национальные формы. В связи с разрушением традиционного жизненного уклада, трансформацией видов и форм одежды, изменением отношения к национальной одежде, потребительский рынок сузился, что лишило сельские вышивательные артели стимула к развитию производства вышитой одежды, что, в свою очередь, явилось одной из предпосылок ликвидации данного вида промысловой кооперации.

Благодаря профессионализации, интернационализации и модернизации вышивки, продолжению в определенной мере марийских культурных традиций, в «Труженице» постоянно совершенствуется ассортимент, рассчитанный на широкие массы потребителей независимо от их национальности.

4. **Информационный фактор.** Марийская вышивка — результат и индивидуального, и коллективного творчества. Сохранение и приумножение, и вообще качественный рост и творческое развитие искусства вышивки невозможно без культурного межнационального и профессионального взаимообмена. Неорганизованные кустари передавали свое видение мира, свой опыт, свои приемы «по наследству», от поколения к поколению. При организации артелей появилась возможность познакомиться на различных курсах и в профшколах с достижениями и опытом других народов СССР и мира.

Большую роль в обмене опытом и пропаганде марийской вышивки сыграли музеи. Краеведческий музей вел пропаганду художественных народных промыслов. В музее в разнообразной форме представлялись как старинные образцы марийской вышивки, так и художественная вышивка в исполнении заслуженного художника РСФСР, лауреата Государственной премии МАССР Л. Орловой и вышитые изделия «Труженицы».

Работы «Труженицы» хранятся в фондах Российского этнографического музея, их насчитывается более 110 предметов. Они неоднократно демонстрировались на различных выставках.

Фабрика «Труженица» через сотрудничество с разными научными и музейными учреждениями имела возможность, с одной стороны, расширить и углубить свой культурный и профессиональный уровень, а, с другой, обменяться опытом и пропагандировать лучшие традиции марийской национальной вышивки.

5. **Организация.** Появлению, росту и развитию промысловой кооперации в немалой степени способствовало образование в 1925 году Марпромсоюза (объединение промысловых кооперативов и артелей). Развитие промкооперации и, как ее важнейшей части, вышивальных промыс-

лов зависело не только от их самих, а в большей степени от государственной политики, которая привела к тому, что в 1960 году система промкооперации была практически ликвидирована.

Но традиции народной марийской вышивки сохранялись. Демократизация общества, общемировая тенденция обращения к национальным истокам оставляет шанс народному искусству вышивки подняться на качественно высокий уровень.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Творцы кооперации: СПб.— М., 1991.
2. *Кабанов В. В.* Судьбы кооперации в Советской России: проблемы, историография // Кооперативный план: иллюзии и действительность: Сб. статей, М., 1995.
3. *Heikel A.* Die Stickmuster der Tscheremissen. Helsinki, 1910—1915; *Heikel A.* Tscheremissische Stickereiornamenttik: Vorlaufige aus einem grossern Werke SAS, Gournal de la Societe Finno — Ougriene. XXX. Helsinki, 1913—1918; *Wichmann Y.* Beitrage zur Ethnographie der Tscheremissen. Helsinki, 1913.
4. *Меджитова Э.* Марийское народное искусство. Йошкар-Ола, 1985.
5. *Соловьева Г. И.* Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола, 1982.
6. *Молотова Т. Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992.
7. Художественные народные промыслы Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1988.
8. *Крюкова Т. А.* Марийская вышивка. Л., 1951.
9. *Копылова С.* Женские рукодельные промыслы в Нижегородской губернии // Нижегородское хозяйство, 1927, № 4—5.
10. Марий Эл, 1927, № 11—12.
11. Марий Эл, 1928, № 5.
12. ГА РМЭ, ф. 416, оп. 1.
13. Марийская правда, 1939, 4 июля.

Sergey Kaliagin

COOPERATION AND PRESERVATION OF THE MARI EMBROIDERY

The author of the article has chosen the tendencies of the development of the Mari embroidery in the first years of the Soviet Government as an object of investigation. He showed the importance of this kind of applied art in the culture of the Mari people. Much attention is paid to consumers' co-operatives' activity in the development and preservation of this unique kind of folk creative art. The main trends in the development of the modernized Mari embroidery are characterized. The work of embroideresses at the enterprise «Truzhenitsa», originally organized as the artel «8 of March», is analyzed in the period of time up to present.

«Финно-угроведение», 2001, № 2.

Раисия Кудрявцева
Йошкар-Ола

РАССКАЗ ГЕННАДИЯ ГОРДЕЕВА «ВОДЯНАЯ МЕЛЬНИЦА»: ОПЫТ ЦЕЛОСТНОГО АНАЛИЗА

Целостный анализ любого явления художественной литературы предполагает рассмотрение всех его структурных компонентов в их взаимосвязях, выявление взаимообусловленности элементов его формы и содержания. Такой анализ легко осуществим в рамках жанрового подхода к произведению, ибо характеристика его с точки зрения жанрового вида обязывает исследователя обратиться к рассмотрению всего комплекса носителей жанра, благодаря которым в каждом конкретном случае высвечивается та или иная модель жанра. Все это, а также определение специфики проявления традиционных жанровых признаков, определяемых понятием «память жанра», в конкретном художественном тексте, закономерно ведет к необходимости изучения жанрового содержания и жанровой формы произведения, сложного процесса их внутреннего взаимодействия, а, следовательно, к целостному представлению о нем.

Обратимся к рассказу молодого марийского писателя Геннадия Гордеева «Водяная мельница» («Вӱдвакш») и представим один из возможных путей его целостного анализа. Важность этого произведения в контексте современной марийской литературы определяется значимостью и его идейно-образной системы, и его сюжетно-стилевого оформления.

Главная особенность рассказа как малого жанра эпической прозы — это строгость, лаконичность и целенаправленность каждого составляющего его элемента, благодаря чему и достигается большое содержание в малой форме. Пусть не во всем удачную, но все же весьма благотворную для начинающего прозаика попытку создания такого произведения как раз и представляет собой рассказ Г. Гордеева «Водяная мельница». Впервые он был опубликован 17 декабря 1987 года в газете «Марий ком-

муна», а впоследствии вошел в первую книгу писателя «Омса вес велне» (1990)*.

Сюжетно-композиционный рисунок данного произведения содержит в себе почти все основные приметы жанровой модели, избранной автором. Сюжет рассказа, как правило, характеризуется однолинейностью, а его композиция — «эпицентричностью», «сосредоточенностью на одном» — конфликте, герое, событии (1, с. 38). В рассказе Г. Гордеева таким эпицентром, к которому «стягивается» весь материал произведения, является его герой — Салтак Павыл, сельский мельник, одиноко переживающий свою старость. Все остальные персонажи, например, председатель колхоза, который предстает в воспоминаниях Салтак Павыла, или жители села, похоронившие старого мельника, упоминающиеся в рамках основного времени действия, нужны автору лишь в плане раскрытия характера центрального героя. На протяжении почти всего рассказа действия и размышления Салтак Павыла сопровождаются картинами природы. Природная стихия — это как бы еще одно действующее лицо в произведении, но и этот образ не имеет в нем самостоятельного значения, он важен лишь в связи с фигурой сюжетообразующего героя. Итак, кто же такой Салтак Павыл, чем определяется интерес автора к его судьбе и какова идейная направленность рассказа?

«Салтак Павыл живет один, чуть в стороне от деревни, рядом с мельницей, в маленькой избушке. Сколь себя помнит, все возле мельницы. А избушку срубил ему после войны колхоз. Советовали хозяину ставить ее в деревне: сельчане тогда без мельницы и Салтак Павыла и жизни-то, можно сказать, не представляли. Но Павыл не согласился: он ведь на этой мельнице родился, там рос и семьей обзавелся там же. Теперь вот уж скоро десять лет, как умерла у него жена. Салтак Павылу самому к жатве исполняется 84 года»,— так начинается наше знакомство с героем рассказа. Салтак Павыл, несмотря на свой возраст, так же старательно, как и прежде, продолжает поддерживать жизнь своей старой водяной мельницы. «Не за себя беспокоится,— пишет автор,— за свою мельницу. А она до того стара, что вот-вот, думаешь, рухнет».

Начало рассказа Г. Гордеева отличается лаконичностью и содержательной емкостью. Оно представлено краткими описаниями жилища героя, его мельницы, небольшими замечаниями о прошлом Салтак Павыла, его старческом возрасте и связанных с ним трудностях. Уже по ним сразу и естественно начинает складываться у читателя представление об облике

---

* Рассказ известен и в русском варианте, который был подготовлен С. Сурковым и напечатан в газете «Молодой коммунист» 18 февраля 1989 года. Текст гордеевского произведения в данной статье цитируется по этому изданию. А в тех случаях, когда отсутствует идентичность перевода и оригинала, текст цитируется и на марийском языке по следующему изданию: *Гордеев Г.* Омса вес велне. Йошкар-Ола, 1990.

героя, вырисовывается его характер. К примеру, мы узнаем о том, что он неразрывно связан с родными местами, уважительно относится к людям, дорожит жизненным опытом — своим и чужим. Салтак Павыл — человек умный, рассудительный, сохраняющий в себе чувство сопричастности жизни, желание понять и разобраться в происходящем («...ош кужу пондашыжым ниялтен, йырым-йыр ончыштеш, пуйто ала-кушеч тора кундем гыч толынат, шочмо кундемыштыже мо вашталтмым радамлынеже» — «И поглаживает длинную свою бороду, оглядывается вокруг, словно вернулся из каких-то дальних краев на родину, желает выяснить, что изменилось»). «Салтак Павылын вийже пытен толеш гынат, пашам эре ӱшанлын ышта»,— пишет Гордеев. В русском варианте, к сожалению, это предложение пропущено. А важность его бесспорна: автор подчеркивает им надежность как одно из главных качеств своего героя.

Представляет интерес прозвище героя, в котором, на первый взгляд, нет ничего особенного. С помощью краткого экскурса в прошлое Гордеев объясняет его происхождение: оно перешло от отца, около двадцати лет прослужившего солдатом в царской армии, а затем батрачившего у богатого хозяина на этой же самой мельнице, которая так дорога Салтак Павылу. Прозвище фиксирует, в понимании писателя Гордеева, очень важный момент в судьбе героя: Салтак Павыл аккумулирует мастерство и опыт предыдущего поколения. Продолжая нравственно-трудовые традиции своего народа, он является связующим звеном между прошлым и настоящим.

Первоначальная характеристика героя в экспозиции произведения завершается соотносимой прежде всего с публицистической манерой письма прямой авторской оценкой («Тудын гай чапле ложашым ыштышыжым кызыт кундемыштына кушто вашлият гын! Павыл гай мастаржымат сорта тул дене кычалман» — «Да разве сыщешь в округе другую такую, что так хорошо бы молола муку! И мастера, как Павыл, днем с огнем поискать»), голосом автора из современности, что в данном контексте, нам кажется, несколько нарушает общий эпически-размеренный интонационный строй художественного текста. После этого внимание автора все больше и больше будет сосредоточиваться на той боли, которая точит разум, мучает душу героя,— это судьба водяной мельницы. И не только... В интонационном рисунке рассказа все сильнее будет ощущаться тревога; драматизм, заложенный, в общем-то, уже в самых первых предложениях авторского текста, к концу произведения заметно усилится; завершающей интонацией будет трагическая.

Именно мысли и чувства Салтак Павыла всецело определяют сюжет, который в гордеевском произведении, действительно, характеризуется однолинейностью. В рассказе представлена всего одна сюжетная линия, которая фиксирует сложную внутреннюю жизнь центрального героя. Пе-

ред нами произведение с психологическим сюжетом, основу которого составляет ход размышлений и переживаний героя, а не развитие событий. Собственно повествовательных моментов в произведении мало, к тому же они не разворачиваются до подробно выписанных событийных картин жизни. Назовем некоторые из них: события из прошлой жизни Салтак Павыла, переданные с помощью ретроспекции (о них мы узнаем из воспоминаний героя) и большей частью все же описательно, последняя попытка героя защитить водяную мельницу и его смерть. Событийные моменты, представленные в рамках основного сюжетного времени, каковым является настоящее время, также даны описательно (исключением можно считать лишь концовку рассказа). Для примера: «Теперь недостает сил прошагать несколько сот метров пути, поэтому появляется в магазине когда два, а когда и один раз в неделю. А и придет, так надолго не задерживается, не потреплет, как прежде, языком с соседями, усевшись на магазинное крыльцо. Поздоровается-попрощается да и идет своей дорогою домой. Пока дойдет до мельницы, остановится два-три раза передохнуть. И, поглаживая длинную свою бороду, оглядывается вокруг, словно вернулся из каких-то дальних краев на родину, желает выяснить, что изменилось».

Итак, большую часть рассказа занимают размышления Салтак Павыла, а также различные описания, которые прямо или косвенно связаны с внутренними движениями героя. Таким образом создается эффект авторского отстранения от повествования, когда мир почти полностью предстает через восприятие героя, через его понимание, а затем — эффект слияния голоса автора и голоса персонажа, когда они становятся удивительно похожими и в содержательном плане, и в плане формы. В рассказе так, к примеру, описывается сенокос прежних лет: «Уло ял калык олыкышко вола: кӧ сава дене, кӧн кидыште шорвондо, кӧн шаньык. Тыштат-туштат имне пӱргалме, рокмалтыме йӱк, ӱдыр-каче-влакын олыкым шергылтарен муралтен колтымышт, мутланымышт, воштылмышт шоктен». Безусловно, это авторская речь, во всяком случае, оформление ее именно такое; но одновременно это и воспоминания героя, его речь, о чем свидетельствует и лексико-синтаксический строй приведенной цитаты. В данном случае можно говорить об использовании Гордеевым несобственно прямой речи, которая представлена не только в традиционной функции раскрытия внутреннего мира героя, но и как средство передачи своеобразного взаимодействия автора и персонажа.

Подобное слияние голоса автора и его героя лишь время от времени нарушается фразами, указывающими на отстранение автора от героя («А насчет муки, **как сказал бы сам Павыл,** «слава богу», только добрые слышались от народа слова»), или прямыми выводами автора о предмете изображения типа: «Река, мельница и Салтак Павыл составляют неразделимое целое». В конце произведения автор вернется к позиции

отстраненного от героя рассказчика, которая была вначале, но теперь его будет занимать глубокий драматизм всего происходящего в жизни и душе Салтак Павыла, передаваемый уже не через описание, а динамичное сюжетное действие,— в результате произведение приобретает некоторые черты новеллистического повествования. Однако, в целом оно выдержано в русле характерного для российской литературы «повестийного рассказа» (А. Огнев), лишенного обостренного конфликта, динамичного сюжетного действия и эксцентричного содержания, в русле традиционного рассказа, наделенного неторопливой интонацией, с обилием описаний, бытовой и психологической детализацией.

Основным средством раскрытия характера героя, воспроизведения мира его переживаний и размышлений становится внутренний монолог (заметим: именно внутренний монолог — наиболее простая форма передачи внутреннего мира героя,— а не несобственно прямая речь, которая достаточно сложна и трудна не только для начинающего писателя, но и для опытного мастера), в котором переплетаются настоящее и прошлое времена, раздумья Салтак Павыла о том, что происходит сегодня и что было раньше.

Такая сюжетная организация рассказа и такая композиция образа Салтак Павыла способствуют максимальной реализации идейного замысла как произведения в целом, так и непосредственно связанного с авторской концепцией характера центрального героя.

Гордеевский герой видит, какие изменения происходят в современной деревне, как меняются ее жители. Сегодняшний человек, конечно, предпочтение отдает «электрической» мельнице, да и вообще «из-за хлеба нынче лишнего хлопотать нет нужды, сходил в магазин и купил». Салтак Павыл, понимая легкость такой жизни, тем не менее как бы противодействует ей: «по старинке сам ставит хлеб». В таком контексте немаловажной кажется и как бы вскользь брошенная фраза о не лучшем качестве муки с электрической мельницы.

Салтак Павыл привык к труду, к работающей и нужной людям водяной мельнице. «Павыл только тогда чувствует в душе покой, когда мельница его работает. А нет работы — такая тоска, хоть волком вой»,— читаем в тексте рассказа. Но как ни старался старый мельник, о нем вспоминали все реже и реже, посетителей у него не прибавлялось. Лишь река оставалась его единственным другом и утешителем, лишь «отливающая синевой вода» освобождала его душу от тоски, вселяла в нее радость.

Салтак Павыл слышит рокот трактора на ближнем лугу и с горечью замечает, что силу рук нынче везде заменяет техника. Он пытается уцепиться за прошлое, за свои воспоминания, в которых бережно хранятся им природные краски и звуки, всегда радовавшие его: ржание лошадей, разговоры, смех, песни голосистых девушек и парней в сенокосную пору прež-

них времен... Однако, Салтак Павыл вынужден признать: «Илен-толын, шудо солышо калыкын воштылмо, юарлыме, муро йӱкшым, имне рокмалтымымат трактор, тӱрлӧ моло машина йӱк алмашташ тӱнале — Павыл йырым-йыр бензин-солярке пуш шарлымым рашак шиже». Удачно используемая здесь аллитерация («бензин-солярке пуш шарлымым рашак шиже»), создаваемая с помощью свистящих звуков (особенно «ш»), способствует созданию резкого контраста предшествующему пейзажному описанию, с другими звуками и образами («кол йылгыжалтыш», «йырже онгым луктын кодыш», «почшо дене лупшалын, тымык вӱдым тарватыш», «кок сер мучко пич шаранге, вӱдӱмбак пӱтырнен, парчашт дене колым модыктат»), а также ею подчеркиваются тяжесть и тревога в душе героя. Так автор завершает один виток размышлений и переживаний героя, приводит читателя к первой драматической «точке» в сюжете рассказа. Она обозначена в коротком внутреннем монологе Салтак Павыла: «Мом ыштет, илыш вашталтеш. Тугеже вӱдвакш кӱлдымашкак савырна мо?» («Ничего не поделаешь, жизнь меняется. Так, глядишь, до того дойдет, что и мельницу...»).

Рассмотрим следующий виток размышлений героя. Но вначале заметим: каждый новый виток начинается в рассказе с пейзажной зарисовки, в которой центральное место занимает образ грома, предвещающего страшную грозу. В «Водяной мельнице» Гордеева можно выделить три таких витка и соответственно три драматические «точки», в последней из которых фиксируется трагедия героя.

Во второй части сюжетного развития важное значение имеет диалог, воссозданный в ретроспективной форме в мыслях Салтак Павыла,— это его разговор с председателем колхоза, который пришел к мельнице на рыбалку. Автор показывает, что столкнулись два разных человека, два разных взгляда. Один из них, Николай Иванович,— человек нового времени, живущий сиюминутными планами, он — за новшества, за хлеб в магазине, за плотину вместо мельницы. Другой, Салтак Павыл, в глазах собеседника кажется не иначе, как ретроградом. Хотя он и не отрицает нужности в сегодняшней жизни и трактора, и электрической мельницы, понимает, что необходимо как-то облегчить жизнь сельских жителей, но он не может и никогда не согласится с тем, что нужно полностью отказаться от того, что было раньше. А водяная мельница в его восприятии — это не просто мукомольный механизм, а это символ жизни человека в согласии и гармонии с природой; поэтому он с достаточной твердостью заявляет Николаю Ивановичу: «Хлеб, самим испеченный, мягкий, и речная вода — это разве «отстал от жизни?» Человек — часть природы (в марийском варианте «пӱртӱсын икшывыже» — *Р. К.*). Душа человеческая, природа не состарятся никогда». Салтак Павыл — человек крепких, прочных корней; председатель колхоза, в сравнении с ним, кажется человеком лег-

ковесным, неумным. Он за традиционную жизнь в природе, бережное отношение к ней, за труд по старинке, за память о прошлом и следование традициям. Все это еще недавно обозначалось понятием «консерватизм», при этом слову придавалось, безусловно, негативное значение. И мало кто задумывался о том, не приведет ли полное отрицание консерватизма, а следовательно, и памяти, и народной традиции, к «манкуртству», о котором предупреждал киргизский писатель Ч. Айтматов, и духовно-нравственному кризису общества. Русская «деревенская» проза о возможном наступлении такого кризиса писала уже в 70-е годы, достаточно вспомнить произведения В. Распутина, Ф. Абрамова, В. Астафьева и др. К сожалению, в марийской литературе эта проблема мощно зазвучала только в последние два десятилетия; отрадно то, что в этом большая заслуга прозаиков молодого поколения.

Наблюдательный ум и тонко чувствующее сердце Салтак Павыла подсказывают ему то, что плотина, за которую ратует Николай Иванович,— это искусственное изобретение человека, она нарушит природную гармонию, природную чистоту. Как раз об этом — один из внутренних монологов героя: «Глубокие овраги перепрудили воду: ни течения, ни журчания, ни чистой воды тебе, родников и тех не осталось. Есть, конечно, ключи где-то на дне, но разве сравнишь их с теми, что стекают по берегу. В нашу вон реку войдешь купаться, так простыми глазами дно видать. А на плотине?» Ассоциативно у героя возникают мысли и о других вмешательствах человека в природу, например: «Помнит как сейчас один летний день. Приехали на речной берег трактора и начали валить деревья, раскорчевывать. А к осени начали вывозить оттуда торф. «Полю торф нужен,— Павыл не против этого, очень хорошо понимает, а все равно сердцу неспокойно.— Но что вышло потом: замелели реки. А про рыбу что и говорить. Эх, сколько рыбы было! Теперь в плотинах пытаются карпа развести...»

Уничтожая природу, далее размышляет герой, человек истощает себя, неразумное отношение к природе, которая дает ему силу и энергию, неизбежно отразится на физическом здоровье человека: «Вот доказать пытаются, будто в болотистых местах люди часто болеют простудой. А в наше время кругом болота были, но никто о хвори и не поминал. Сейчас и болот нет, а какой толк. Чуть подул влажный воздух — так некоторые неделями на пуховых перинах отлеживаются. Эх-хе-хе-е, коли нет внутри силы природной, откуда же здоровью-то быть».

Бессильный противостоять наступающему истощению природы, а следовательно, и здоровья человека, измельчению его души, Салтак Павыл сознательно отделяет себя от нового времени и его причуд, отстраняется от нового поколения («Вес тукым, мом ышта — шке пала...» — «Поколение другое, сами знают, как быть...»). Так постепенно автор приводит

читателя к следующей драматической точке: «Не тянет его в деревню. Там ему и жизнь кажется чужой, и речь. Нет, слова-то вроде все знакомые, и понять можно, но звучат как-то по-другому...» Мысли Салтак Павыла завершаются в этой части словами о том, что каждому поколению дорого свое время,— это было признание своей беспомощности что-либо вернуть или просто сохранить из прежней жизни.

Последний виток переживаний и размышлений героя (кстати, размышлений здесь гораздо меньше, чем в предыдущих частях сюжетного действия) связан с отчаянно-безнадежной попыткой защитить водяную мельницу. Короткие внутренние монологи, сочетающиеся с несобственно прямой речью, гармонично вписались в динамичное повествовательное полотно последней части рассказа: «Вот, вот же она, его мельница, последняя опора в жизни, здесь же должна быть! Самая дорогая, самая близкая, послед-няя подруга в жизни, вот, здесь должна... Должна!.. Должна?.. Но где ж она, где мельница?! «Нет-нет, неправда... Ошибся местом,— Павыл поворачивает в другую сторону.— Пруд! — в душе его шевельнулась радость.— Вот пруд! Но почему?.. Ушла?» В природной стихии, погубившей старую водяную мельницу, ставшую жизнью, судьбой Салтак Павыла, умирает вслед за ней и он, ее хозяин, один из хранителей трудовых и нравственно-этических традиций своего народа.

На первый взгляд может показаться, что автора рассказа «Водяная мельница» интересует тема одинокой старости и именно она является в произведении главной. При внимательном же чтении обнаруживается следующее: конечно, она есть, но вряд ли она является определяющей. Причем, эта тема, достаточно традиционная для современной марийской литературы, решается несколько иначе, чем в рассказах других писателей, например, В. Бердинского, Г. Алексеева, В. Абукаева-Эмгака, которые почти всегда соотносят ее с темой покинутых детьми родителей. У Г. Гордеева одиночество другого типа. Неслучайно же он отмечает, что у Салтак Павыла не было детей. «Был бы сын,— размышляет герой,— не пришлось бы беспокоиться за будущее мельницы». Тема одинокой старости у Гордеева обрастает целым рядом других проблем — все вместе они и определяют идейно-тематический смысл произведения.

Салтак Павыла мучает то, что новому поколению не нужна мельница, оно отходит от старых традиций, предает забвению опыт, накопленный народом. Сердце нынешнего человека уже не трогает красота природы, его взрастившей; Салтак Павыл удивляется его равнодушию и черствости: «Ял гычше паша дене огыл гынат, тыглаяк толын кайышт ыле, энгерын сылнылыкшылан куанышт, тудын дене кугешнышт ыле. Шокшо кенгеж кечын вӱдыштӧ йӱштыл лекмышгат ок шу ала-мо? Укес, эсогыл йочавлакшат шуэнрак коштыт». Писатель показывает трагическое одиночество человека, который впитал в себя все лучшее от природы, от векового

опыта народа и пытается сохранить все это в мире, так легко отказавшемся от «первородных» богатств. Отсюда становятся понятными слова Салтак Павыла, произносимые им про себя: «Коли река с мельницей никому не нужна, кому нужен я».

Так постепенно выясняется то, что автора интересует не только судьба мельницы и ее хозяина, судьба отдельного человека. В рассказе вырисовывается обобщенная картина жизни современной деревни, в ее антиномиях и сложностях.

В основе рассказа, как правило, лежит «жизненное противоречие, которое носит типичный характер, исполнено большого социального и исторического смысла» (2, с. 27). Такое противоречие может воссоздаваться по-разному. Оно может быть представлено в четко выраженном конфликте, противоборстве героев, а может быть подано просто в виде антитезы (противостояния, несовпадения). На наш взгляд, именно второй вариант обнаруживается у Гордеева; через однолинейный сюжет он, в конечном итоге, выходит к социальной антитезе как содержательной основе произведения. Суть этой антитезы сводится к противостоянию старого и нового укладов жизни марийской деревни, старого и нового мировосприятия, жизненного поведения. Она реализуется, во-первых, в психологическом плане (уже было отмечено, что автор основное внимание уделяет внутренней жизни Салтак Павыла) и, во-вторых, на нравственно-философском уровне.

Своего рода «разбегом» для такого произведения послужила история с водяной мельницей — это скрепляющий «скелет» произведения. Не потому ли образ мельницы вынесен в название произведения? Но название рассказа напрямую связано и с его идейным пафосом. Водяная мельница — это олицетворение веками формировавшегося опыта народа; а главный герой, выросший и погибший вместе с ней,— это олицетворение прогрессивных народных традиций, народной этики, основанной на гармоничных отношениях между человеком и природой. Салтак Павыл — человек, душа которого связана с прежним миром, со старой деревней: «Павыл вес илышеш, вес пӱртӱсеш шочын-кушкын. Ты пӱртӱс гудлан утларак шерге, утларак лишыл, шӱмешыже пижше» («Да, в другой жизни родился и вырос Павыл, в ином мире. Тот мир ему более дорог, более близок, сросся с ним душой»).

Таким образом, в произведении все «работает» на отмеченную выше антитезу: и герой, и художественное время, и все композиционно-стилевые средства и приемы, в том числе, диалог и пейзаж. По принципу антитезы даны в рассказе настоящее и прошедшее время. Многочисленные ретроспекции-воспоминания героя о том, что было раньше, даны в светло-радужной, взволнованно-лирической стилевой тональности, в то время как настоящее время обозначено глубоким драматизмом, отсюда все по-

вествовательные моменты, размышления, связанные с основным временем действия, характеризуются драматической, а в конце произведения трагической, интонацией.

Постепенное усиление драматизма сюжетного действия очень хорошо передается через пейзаж, а именно через три описания надвигающейся грозы, образ которой становится как бы центром антитезы. Гроза оказывается между новым и старым, она как стихийный и безжалостный судья. Одно из этих описаний дано в самом начале произведения, два другие — в первых двух драматических «точках» психологического сюжета. Третье пейзажное описание разворачивается до целой пейзажной картины, которая по динамизму сродни событийному рисунку завершающей части рассказа. Все другие, кроме этих, пейзажные зарисовки, например, описание реки, важны прежде всего в плане характеристики Салтак Павыла, который живет в тесной связи с природным миром. Он строит свою жизнь в соответствии с его законами. И не потому ли природа так живо откликается на его беды, успокаивает его душу, помогает пережить тоску? Гордеев с помощью метафор очеловечивает природные явления, например, реку, которая изображена в рассказе как лучший друг Салтак Павыла: «Тудыжо пуйто Салтак Павылын ойгыжым **пайла:** толкынжо дене серым **ниялткала,** ӱмбакыже лыжга юж дене **шӱла**».

Функцией всех пейзажных описаний и пейзажных деталей является также и передача внутреннего состояния героя. Не исключение в этом плане и предгрозовые картины, и картина самой грозы. «Где-то гремит гром. Наверное, опять будет сильный дождь»,— пишет автор в начале своего рассказа. Уже это описание указывает на внутреннюю тревогу героя, уже оно несет в себе своего рода предощущение страшной беды. Признаки надвигающейся трагедии становятся более отчетливыми в следующем описании, в котором речь идет о приближении громовых ударов и идущей со стороны леса черной туче. А завершающая пейзажная картина уже запечатлевает усиление грома, молний и ветра до урагана, поглощающего без разбору все, что становится его жертвой. Соответственно меняется и словесное оформление пейзажа: «шем пыл пӱтырналт-пӱтырналт толеш», «мардеж орышыла лӱшкаш тӱнгале». После таких пейзажных деталей автор, как бы желая продолжить и усилить намеченную в них характеристику внутреннего состояния героя, обращается уже к непосредственному внутреннему рисунку: «Павылын могыржылан йӱштын-шокшын чучо, чонжо, ала-могай осалым шижшыла, лӱдын чӱчкаш тӱнгале». Роль последующих пейзажных деталей, главным образом, сводится к передаче напряженности и силы сопротивления Салтак Павыла всепоглощающей стихии. Для примера: «Шонго тунам верже гыч тарваныш, омса гыч тӱкылтышым корангден веле шуктыш, омса адакат **комдык лупшалалте,** но Павыл тудым тӱчаш ыш тӱнгал, тӱгӧ тарваныш. **Онгышкыжо тале мар-**

деж миен тӱкныш, йӱр лозыкым кышкале. Салтак Павыл кенеташте мардежым сенген ыш керт, ик-кок йолтошкалтышым мӧнгеш ыштыш. Вара, пырдыжыш энгертен, уло вий дене ончыко шӱкалалте.

Павыл вакшыж деке вашка, но **мардеж тугак талын чурийышкыже йӱр вӱдым кышка, ончалаш эрыкым ок пу,** коклан неле капшым **шенгек шӱкал-шӱкал колта».**

Особое значение последнего пейзажного описания определяется и тем, что оно усиливает нравственно-философскую направленность гордеевского произведения. Завершающая часть рассказа наиболее ярко свидетельствует о том, что писатель от осмысления одинокой старости и противостояния старого, связанного с природным миром и нового, технологичного и рационалистического укладов деревенской жизни идет к постановке философской проблемы (на нее обращает внимание и критик В. Егоров (3, с. 127) — проблемы неразрывной связи природы, человека и труда. Автора «Водяной мельницы» волнует вопрос о том, насколько разумно отношение современного человека к природе. Ведь неразумное, равнодушное отношение к природе, народным традициям, связанным с природой и трудом человека в природе, сродни безнравственности, за которую неизбежно последует наказание. Так и в рассказе Г. Гордеева. Последняя пейзажная зарисовка в нем как раз об этом и говорит: природная стихия рушит не только водяную мельницу, она уносит вместе с ней и жизнь старого мельника. Конечно, здесь может быть и символическое выражение вечного закона жизни: старое, умирая, всегда уходит в небытие, уступает место новому, более сильному, напористому, радикальному. Но кроме этого, на наш взгляд, прослеживается и другая мысль: природа, в которой современные люди нарушили привычную гармонию, обозлившись, мстит человеку, забирая их жизни. Это тоже закон жизни. Салтак Павыл, понимая это, бесстрашно делает шаг в эту стихию, словно принимая на себя, как Иисус Христос, страдания современного человека, наказание его за грехи перед природой.

Итак, рассказ Г. Гордеева «Водяная мельница» отличается выдержанностью жанра (перед нами рассказ с социально-философской и психологической направленностью), единым композиционно-стилевым рисунком, сюжетным единством. Все это свидетельствует о том, что молодому писателю удалось избежать той опасности, которая часто подстерегает современных прозаиков. Об этой опасности хорошо заметил русский писатель Леонид Бородин: «Мне кажется, общей чертой современной прозы является размытость жанра. Сейчас практически не встретишь романа в его традиционной форме... Не владеют ею современные писатели — в отличие, скажем, от советских. Роман мог быть каким-нибудь партийно-индустриальным, хотелось плеваться, но жанр выдерживался великолепно: разнообразие сюжетных связей, обязательное их переплетение, развяз-

ка, ничто не повисает, нигде нитки не торчат. Сегодня часто приходится сталкиваться с такой ситуацией: писатель находит интереснейший сюжетный ход, ждешь, волнуешься, автор не справляется, сводит все к чему-то элементарному и банальному» (4, с. 7). Что касается рассказа «Водяная мельница», то его автора вряд ли можно упрекнуть в банальности художественного мышления.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Огнев А. В.* Современный русский рассказ (50—80-е годы): Учебное пособие. Семинарий. Калинин, 1986.

2. *Лебедева М. Н.* Проблемы героического характера в русском советском рассказе. М.: Просвещение, 1974.

3. *Егоров В.* Тӱнгӧ — шӹм-чон яндарлык // Ончыко, 1991. № 5.

4. См.: *Шаповал С.* Диссидент-государственник // Независимая газета, 1996. 24 января. С. 7 (Беседа с Л. Бородиным).

Raisia Kudriavtseva

GENNADY GORDEEV'S STORY «WATER-MILL»: METHODS OF INTEGRAL ANALYSIS

The article presents an integral analysis of Gennady Gordeev's story «Water-mill», published first in the newspaper «Marii kommuna» in 1987.

G. Gordeevs work represents a social – psychological story with philosophical orientation. Such genre orientation of the author is conditioned by:

— detail analysis of the composition of the story, its plot, and the system of images

— study of the ways of revealing the main character's features and interpenetration of words of the author and the main character

— study of the functions of the landscape and the main components of the author's composition.

«Финно-угроведение», 2001, № 2.

СООБЩЕНИЯ

Ольга Коснырева
Сыктывкар

ТРАГЕДИЯ СИЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ-ОДИНОЧКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОМИ ПИСАТЕЛЕЙ КОНЦА ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Анализируя произведения 70—90-х годов двадцатого века, написанные разными авторами, можно отметить, что трагическое концентрируется в определенных направлениях и корни трагического лежат в самом человеке, но, проявляясь в человеческих взаимоотношениях, превращаются в общенародную трагедию, перед которой становясь бессильны порой даже самые сильные герои.

В чем же причина трагедии сильной личности, героя-одиночки, изображенного писателем? Кто он, герой-одиночка – трудоголик или лентяй, мастер своего дела или неумеха, не утративший связи с народом или разрушитель вековых традиций, уклада жизни, культуры народа?

Социальное столкновение правды и кривды, добра и зла, веры и неверия, проходя через душу героя, отражает корни трагического конфликта героя-одиночки с самим собой. Прежде трагическое проявляется как негативные последствия прошлого; как последствия войны и репрессий; как последствия, вытекающие из больших и малых упущений, промахов, ошибок, заблуждений, происходящих в сегодняшней жизни. Разрыв героя-одиночки с окружающим миром оборачивается для него холодностью, отчуждением, погружением в свой обособленный и непонятный другим мир. Но этот герой-одиночка – сильная личность, и сам окружающий мир теряет в нем не меньше, а, может быть, больше, чем сам герой.

В многоплановом романе Г. Юшкова «Чугра» (1979), показывающем в ретроспективе весь двадцатый век, на примере трех поколений семьи Бажуковых раскрыта трагедия сильных личностей, не понявших или не принявших происходящее вокруг них.

Основательнице рода, Виринее, досталась тяжелая жизнь. Оставшись без мужа, она пытается сохранить свое крестьянское хозяйство, подняться

любой ценой, преступая для этого человеческие законы. Стремление к наживе лишает ее всего человеческого: чтобы заручиться поддержкой сельского богача Евстахия, она хладнокровно участвует в убийстве красноармейцев, не человеческие судьбы волнуют ее, а то, что «промедление это себе же выйдет боком? ...Придется, видно, сходить — хоть зачтётся» (1, с. 128). На примере судьбы Виринеи читатель видит, насколько глубок трагизм героя, не сумевшего найти правильное решение и верно определить свой жизненный путь. Стремление выжить перерастает у Виринеи в неистовое желание обогатиться. «По-прежнему свое крутит. У тебя, как у медведя, лишь бы вотчина своя была, да чужая нога туда не ступала» (1, с. 338),— осуждают ее односельчане. А Виринея в своем стремлении к лучшей жизни надеется только на себя: уходит из деревни, строит дом вдали от людей. Напористая, выносливая, смелая, она не испытывает страха даже в схватке с медведем. Но отсутствует в характере героини доброта, сопереживание, желание помочь другому. Она изгоняет с угодий охотника — югру Тэню. «На что нам здесь югра? Пускай за Уралом живут» (1, с. 198, 199),— выносит она свой собственный приговор, потому что «...она на своем юру сама себе была государыней» (1, с. 196). С позиции государыни-вершительницы судеб она и действовала, воспитывала сына, подбирала невестку.

Своим уходом из деревни она выражает протест против происходящих изменений, ей кажется, что новая власть притесняет ее, она не понимает «голодранцев, возомнивших о себе не весть что», обрекает себя на одиночество, живет «с ледяным сердцем» (1, с. 99, 224).

Трагический разлад личности с обществом является ведущим мотивом произведений с трагическим содержанием. В острых обстоятельствах, требующих сил и ума, недостатки людей, их ошибки и промахи становятся объектом трагического изображения. Исследователь Ю. Борев верно отмечает: «Трагический герой проверяется историческим процессом. В судьбе героя есть случайности, и они неизбежны. Но не в них суть дела, а в том, что характер, его мировоззрение, зрелость или отсталость выверяются соответствием или несоответствием с историческими закономерностями. Столкновение героя с историей позволяет показать характер во всей его сложности и противоречивости» (2, с. 239). В романе Г. Юшкова Виринея не в состоянии смириться с происходящими изменениями. Она понимает, что возврата к прежней жизни нет, но и жить в новых условиях не может, и сама обрекает себя на смерть. Ее уход из жизни неизбежен. Осознание своего заблуждения, погубленной жизни, безжалостной действительности пронизывает в предсмертном озарении Виринею. Автор удивительно точно показывает ощущения героини, неожиданное понимание ею своей трагической, бессмысленной жизни. С болью и любовью Г. Юшков изображает свою героиню, подчеркивая ее трагедию, противопоставляет

ее последним минутам пробуждение природы, дает героине последнюю надежду, вкладывая в ее угасающее сознание слабую искорку-звездочку растраченной, но не сдающейся веры. Автор восхищен мужеством своей героини, пусть трагической, но целеустремленной по-своему в ее изломанной жизни, до последнего мгновения настойчиво делающей еще один шаг к своей цели. Как реквием звучат слова, описывающие последние мгновения жизни Виринеи: «Жить бы еще на земле под солнцем, а приходится расставаться — кончились все ее земные дела на этом свете. Потом Виринея пошла дальше, к своему дому, на ходу уговаривая себя: «Солнце ходит высоко — и даже в потусторонней тьме оно, должно быть, достанет ее своим теплом и светом». «Кто для других и лучинки не перевернул,— отмечает одна из героинь,— тому трудно свою натуру ломать. Вот и сломалась на свою сторону» (3, с. 339, 358).

Трагично складывается жизнь и другой героини романа «Чугра» — Ревекки, невестки Виринеи. Муж ее, под влиянием матери ставший дезертиром, вынужден прятаться от людей; оторвался от родного дома и сын Ревекки Павел. Сильная женщина ради сына всю жизнь молча хранит тайну Чугра, где скрывается ее муж. Она сама вынесла ему приговор: «А сейчас ты кто? Тень! И на нас с сыном тенью ляжешь» (3, с. 356). Способная на такой решительный шаг, она в то же время из ложной гордости в молодости не принимает чувства любимого человека Якова, тем самым совершив ошибку в жизни. Одиночество и безвестность, предопределенные не сложившейся жизнью, приводят Ревекку к смерти на ее последнем пути к мужу. В момент кончины, как и Виринея, Ревекка одна. «Небо прояснилось, покрылось звездами, и утренняя звезда засияла над вершиной высокой ели, казалось, будто самую светлую свечу зажег господь для Ревекки» (3, с. 409). В отличие от Виринеи, Ревекка была одним из передовиков, на хорошем счету, но трагедия семьи Бажуковых легла и на нее, оторвала от людей, и трагический финал был неизбежен. Даже охотничью собаку, последнюю живую душу, от умирающей Ревекки унесла сова.

Трагедия сильной личности пропитана в романе не просто духом времени, а пафосом времени, пафосом будущего, победой нового, светлого. Автор подчеркивает, что человек может выжить, если сохранит в себе человека. Он с большой симпатией раскрывает в произведении образ другого трагического героя — профессора Ленинградского горного института Тихомирова. В предвоенные годы по ложному доносу своих же студентов ученый был отправлен в лагерь по 58 статье как враг народа. Даже на Севере, разделяя жизнь заключенных, без права на личную свободу, он продолжает заниматься наукой. Несмотря на превратности судьбы, этот человек, лишенный гражданских прав, не опустился, не ожесточился, не изменил своим принципам, сохранил душевную теплоту, человечность, способность заботиться о других. «Прямота, достоинство держаться, ос-

таваться человеком, хотя груз не одного мрачного года, проведенного здесь, подавлял его... У него не было ненависти к жизни, не чувствовал себя на чужбине и верил, что еще не конец» (3, с. 169). Чувство одиночества не тяготит Тихомирова, радость ученый находит в работе, пусть за свое открытие по освоению добычи тяжелой нефти, удостоенное высокой премии, он получил всего лишь «полбуханки черного хлеба, три селедки, тридцать рублей».

Тихомиров становится примером служения людям, своему делу, своей Родине. Ученый умирает от инфаркта. «Измерить пользу, которую Тихомиров принес Советской власти, никакой мерой невозможно» (3, с. 188),— такие слова произносятся над могилой профессора.

Не менее трагична судьба героя повести И. Торопова «Громыхнуло посреди избы» (1989). Витень — один из тысяч истинно коми крестьян, «все делает не торопясь, степенно, не может трудиться небрежно» (4, с. 7). Но его трагедия — в доведенном до абсурда выполнении циркуляров, продиктованных сверху указаний местной властью, реализуемых своими же сельчанами, что страшно вдвойне. Главный в комбеде Марпа Ӧльӧк, односельчанин Витеня, слепо выполняет приказы, чтобы проявить себя в глазах вышестоящего начальства, готов любой ценой отобрать у любого как можно больше, обрекая порой односельчан на голодное существование. Чувствуя свою ущербность, неумение, отсутствие истинной хозяйской, крестьянской жилки, Ӧльӧк компенсирует это безнаказанной вседозволенностью человека при должности.

На страницах произведения автор сравнивает Ӧльӧка, «человека при должности», и истинного хозяина Витеня, тщательно выбирающего место для построек, любовно строящего свой дом, все силы прилагающего для того, чтобы помочь детям встать на ноги, поднять хозяйство. Перед читателем возникает образ настоящего трудолюбивого, мастерового крестьянина, человека, на ком и земля, и государство держатся. У Витеня все добротно сделано. Если бы герой не взялся за землю как настоящий крестьянин, то «такое хозяйство и такую жизнь в достатке ему не видать». Писатель раз за разом подчеркивает, что Витень не просто крестьянин, а он всего достигает именно своим каждодневным трудом, хозяйской хваткой, сметкой. Не это ли должна приветствовать новая власть, называющая себя властью народа? Но тем трагически угрожающе звучат слова представителя народной власти Марпы Ӧльӧка: «Тебя, дядя Витень, надо бы еще потрясти». Нам, сегодняшним читателям, знающим историю, становится непонятно: за что «трясти?». Слова Витеня «Что уж меня трясти, сколько надо — я и так сдал, отдал хлеб и остальное... У меня себе только на еду осталось» (4, с. 15, 16) повисают в воздухе. Нищие духом, обделенные с детства добротой, оторванные от традиционного народного корня, выплескивают всю злость, зависть, ненависть на всех, кто лучше их, кто

умеет и любит работать. Стремясь удержаться у власти, в слепом рвении подобные Ӧльӧки вершили судьбу народа, распоряжались чужой жизнью, причисляли к классовым врагам истинных хозяев. Ненависть рождается из-за того, что они (такие, как Витень) с таким терпением могут работать в своем хозяйстве и в лесу, а у них (Ӧльӧка и Кӧсьты) на это «не хватает ни терпения, ни силы». Высокомерие звучит в словах Кӧсьты: «Мне сейчас уже не ковыряться в земле. У меня сейчас повыше цели. Нам надо новый порядок устанавливать» (4, с. 30, 34). Разыгрывается трагедия социальной незрелости, серости, которая оказалась у власти.

Крепким, настоящим крестьянином был Витень. Но Кӧсьта упивается своей властью, готов подрезать под корень крестьянские семьи. «С голоду не помрешь»,— оскалив острые зубы, улыбается Ӧльӧк, требуя сдать нужную часть зерна, и на сопротивление Витеня хладнокровно убивает его. Вот так «в далекую Коми землю с ее бескрайними лесами пробивалась новая жизнь» (4, с. 35, 39),— отмечает автор, нарисовав трагедию крестьянина Витеня.

Трагедия сильной личности раскрыта и в повести Н. Куратовой «Молоденькая девушка с черными глазами» (1991). Повесть лирична и трагична одновременно. Героиня повести Лида заканчивает педучилище, но едет не по распределению, а возвращается в свою родную деревню, чтобы помочь бабушке и сестренке. Комиссия пытается вникнуть, чем вызвано такое желание девушки. Н. Куратова, как и в повести И.Торопова «Громыхнуло посреди избы», показывает, что власть не способна да и не хочет ни в чем разбираться. Все заменяет диктат, желание сломать, подчинить, испугать, заставить беспрекословно подчиниться. Равнодушие к судьбе человека, глумление над человеком в годы репрессий становится в порядке вещей. Лиду отправляют в лагерь на лесозаготовки отбывать срок. В нечеловеческих, трагических условиях молодая девушка не сломалась, не зачерствела, выстояла. Знакомство с политическим заключенным, «врагом народа», «шпионом и предателем» Таммом дало ей силы. Образ Тамма перекликается с образом Тихомирова из романа Г. Юшкова «Чугра». И Тамм, и Тихомиров в любых условиях верны своей мечте. Они в вечном поиске, полны энтузиазма, энергии, притягивающей других, от которой становится всем тепло. Тамм при всей своей внешней суровости стал понятен Лиде, раскрылся в величии своего человеческого духа, вдохнул в нее веру в себя.

Пройдя все испытания, Лида возвращается в свою деревню. Она не только вырастила дочь, но вновь встретила человека своей юности — того самого Тамма. Они смогли соединить свои судьбы. Жизнь победила трагическое. Эпилог повести звучит вечной памятью духу человека, устоявшего под тяжестью самых тяжелых ударов судьбы. Социальное трагическое бессильно перед сильными людьми.

Период коллективизации, раскулачивания и его трагических последствий показан в повести Г. Юшкова «Иван-чай с белыми цветами» (1972). Донской казак Степан Гнеушев, раскулаченный и сосланный со всей семьей на Север, оказался один на один со своей судьбой. Могучий и физически, и душой, он не может примириться с такой участью. Но, как подчеркивает исследователь М. Ломунова, «судьба Степана Гнеушева — тяжкая непосильная ноша человека, отошедшего от народа» (5, с. 218). В гражданскую войну Степан воевал «за землю, за волю, за лучшую долю», имеет орден, но в тридцатые годы не принял коллективное хозяйство, «не хотел жить артелью и быть загнанным в один хлев» (3, с. 522). Он, как и героиня романа «Чугра» Виринея, хотел быть сам себе хозяином, жить лучше других. По этой причине Степан и был записан в кулаки и выслан с семьей с Дона на Север.

Трагические обстоятельства усугубляются характером героя и приводят его к трагической гибели. Степан — собирательный образ человека, влюбленного в тяжелый крестьянский труд. Трагизм его жизни — в чудовищной несправедливости государства, приписавшего его к врагам народа, изгнавшего его на край света. «Обмануло меня ваше государство», «оно у меня в долгу, ваше государство» (3, с. 522). Трагическое противостояние бесчеловечному, несправедливому действию государства кроется в самом герое, в его необузданном упрямстве, гордости, своенравии: «Меня голыми руками не возьмешь. Если б им (властям — *О. К.*) нужен был хороший работник, хозяин земли, пусть бы обращались как к человеку, а не к врагу». Степан не остается в деревне, уезжает в свой «крайний дом» в заброшенном поселке переселенцев, сказав: «По моим жилам течет эта боль» (3, с. 524). Он завершает свою борозду на той же трагической ноте, на какой жил всю жизнь, бросая вызов окружающим. В его одиночестве ему не хватило самой малости — протянутой руки. «До подмышек он был в ледяной воде, руки примерзли на краю льдины. Весь не погрузился в воду, но, видимо, обессилел и замерз» (3, с. 525—526).

Гордая, но трагически одинокая фигура Степана заставляет читателя задуматься над смыслом жизни, над тем главным, что смогло бы примирить человека и общество, над тем социальным, иногда так трагически входящим в жизнь человека. Г. Юшков убедительно показывает, насколько трудно устройство личного счастья в стороне от людей, от коллектива, насколько бесплодны попытки создать свой особый замкнутый мир.

Несколько в ином трагическом ключе показан герой рассказа А. Ульянова «Черная осень» (1989) Петыр. Название рассказа, как показывает подтекст, раскрывает тревожное безысходное состояние героя: «На душе было пусто и холодно, как эта черная осень» (6, с. 60). С этой фразы усиливается трагическая эмоциональная напряженность рассказа. Смерть матери становится началом духовной гибели и сына — Петыр теряет смысл

жизни. С потерянностью, безысходностью связано все нарастающее внутреннее напряжение чувств Петыра. Писатель последовательно раскрывает внутреннее состояние героя, его одиночество. «Деревня похожа на печального человека. Ни души не видать. Кому и показываться?» (6, с. 67). В заброшенной деревне Лунпока Петыр не видит счастья, теряет надежду на будущее. Ему открывается никчемность собственной жизни: не может жить по-старому, а что-то изменить в этой жизни он не в силах. Он был крепок и силен, опираясь на близкого ему человека — на мать,— но в одиночестве сломался. Приходящая в запустение деревня, весь крестьянский быт становятся для героя безрадостными, ведущими в никуда. Доживает человек, поняв никчемность своей жизни, ненужность интересов и цели. Финал его жизни — самоубийство — становится логическим завершением той трагической ситуации, в которой он оказался. И все дома Лунпока «будто на тот свет собрались. Лунпока, видать, туда же шагает ... Затихла деревня, утонула в грязь по горло»,— отмечает автор. Парадоксальная ситуация – в сложившемся никто не виноват, и в то же время виноваты все. «Кого в этом обвинить? Кого ругать, что он родился и вырос в лесной глуши, в далекой деревне, где, кроме покосившихся домов, ничего не осталось?» (6, с. 71).

Но финал произведения неожиданно оптимистичен. Писатель в конце рассказа дает картину «первого снега», который пытается скрыть грязь, слякоть повседневной жизни. Снег как знак вечности. Трагическое разрушительно, опустошительно по своей природе, но в результате его урока возродится новое.

В самых разных произведениях коми писателей раскрывается трагедия людей. В одних случаях герой судит себя сам, в других – ощущает страх и ужас своего положения. Но во всех ситуациях писатели, раскрывая трагедию сильной личности героя-одиночки, подчеркивают, что, пройдя через ошибки и промахи, в самых безвыходных ситуациях человек может выжить, выстоять, если сумеет понять происходящее, остаться человеком. Гибель героя становится для читателя еще одним толчком к более глубокому пониманию жизни.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Юшков Г.* Чугра. Сыктывкар, 1981.
2. *Борев Ю.* О трагическом. М., 1961.
3. *Юшков Г.* Ловъя лов. Сыктывкар, 1979.
4. *Торопов И.* Оштӧ эн лый кыкысь (Не стреляй в медведя дважды). Сыктывкар, 1995.
5. *Ломунова М.* Белые цветы иван-чая. Л., 1986.
6. *Ульянов А.* Сьӧд ар (Черная осень). Сыктывкар, 1992.

Olga Kosnyreva

TRAGEDY OF A STRONG LONE PERSON IN THE WORKS OF KOMI WRITERS AT THE END OF THE 20 TH CENTURY

In various works of Komi writers tragedy of people is shown. In some cases the main character blames himself, in the other cases he feels fear and realizes how terrible his position is. But in all the works the authors, showing tragedy of a strong lone person, stress that coming over all the mistakes and difficulties in hopeless situations a man can survive and hold out if he can understand the situation and remain human. Death of the main character is another factor for a reader to understand life deeply.

«Финно-угроведение», 2001, № 2.

Галина Лисовская
Сыктывкар

К. Ф. ЖАКОВ И ЕГО РОМАН «СКВОЗЬ СТРОЙ ЖИЗНИ» В МИФОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

К. Ф. Жаков (1866—1926) — коми писатель, творчество которого органично вписывается в контекст духовных поисков русской и европейской интеллигенции начала XX века – О. Шпенглера, К. Гамсуна, В. Соловьева, А. Белого, В. Иванова и других деятелей культуры, связанных, в частности, общей мифологической установкой этого времени.

Мифологизм в литературе означал «разрыв с традицией реалистического социального романа XIX в., переход от социально-психологического аналитизма к «синтетическому» конструированию символической модели мира, ...перенос творческого интереса на вечные метафизические проблемы с выходом из конкретных пространственных и временных (исторических) границ» (1).

Отторжение от реализма и обращение к мифу происходило и у К. Ф. Жакова и означало «победу над тоской жизни». Эстетическое кредо писателя, основанное на «преодолении жизни во имя творчества», избавлении от «давления действительности», ведет его к новым формам художественного обобщения. Творчество для К. Ф. Жакова – это «преодоление "трагедии познания" мечтою», это фантазия, сказка. К. Ф. Жаков называл себя северянином, творящим «из себя» мир (2, с. 110), а это и есть мифотворчество, ибо «миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая реальность» (3, с. 14).

В таком типе творчества, по мнению К. Г. Юнга, «динамика и глубинный смысл сосредоточены не в историческом, но в мифологическом материале, они коренятся в выразившем себя через них изначальном видении» (4, с. 131).

Роман К. Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» (1912—1914) и является таким мифологическим текстом, несмотря на то, что сам писатель полагал, что в этом произведении он «стал окончательно реалистом, победив

сказочника» (2, с. 131). Только рассматривая сюжет романа как символический знак, можно постичь глубинную суть произведения, невидимую в линейно-историческом аспекте.

Роман написан в русле новой эстетики начала XX века, характеризуя которую, Л. Долгополов писал: «Создавался новый, небывалый тип художественного мышления, в котором личный, автобиографический опыт приходил в сопряжение с реальным типом истории» (5, с. 55). Героем литературы становится сам писатель, втянутый в круговорот истории. Страстный, тревожный художник – символ эпохи, и именно такую личность мы видим в романе «Сквозь строй жизни». Героем его является сам К. Ф. Жаков как явление культурно-исторического порядка, и как явление внеисторическое, величина космогонического плана. Таким его ощущали современники и в жизни. Один из студентов Санкт-Петербургского психоневрологического института так описывал своего преподавателя: «В его светло-серых глубоких глазах светился большой ум и проглядывало эпическое спокойствие еловой пармы родной зырянской земли. Широкоплечий, всегда ровно спокойный, медлительный в движениях, с лицом вогула, обрамленным нимбом красивых, мягких, курчавых ... волос, он производил своеобразное впечатление кудесника, верного древним богам... Мы, студенты, называли его «зырянским Памом» (6, с. 5). Богатырем с «гигантскими силами» и «кристаллически чистой душой» остался он в памяти другого его современника (7, с. 15).

Многие деятели русского символизма конца XIX – начала XX веков хотели быть проводниками, учителями истины. К. Ф. Жакову это удалось. Учителем, мудрецом, постигшим тайны мироздания,– таким он был для своих учеников и почитателей.

Воздействие К. Ф. Жакова на студентов было почти мистическим, что однажды даже привело к трагедии (8). Не менее сильное эмоциональное влияние имел и автобиографический роман писателя, отразивший «биографическую легенду» К. Ф. Жакова. Такое воздействие, по мнению исследователей, имеют произведения, в которых есть неосознанная всеобщая потребность (4, с. 149). А для этого герой произведения должен быть не столько реальной личностью, сколько неким символом.

Именно таков персонаж автобиографического романа К. Ф. Жакова. Это одновременно и историческая личность, и символическая, лишенная индивидуальных характеристик. Не случайно он имеет два имени. Автобиографически конкретная историческая личность имеет имя Феофилакт Панюков, а символическая – Гараморт. Фабульное время и пространство романа строго конкретно. Герой рождается в 1866 году 18 сентября в деревне Давпон, в трех верстах от города Устьсысольска: «ночью жена резчика Фалалея – Устинья – родила ему одиннадцатого ребенка ...». В то же время это лирическое или символическое, оно же – мифологическое про-

странство. Автор отталкивается от реальности и трактует свою личность символически, так эпиграфом к первой главе стали слова: «Я маленький герой в большой сказке мира» (2, с. 19).

Феофилакт Панюков излагает подробности своей биографии, а Гараморт превращает их в сказку. Это он беседует с тенями великих мудрецов, и в минуты озарения не Феофилакт слышит наставления своего умершего отца, а к Гараморту нисходит откровение в образе Фалалея – символического Мудреца и Учителя. Интересно, что свое второе имя – Гараморт – жаковский персонаж получает не сразу: годы детства, ученичества, духовного становления он проходит под тем именем, что нарекли его родители, и лишь когда превращается в творческую личность – философа, творца, сказочника – становится Гарамортом. Само это имя наполнено мифологическим смыслом и напоминает имена персонажей из других произведений Жакова – Пама Бур-Морта, Мичаморта, Войморта,— искателей истины, мудрецов и скитальцев. «Сквозь строй жизни» – та же мифологическая сказка о человеке, оторвавшемся от природы и своего народа и возвращающемся к ним, но уже на другом уровне, в качестве учителя, защитника, певца и пророка.

Если сюжет романа осмыслить как мифологический, то мы увидим цепочку событий, которая, по Ю. Лотману, сводится к цепочке «вхождение в закрытое пространство – выхождение из него» (9, с. 72—73) (закрытое пространство – временное, историческое, открытое – вневременное – *Г. Л.*). Из открытого пространства природной жизни, «детского рая», герой уходит в городскую жизнь, мир цивилизации, мечется, страдает в этом безвоздушном пространстве, как юные Тогай и Беженада-Вирси-Ургo из одноименных легенд. И хотя Феофилакт Панюков не успел вернуться на родную землю (роман обрывается), Гараморт духовно преодолел закрытое пространство, он художник, творец, и, находясь в мире бытия, готов быть учителем своего народа.

Чтобы понять самого себя, свои поступки, Жаков обращается к глубинным слоям своей психики, не связанным напрямую с реальностью, исследует архетипическую природу тех, кто формировал его личность. Образы отца и матери К. Ф. Жакова появляются как в первом сборнике рассказов «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом» (1905), так и в итоговом романе. Подробно, с бытовой конкретностью описанные персонажи, они в то же время фигуры символические, укладывающиеся в бинарные оппозиции «Природа» – «Дух». Отец – крестьянин, известный на всю округу резчик по дереву Фалалей – первый Учитель, духовный Отец и мудрый Старец – в таких ипостасях он предстает в жаковском тексте. С отцом Феофилакт Панюков познает азы ремесла и крестьянской морали. А когда в минуту душевной смуты к нему являются тени великих мудрецов, чтобы научить, как жить на свете, среди них был и старик Фалалей

как главный Учитель. В образе отца в романе К. Жакова получает воплощение архетип духа (старика), анализируя который К. Г. Юнг отмечал: «Старик всегда появляется тогда, когда герой находится в безнадежной и отчаянной ситуации, из которой его могут вывести только глубокие размышления или счастливая мысль...» (10, с. 219).

Мать К. Ф. Жакова – Устинья – является воплощением самой природы и полным антиподом своего мужа. Он жил сознанием, она — душой и инстинктами; он организованный, она – стихийная; он прямодушен, она – хитра. Живущая чувствами, а не разумом, Устинья выполняет свое изначальное предназначение – растит детей, слепо защищает их, независимо от того, правы они или нет. В то же время она безвольна, расточительна, и в этом плане выступает как сила разрушительная для семьи. В Устинье, так же как и в Фалалее, проступает первообраз – архетип матери, амбивалентный по своей сути (10, с. 113).

На полюсе «Природа» находится также Нялай, брат Устиньи и дядя писателя. В жаковском тексте этот богатырь из Шошки является воплощением первобытной силы – простодушной и разрушительной. Вот как рисует К. Ф. Жаков этого «великого пьяницу» в романе: когда Нялай плясал во время деревенского праздника, он «сорвал столбы крылечка мужика Ивана, поколотил троих мужиков попутно и, наконец, войдя в экстаз, взял огромный камень и бросил его через амбар. Камень, жужжа, пролетел через двускатную крышу и упал в огород мужика Егора, глубоко уйдя в землю» (2, с. 46). К. Ф. Жаков пишет: «О Нялай! От тебя взял я твои страсти, твое безумие, часть твоих мускулов, натуру Эпиметея, и лишь малая часть мудрости перешла мне от Фалалея, малая часть прометеевской прозорливости озарила мою темную, глубоко страдающую душу» (2, с. 64).

Приобщая Нялая и Фалалея к персонажам греческой мифологии, К. Ф. Жаков не только подчеркивает знаковый характер их влияния на его личность и амбивалентность своей натуры, сочетающей в себе противоположные черты братьев-демиургов, но и выявляет свою глубинную суть именно с помощью тех символических фигур, архетипическое значение которых позднее привлечет внимание психоаналитика и исследователя мифа К. Г. Юнга. Эпиметея и Прометея ученый противопоставляет по линии «бессознательное» / «сознательное», что созвучно оппозиции природы и духа.

Роман К. Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» – это роман о блужданиях Гараморта в поисках Пути. Его путь тернист, но не всегда из-за «среды», а из-за собственных импульсов, недоступных анализу: «Я слышу какой-то призыв. Не знаю, послушаться ли этого голоса? Откуда идет он, не из темной ли воли жажды известности, или из светлого источника мира, лучи которого играют в каплях мировой воли...» (2, с. 199).

Ощущая противоречивость своей натуры, постоянно находящейся в бореньях природы и духа, К. Ф. Жаков, как и его любимый мифологический персонаж Пам Бур-Морт, постоянно искал совершенства, обретения гармонии и в конце концов превратил свою жизнь, по его собственному признанию, «в многогранную поэму» (2, с. 94).

К. Ф. Жакова называли «зырянским Фаустом». К. Г. Юнг отмечал, что Фауст Гете – «это символ ... выражение изначально жизненно действующего начала в немецкой душе» (4, с. 149), К. Ф. Жаков свое фаустовское начало воплотил в образе Гараморта, являющегося выражением зырянской души в ее исконном, архетипическом проявлении. По мнению А. К. Микушева, имя Гараморт образовано Жаковым из коми слов «гар» (веретено, т. е. подвижный, легко возбудимый, легко вращающийся и «морг» (человек) (11, с. 378). Это имя у Жакова символизирует неуспокоенность, стихийную мощь и неуправляемость, соединенную с жаждой жизни и жаждой знания.

Рассматривая роман «Сквозь строй жизни» с учетом свойственного К. Ф. Жакову мифологизма, мы видим, что герой романа является как исторической личностью, так и проявляет глубинные архетипические и литературно-мифологические измерения. Мифологизм К. Ф. Жакова содержит веру писателя в то, что художник, творец обречен на поиск истины, обречен быть сыном своего народа и через художественное слово выразить сущность бытия, через боренье, отчаянье восходить к высотам духа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976.
2. *Жаков К. Ф.* Сквозь строй жизни. Роман. Сыктывкар. 1996.
3. *Лосев А. Ф.* Диалектика мира. М., 1930.
4. *Юнг К. Г.* Феномен духа в искусстве и науке. Собр. соч.: в 19 т. Т. 15.М., 1992.
5. *Долгополов Л.* Андрей Белый и его роман «Петербург», М., 1988.
6. *Янович Д.* Каллистрат Фалалеевич Жаков // Коми му.— 1926.— № 1—2.
7. *Шошин Ф.* Воспоминания о профессоре К. Ф. Жакове его товарища по Тотемской учительской семинарии // ЦГА Республики Коми. Ф. 945, оп. 1, ед. хр. 13.
8. Самоубийство одного из студентов по воспоминаниям Ф. П. Чукичева // ЦГА Республики Коми. Ф. 945, по. 1, ед. хр. 13.
9. *Лотман Ю.* Культура и взрыв. М., 1992.
10. *Юнг К. Г.* Алхимия снов. СПб., 1997.
11. *Микушев А. К.* Примечания // К. Ф. Жаков. Сквозь строй жизни. Роман. Сыктывкар. 1991.

Galina Lisovskaya

K. F. ZHAKOV AND HIS NOVEL «THROUGH THE ROW OF LIFE» IN THE MYTHOLOGICAL ASPECT

Considering the novel "Through the row of life" from the viewpoint of mythology peculiar to K. F. Zhakov we can see that the main character is a historical person as well as a person with deep archetypical and literary-mythological features. K. F. Zhakov's mythology reveals the author's belief in the fact that the creator is doomed to be his people's son. He tries to reveal the essence of reality and through struggle and despair comes to the high spiritual level.

«Финно-угроведение», 2001, № 2.

Силантий Сабитов
Йошкар-Ола

РУССКИЕ СКАЗОЧНЫЕ И БЫЛИННЫЕ СЮЖЕТЫ В УСТНОМ ТВОРЧЕСТВЕ МАРИЙЦЕВ

Русские сказки в фольклоре каждого народа приобретают свои специфические особенности, ярко отражая историческую, бытовую окраску. Национальное своеобразие, как правильно заметил чувашский фольклорист М. Я. Сироткин, «проявляется в образной ткани языка сказок, в особенностях изображения народного и бытового окружения, в обрисовке облика и характера, нравов и поведения, действий и поступков сказочных героев и персонажей» (1, с. 125).

Сложные и длинные сказки, вошедшие из русских сборников и лубочных изданий, в сказочном репертуаре марийцев зафиксированы без больших изменений текстов. В народе они не получили широкого распространения и бытования. Из былинных сюжетов развитие и трансформацию получил сюжет «Илья Муромец», который в марийском варианте звучит как «Илья Мурым» (2, № 31). Эта сказка на русский былинный сюжет «Илья и Соловей-разбойник», по имеющимся у нас данным, впервые зафиксирована во время первой мировой войны венгерским ученым Эденом Беке от военнопленного марийца Данила Лебедева. Судя по записям и признанию самого Э. Беке, Лебедев был очень талантливым сказочником. Наряду с другими фольклорными и этнографическими материалами Беке удалось от него записать 78 текстов народных сказок, легенд и преданий. Среди этих удивительно удачных записей встречаются и международные сюжеты. Анализ сказочного репертуара Лебедева показывает, что ему, по-видимому, были известны некоторые дореволюционные сборники сказок русского и других народов. Усвоение русских сказок шло, может быть, непосредственно из уст солдат. От Лебедева Беке записал такие сказки, как «Бова Королевич», «Еруслан Лазаревич», «Илья Мурым», «Ольош Попович».

В заимствованных сказках наблюдается стремление марийских

сказочников приблизить обстановку, действие, героев русской сказки к марийской среде. Так, **марийский вариант «Илья Мурым, силач»** (СУС — 650 С*) состоит из контаминации следующих сюжетов: «Исцеление Ильи», «Илья Муромец и Соловей-разбойник». В сказке исцеление Ильи происходит не с помощью стариков, как в русских сказках, а с помощью героя из марийской мифологии — ангела Шукчо. Илья Мурым в этой сказке является сыном марийских крестьян.

В устах марийского сказочника наблюдается попытка приблизить сказку об Илье Муромце к национальной традиции. Подобная закономерность наблюдается и в литовском фольклоре. Несвойственный литовским фольклорным традициям Соловей-разбойник может быть заменен двенадцатиглавым соколом или же просто разбойником (3, с. 71). В эстонских сказках об исцелении Ильи герой наречен типичным для эстонцев именем Яан (4, с. 208).

В марийском варианте большое внимание уделяется мотиву чудесного исцеления с помощью ангела Шукчо. Выпив воды из пура ленгыжа — кадки с пивом,— Илья Мурым почувствовал в себе огромную силу. На вопрос Шукчо «Как чувствуешь?» герой отвечает: «Если бы было на земле кольцо и на небе кольцо, то соединил бы землю с небом» (2, с. 223). Далее следует убавление чрезмерно большой силы героя. Эпизод победы героя над Шӱшпык-разбойником (Соловей-разбойник) в марийском варианте преподносится в стиле русской сказки.

В другом варианте марийской сказки в начале повествования богатырь Илья Муромец представлен как Лочо Илья (Илья-безногий). Илья получает силу дважды: от старика и Святогора. В заключительной части Илья по совету Святогора получает его коня и становится Ильей-пророком. Здесь явное переосмысливание марийским сказочником финала русской сказки с точки зрения христианской мифологии. Этот вариант сказки представляет собой вариант русских сказок на былинные сюжеты об Илье Муромце. Как пишет К. А. Четкарев, данная сказка с явным былинным характером среди марийцев не распространена (5, с. 240).

В первом варианте сказки, записанном Э. Беке, мы видим полное сюжетное заимствование русской сказки об Илье Муромце на былинной основе: исцеление Ильи, получение коня, победа над Соловьем-разбойником и т.д. Наблюдаются лишь незначительные отклонения от русского варианта в именах героев (Илья Мурым, Шӱшпык-разбойник, Шукчо), обрисовке бытовых деталей и некоторых других моментов. Есть сюжеты, в которых в марийскую сказочную среду проникает из русской сказки об Илье Муромце только ее герой Илья Муромец, который в марийском тексте будет играть второстепенную функцию. В сказке «Бабин сын» (5, № 24) Илья Муромец представлен как кузнец с 11 братьями и носит

имя несколько иначе: Илья Муромлин. Он выполняет положительную роль: помогает герою в победе над нечистым духом.

Сюжет «Бова Королевич» (СУС 707 В*) в марийском сказочном творчестве представлен двумя вариантами. Первый вариант, названный «Принц Бова» (2, № 33), записан Беке в 1916 г. от Д. Лебедева и представляет собой довольно-таки длинное повествование о различных приключениях героев. В данном тексте мы почти не наблюдаем попытки сказочника приспособить заимствованную сказку к местной фольклорной традиции. Марийский текст сохраняет имена героев, персонажей русской сказки в неизменном виде: Бова Королевич, царь Додон, Полкан и т. д. Следует полагать, что сюжет, по-видимому, был усвоен марийским сказочником незадолго до записи Э. Беке.

Интересен второй вариант этой сказки в записи К. А. Четкарева от Г. Богданова. Запись осуществлена в 30-е годы XX века. По признанию самого сказочника, «Бова Королевич» и «Еруслан Лазаревич» он заучил из книги, привезенной им же с военной службы в 1920 году (6, с. 177). Здесь налицо заимствование сказок у русского народа посредством книжных источников. Однако К. А. Четкарев не выяснил, о какой книге здесь идет речь. Ответ на этот вопрос мы находим в статье фольклориста В. М. Гацака «Молдавско-русско-украинские интерпретации в сказке» (7). Исследуя вопрос об источнике одного текста сказки на сюжет «Бова Королевич», В. М. Гацак обратил внимание на одно имя в молдавском тексте — Короветник. Далее он, ссылаясь на работу В. Д. Кузьминой, пишет: «Так называет себя Бовак, когда попадает в чужие края. Данное имя ведет нас к 14-й из выявленных и классифицированных В. Д. Кузьминой лубочных переделок «Бовы», выходивших с 1760 по 1918 г. (ни в одном другом источнике имени «Короветник» нет). В. Д. Кузьмина характеризует эту версию «Бовы» как «контаминацию текста сказки М. Ф. Исаева (опубликован в 1859 г.) с обоими основными вариантами Полной лубочной сказки». По данным В. Д. Кузьминой, 14-я обработка впервые была напечатана в 1861 г. в типографии Смирновой в Москве, а в последующие годы вышло еще 25 идентичных ее изданий, последняя из которых опубликована в 1916 г. (7, с. 56). По совпадению одной уникальной детали (имя Короветник) В. М. Гацак приходит к интересному выводу, что анализируемая им молдавская сказка восходит к одному из лубочных изданий редакции 1861 г. И к этому же источнику, судя по аналогичному совпадению, он предположительно отнес и марийскую сказку о Бове сказочника Богданова (7, с. 56). Действительно, в сказке «Бова Королевич», записанной от Богданова, герой, попав в чужую страну, называет себя Кроватник.

В марийском фольклоре имеются также сказка «Ольош Попович» (СУС – 650 Д*), записанная в единственном варианте Эденем Беке от Д. Лебедева (2, № 34), два варианта сказки «Еруслан Лазаревич»

(СУС – 650 В*) в исполнении сказочников Д. Лебедева (2, № 32) и Р. Потапова (6, с. 137).

Сказка «Ольош Попович» является по композиции сложной и длинной. Действие сказки проходит то в деревне, то в солдатской службе, переносится в Персию, куда герой отправляется на поиски исчезнувшей жены. Герой сказки сражается с врагами, укравшими его сестру. В тексте наблюдается перенесение русского образа Алеши Поповича в марийскую сказку. На празднике герой танцует под аккомпанемент национальных музыкальных инструментов марийцев *шӱвыр* 'волынка' и *тӱмыр* 'барабан'.

Сказка «Еруслан Лазаревич» записана от моркинского сказочника Потапова. Она тоже заимствована из русских книжных источников. По словам сказочника, он приобрел три книжки сказок в г. Казани – «Еруслан Лазаревич», «Бова Королевич», «Сказка про Кольку-кабатчика, Прошку-меньшевика да Трошку-большевика» (6, с. 33). Первая из этих сказок («Еруслан Лазаревич») получила среди марийцев более широкое распространение, нежели две другие. Две последние сказки в исполнении Потапова не были зафиксированы в письменном виде в виду постоянной в то время занятости сказочника. По сообщению сказителя, «Сказка про Кольку-кабатчика, Прошку-меньшевика да Трошку-большевика» ему известна, но не получила полную творческую разработку, т. к. она написана нескладно, потому очень трудна для заучивания (6, с. 33). Сказка «Еруслан Лазаревич» является длинной, со сложными переплетениями мотивов, со множеством имен персонажей. Главный герой отличается благородством, совершает более шести последовательных подвигов, отбивает натиски врагов и освобождает свою родину от неукротимого Данила Белого (6, с. 34).

Чудесные дети (СУС 707). В марийском фольклоре сюжет о чудесных детях представлен, по сравнению с рассмотренными выше сюжетами, менее богато. В сказке «Кугыжан эрге» – «Царевич» (8, тетр. 5, № 14) говорится о том, как завистливые девушки пытались погубить новорожденного – будущего царевича. Эта сказка в обработке А. С. Пушкина известна под названием «Сказка о царе Салтане». У разных народов она бытует под своим национальным названием, а сюжет строится по уже известному трафарету. Мать и сын, жертвы колдуньи, посажены в бочку и выброшены в море. Но, по счастливому истечению обстоятельств, бочке суждено было прибиться к острову. В сказке повествуется о том, как на этом необитаемом острове появляются разные диковинки: чудесный каменный дворец, сад и т. д. Мимо острова проплывают корабли, и люди удивляются оттого, что недавно на этом острове ничего не было. Колдунья и ее старшие дочери в сказке наделены отрицательными чертами: хитростью, коварством. Сказка бичует обман и защищает справедливость. Чудеса способствуют борьбе сына за своего отца. В сказке отражена идея о победе справедливости и правды над злом.

Группа сказок, заимствованная из русского фольклора, в марийской среде бытует по эстетическим законам и национальным художественным традициям как в изображении пространства, времени, так и в создании художественного образа и использовании поэтических средств. Происходит переработка иноязычных сказочных типов на основе законов типизации национальных сказочных героев и создания для них соответствующих типических обстоятельств. Одной из особенностей заимствованных сюжетов является то, что их интернациональные черты соединяются с национальными и представляют собой диалектическое единство.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Сироткин М. Я.* Чувашская народная сказка // Вопросы чувашского языкознания и литературоведения: Ученые записки. Вып. XXVI. Чебоксары, 1963.

2. Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzählungen gesammelt und herausgegeben von Ödön Beke. MSFOu 76. Helsinki, 1938.

3. *Кербелите Б.* К вопросу о взаимодействии литовских и восточнославянских волшебных сказок // Отражение межэтнических процессов в устной прозе. М., 1979.

4. *Евсеев В. Я.* Регионально-генетические связи прибалтийско-финской и русской народной поэзии // Проблемы фольклора. М., 1975.

5. Марийские народные сказки / Записи, перевод и комментарии К. А. Четкарева. Йошкар-Ола, 1956.

6. Марийские народные сказки: Моркинский район: т. II / Запись, перевод и вступительная статья К. А. Четкарева. Йошкар-Ола, 1955.

7. *Гацак В. М.* Молдавско-русско-украинские интерференции в сказке // Отражение межэтнических процессов в устной прозе. М., 1979.

8. Материалы фольклорной практики Марийского государственного университета.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Составители: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский. К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

Silanty Sabitov

RUSSIAN TALE AND EPIC SUBJECTS IN MARI FOLK-LORE

Russian tales in folk-lore of each nation gain peculiar features. Complex and long tales, coming from Russian collection and bast works are presented in the Mari tale repertory with less changing of the contents. They were not popular among the Mari people. From all of the epic subjects «Ilia Muromets» was developed and transformed more, «Boba Korolevich», «Eruslan Lasarevich», «Oliot Popovich» are less known.

«Boba Korolevich» in the Mari tale creative work is represented in two variants, in both cases we could hardly observe the tries of the tale-tellers (D. Lebedev, G. Bogdanova) to make them closer to the local folk-lore traditions.

The group of tales borrowed from the Russian folk-lore exists in the Mari folk-lore according to laws and national art traditions. Foreign tale prototypes are remade on the basis of laws of typification of the national tale characters.

«Финно-угроведение», 2001, № 2.

Марианна Семенова
Йошкар-Ола

АЛЛИТЕРАЦИЯ ПО МЕСТОПОЛОЖЕНИЮ В КАРЕЛО-ФИНСКИХ РУНАХ И МАРИЙСКИХ ЯЗЫЧЕСКИХ МОЛИТВАХ

Целью данной работы является определение основных типов аллитерации по ее местоположению в строках карело-финских калевальских рун и марийских языческих молитв. Реализация этой цели предполагает постановку и решение ряда задач:

1. Ознакомление с существующими основными принципами, используемыми при выявлении аллитерации в разных лингвистических школах.

2. Определение термина «аллитерация» при исследовании начальных звуковых повторов в калевальских рунах и марийских языческих молитвах.

Данная статья основана на результатах структурного анализа 150 текстов из различных источников. При ее написании был использован теоретический и фактический материал из фондов Марийского научно-исследовательского института, Карельского филиала РАН, кафедры финно-угорских языков университета г. Хельсинки.

Объектом исследования являются тексты карело-финских калевальских рун и марийских языческих молитв. Для иллюстрации теоретических положений в статье предлагаются как собственные переводы из источников, написанных на марийском, финском и карельском языках, так и существующие готовые переводы «Калевалы».

Под калевальскими рунами понимаются стихи, написанные в размере четырехстопного хорея. Именно на этот стихотворный размер опирался Э. Леннрот, создавая карело-финский эпос «Калевала». Этот же размер лежит в основе многих народных плачей, пословиц, поговорок и других стихотворных жанров карело-финского фольклора.

Марийские языческие молитвы также уникальны в своем исполнении. Их воспроизводство, на наш взгляд, является своеобразным видом музы-

кального речитатива, допускавшим некогда сопровождение игрой на гуслях.

Таким образом, марийские языческие молитвы и финские руны имеют много общего. Будучи живыми историческими памятниками развития языка, передававшимися из поколения в поколение и имеющими свой характерный стиль, они составляют особые жанры фольклора двух наций.

Одной из ведущих стилистических черт звуковой организации карело-финских калевальских рун и марийских языческих молитв является *аллитерация*.

У лингвистов разных стран, в зависимости от принадлежности исследуемого языка к той или иной языковой семье, сложилось свое понимание термина «аллитерация».

Ученые, занимающиеся исследованиями аллитерации индоевропейских языков, понимали под ней, как правило, только «созвучие согласных» (1, с. 111; 2, p. 152; 3, p. 6), другие при этом допускали и «созвучие гласных» (4, с. 319; 5, p. 11; 6, с. 213). Например, немецкие лингвисты не выделяют отдельно созвучия согласных и гласных звуков в словах. Английские языковеды также не наделяют их отдельными терминами, т. к. под аллитерацией они понимают «созвучие согласных звуков в близкорасположенных словах» (2, p. 152; 3, p. 16).

В российской лингвистике традиционно считают аллитерацию синонимом *консонанса* (7, с. 16; 1, с. 111). Этого же мнения придерживаются эстонские языковеды, но в эстонском языкознании существует термин *algriim*, составляющими которого являются *консонанс* (= аллитерация) и *ассонанс*, т. е. созвучия согласных и гласных (8, p. 4; 9, p. 531).

Не менее противоречивыми являются определения аллитерации в зависимости от местоположения в слове слогов, звуки которых составляют так называемые «аллитерационные звуковые повторы».

Р. Бёрчфилд в своей статье, посвященной изучению «звуковых повторов» в английской поэзии, писал, что аллитерация — это «созвучие или сочетание звуков, стоящих в начале слов или слогов» (5, p. 11).

Д. Массон под аллитерацией понимает «созвучие идентичных гласных абсолютного начала слов» (10, p. 190).

По мнению современных отечественных ученых, занимающихся исследованиями функциональных стилей английского языка, аллитерацией является «повтор согласных или гласных звуков ударных слогов в близкорасположенных словах» (11, с. 213; 6, с. 43).

Противоречивые определения аллитерации в лингвистических школах разных стран объясняются, на наш взгляд, отличием фонетического строя и фонетических особенностей исследуемых языков. В прибалтийско-финском языкознании при исследовании аллитерации особое внимание уделяется местоположению в слове звуков, образующих аллитераци-

онное созвучие. Таким образом, аллитерация, по мнению прибалтийско-финских исследователей, прикреплена к определенному месту стиха, чаще всего к первому, ударному, фонетически сильному слогу. Она наиболее характерна для устного народного творчества тех народов, в языке которых ударение падает на первый слог (12, с. 43; 13, p. 19). Например, аллитерация широко распространена в финских, эстонских, бурятских, древнегерманских фольклорных текстах, в которых созвучны два и более слова по первому ударному слогу.

Аллитерация в текстах марийских фольклорных песен, загадок, заговоров, сказок и языческих молитв рассматривалась учеными по-разному. До настоящего времени не установлено единых норм ее определения. Одни исследователи марийского языка и языка его фольклора, под влиянием традиций русского и общего индоевропейского языкознания, понимают под аллитерацией созвучие согласных звуков (14, с. 50; 15, с. 44; 16, с. 49). Другие же под исследуемым стилистическим приемом подразумевают созвучие гласных и согласных одного или нескольких слов по первому слогу (12, с. 43; 17, p. 99). З. В. Учаев, как и некоторые отечественные русисты, созвучие согласных в марийском языке называет консонансом (18, с. 13—14). Следует отметить, что созвучие в словах согласных является определением аллитерации в узком ее смысле (19, с.10; 12, с. 45).

Таким образом, при определении аллитерации допустимо три возможных критерия: 1) местоположение в слове находящихся в созвучии звуков; 2) качество звука (гласный или согласный); 3) ударность слога. Поскольку местоположение в слове находящихся в созвучии звуков, во многих лингвистических школах определяется ударностью слогов, к которым эти звуки относятся, мы предлагаем обратить особое внимание на роль ударения в марийском языке.

Действительно, перемещение ударения в марийском языке лишено смыслоразличительной функции. Оно, как и в тюркских языках (7, с. 48—50), является недостаточно выраженным, слабоцентрализующим.

Разноместность ударения в марийском языке и его стремление к концу слова многими лингвистами объясняется влиянием тюркских и русского языков. В современных финно-угорских языках встречаются самые разнообразные типы ударения: нефиксированное ударение (эрзя-мордовский и коми-зырянский языки), фиксированное ударение на первом слоге (прибалтийско-финские языки, венгерский, мансийский, саамский), фиксированное на предпоследнем слоге (горномарийский), фиксированное на последнем слоге (восточномарийский и удмуртский). Могут также существовать разные типы разноместного ударения с элементами «передвижности» (мокша-мордовский, лугово-марийский, коми-пермяцкий, коми-язьвинский и хантыйский) (20, с. 212). Несмотря на большую территориальную и языковую отдаленность друг от друга финно-угорских языков, во многих

из них ударным является первый слог слова. Это объясняется тем, что ударение в языке-основе было фиксировано именно на первом слоге. Финский лингвист Э. Итконен предполагает, что все отклонения при постановке ударения не на первый слог, наблюдаемые в ряде финно-угорских языков, появились позже в процессе их обособленного развития (21, с. 21—34). Следует упомянуть, что и в тюркском праязыке, по мнению Б. А. Серебренникова и Н. З. Гаджиевой, ударение было силовым и падало на первый слог (22, с. 76).

Итак, слабая централизованность и недостаточная выраженность ударения в марийском языке, а также и то, что оно не несет в себе смысл различительной функции, позволяют определить принципы определения данного стилистического приема. **При исследовании аллитерации марийских языческих молитв необходимо рассматривать созвучие гласных или согласных, либо тех и других одновременно, выступающих в стихе (а также в прозе), по меньшей мере, в начале двух самостоятельных слов или же частей композит.** Таким образом, руководство единым значением термина «аллитерация» при типологическом исследовании родственных финно-угорских и самодийских языков позволит выявить наиболее архаичные законы и формы звуковой организации древних произведений устного творчества народов, говорящих на вышеуказанных языках.

Аллитерация — это один из главных признаков выразительности, яркой звуковой организации и благозвучия текстов устного народного творчества. Она является «звуковой фигурой», которая, в силу своей функции, становится определяющим фактором стиля (23, с. 45).

Структурный подход при изучении аллитерации калевальских рун позволяет выделить два основных ее вида: 1) по интенсивности (сильная и слабая), когда рассматривается соотношение гласных и согласных созвучий; 2) по местоположению, когда рассматривается соотношение двух и более аллитерирующих слов, в зависимости от их расположения в строке.

В данной статье рассматриваются наиболее типичные случаи аллитерации по ее местоположению, характерные как для марийских языческих молитв, так и для финских рун.

В процессе исследования нами были выявлены следующие типы:

1. Аллитерационные созвучия первого и третьего слова строки (1+3), например:

Перке чесым **п**оген	наделив достатком в угощениях
(24, с. 37);	
сай **и**лышым сӧрвалже	пусть даст нам хорошую жизнь
(25, с. 7);	
ий гыч **ий**ышкат,	из года в год,
тылзе гыч **тылзы**шкат,	из месяца в месяц,

арня гыч арняшкат... с недели на неделю...
(26, с. 17);
Mingan tahan mies siottu... Почему мужчина связан...
(27, с. 407) (27, с. 382);
Pure luuta poyan alta... Обгладывай кости со стола...
(28, с. 227).

2. Аллитерационные созвучия первого и второго слова строки (1+2), например:

вӱтасе вольыкемым ороло оберегай скотину, стоящую в хлеву
(29);
шогам шӱдырыктен лектын... вышел с сохой...
(30, с. 1);
kə́lgθ korém γθcθn... ... из глубокого оврага... .
(31, S. 15)
Turun tytto, saaren neito... Дева с острова из Турку...
(27, с. 413) (27, с. 387);
...**Ka**zin **ka**mmenin mereh ...С лошади упал прям в море.
plakahti. (27, с. 244) (27, с. 223).

3. Аллитерационные созвучия второго и третьего (2 + 3), например:

комдешыжат перкем пу, надели обилием и заслонку,
киндешыжат перкем пу... надели обилием и хлеба...
(32, с. 97);
šükš(ö) orvazə̑m olmə̑kten починив старую телегу
(33, S. 37);
Ennekun puren puna hametta... В красной юбочке красотку...
(27, с. 406); (27, с. 380);
Nouse veesta veen emäntä... Поднимись с воды ее хозяйка...
(28, с. 227).

4. Аллитерационное созвучие двух разных пар слов одной строки:

а) первого — со вторым, третьего — с четвертым (1+2, 3+4), например:

шиже шуын, кок корным наступила осень, две дороги
(30, с. 1);
Ɓará Ɓol'θ klán tazálθ kθm, Великий Добрый Бог!
tθ nθslθkm,
pórо kuγú ʒúmo, pu! Дай затем здоровья и мира скоту
(31, S. 15);
корныштo – корно перкем пу, в дороге дай дорожный достаток,
суртыштo – сург перкем пу дай достаток в хозяйстве.
(32; с. 25);

Siita saat **r**aasa **r**auha	И будет с этого свобода
(28, с. 702);	
«**M**illä **m**aksan **n**aisen **n**arkon,	«Отплачу я за насмешку
Naisen **n**arkon, **p**iian **p**ilkan...»	И за женский смех хозяйке...»
(27; с.306);	(27, с. 283);

б) первого — с третьим, второго — с четвертым (1+3, 2+4), например:

поро **ш**улыкым **п**уэн **ш**ого	дай нам доброго здоровья
(32, с. 25);	
lapka **š**üštəžəm **l**uktən **s**akenat	вывесил свой плоский ремень
(33, S. 58);	
Mene **l**aagat **m**edje **l**angat	
(28, с. 692).	
Puutu **k**ylli **p**eata **k**ynä...	Вдоволь ей попало локтем...
(27, с. 339)	(27, с. 316).

Таким образом, термин «аллитерация» при типологическом исследовании звуковой стилистики родственных финно-угорских и самодийских языков следует понимать как **созвучие согласных и гласных, а также их сочетаний, находящихся в абсолютном начале двух и более близкорасположенных слов.**

Аллитерационное созвучие двух разных пар слов возможно лишь в строках, содержащих от четырех и более слов. В таких стихах не все аллитерационные пары одинаковы по своей интенсивности. Одна из них, как правило, находится в сильном созвучии, другая — в слабом.

Заметим, что аллитерация в строках марийских языческих молитв и карело-финских калевальских рун тяготеет к началу строки, а находящиеся в начальном созвучии слова, как правило, не сильно удалены друг от друга.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Томашевский Б. В.* Русское стихосложение. Метрика // Вопросы поэтики II. Пг.: Academica, 1923.

2. *Chatman S.* Comparing Metrical Style. Style in Language. Edited by Thomas A. Sebeok. Cambridge, 1960.

3. *Goldsmith U. K.* Alliteration // Encyclopedia of Poetry and Poetics. Ed. Alex Preminger. Princetown: 1965.

4. *Шульговский Н. Н.* Теория и практика поэтического творчества. Технические начала стихосложения. СПб.– М.: Изд. Вольфа, 1914.

5. *Burchfield R. M.* Alliterative Verse. Cassel's Encyclopedia of Literature. Vol. 1. Edited by Steinberg. London, 1953.

6. *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования) М., 1990.

7. *Жирмунский В. М.* Теория стиха. Л., 1975.
8. *Kallas O.* Die Wiederholungslieder der esthnischen Volkspoesie I. Helsingfors, 1901.
9. *Laugaste E.* Eesti alliteratsioonist ja assonantsist // Keel ja kirjandus. Tallinn, 1962.
10. *Masson D. I.* Vowel and Consonant Patterns in Poetry // The Journal of Aesthetics and Art Criticism XII. 1953.
11. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М. 1981.
12. *Куторов Н. И.* Марийское стихосложение. Йошкар-Ола, 1976.
13. *Starshova T. I.* Kalevala-eepoksen kieli-ja tyylierikoisuuksista. Petroskoi, 1997.
14. *Иванов И. Г.* О языке одного из жанров марийского фольклора // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1975.
15. *Мустаев Е. Н.* Марий йылме: 10—11 класс. Тунемме книга. Йошкар-Ола, 1995.
16. *Глухова Н. Н.* Информативность и поэтика марийских языческих молитв. Йошкар-Ола, 1998.
17. Saarinen — Marilaisen Arvoituksen Kielioppi. Suomalais- ugrilainen Seura. Helsinki, 1991.
18. *Учаев З. В.* Сылнымутыш корно. Йошкар-Ола, 1992.
19. *Лаугастэ Э. Г.* Начальная и внутренняя аллитерация в эстонских народных песнях: Автореф.... дисс. док. фил. наук. Тарту, 1970.
20. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редеи и др. М., 1974.
21. *Itkonen T.* Proto Finnic Final Consonants. Their History in the Finnic Language with Particular Reference to the Finnic Dialects. I: 1. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia 138:1. Helsinki, 1966.
22. *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно- историческая грамматика тюркских языков. М., 1986.
23. *Лаугастэ Э. Г.* Эстонская аллитерационная народная песня. Таллинн, 1984.
24. *Китиков А. Е.* Ӱдыр сий. Йошкар-Ола, 1993.
25. *Кугу сорта:* Кугу сорта вера марийын кумалтыш мутшо. Йошкар-Ола: «У вий», 1992.
26. *Юзо ой.* Улдымо, савырыме, кумылаңдыме да кумалме шомак. Йошкар-Ола, 1991.
27. Карело-финский народный эпос. Т. 1. М., 1994.
28. Suomen kansan vanhat runot I. Helsinki, 1919.
29. *Марий Чан:* «Марий ушем» демократический мер толкынын органже. Йошкар-Ола, 1991, № 1.
30. НРФ МарНИИ. №. 814.
31. Volmari Porkka's Tscheremissische Texte mit Übersetzung. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Literaturgesellschaft, 1895.
32. Марий кумалтыш мут / Сост. Попов Н. С. Йошкар-Ола, 1991.
33. Tscheremissische Texte gesamelt von H. Paasonen. SUST LXXVIII. Helsinki, 1939.

Marianna Semionova

THE PLACE OF ALLITERATION IN KARELIAN-FINNISH RUNES AND MARİ ETHNIC PRAYERS

The article deals with the stylistic device on the phonological level – alliteration.

In the article the most exemplary cases of alliteration by its place typical both of the Mari ethnic prayers and Karelian-Finnish runes are found out and described.

Before the analysis of the texts of the chosen genres the author gives a review of numerous approaches to the notion of «alliteration» in different linguistic schools. In the article it is convincingly shown that different interpretations of the notion of alliteration depend on the languages investigated, especially on the position of the word stress in them.

In the author's opinion, investigating alliteration in Mari ethnic prayers, it is necessary to scrutinize combinations of vowels and consonants, taken separately or viewed together at the beginning – at least - of two independent words or parts of the compounds.

Using the structural approach the author of the article singles out several types of alliteration in Karelian-Finnish runes and Mari ethnic prayers, proving her ideas with conclusive examples from different sources. Such approach allows to differentiate two main types of alliteration. The first is identified by intensity (strong or weak), when the correlation of vowel and consonant accord is taken into consideration. The second is set apart by its place, when two or more alliterated words are analysed and their position in the line plays a crucial role.

«Финно-угроведение», 2001, № 2.

Иван Плосков
Сыктывкар

ЕЩЕ РАЗ О КОМИ ТОПОНИМЕ ЛЕТКА (ЛЭТКА)

Существует мнение, что название села Летка было связано с соответствующим названием реки. А. И. Туркин определял топоним Летка как название, образованное от коми слова с помощью русского суффикса *-к(а)* (1, с. 48).

Регион распространения рассматриваемых топонимов (Летка, Леткa, Лэтка, Лытка) достаточно широк (2, л. 61—62; 3, с. 99—102). Соотносимым является и более южный, мордовский топоним Летки; предполагается, что исходным для слова *летки* является *летьке лотка* 'сырой овраг' (4, с. 80). Исследователи сопоставляют следующие лексемы: *летьке* (мокш.) — «сырость, сырой; влага; влажность, влажно», соответствующее эстонское *lõtk* и пр. (5, с. 94—95).

Имеется вятский (русский) вариант упоминаемого коми топонима – Летька; в различных источниках упоминается соответствующее название летских коми —«пермяки Летьские», «пермяки Летьковские», а также название населенного пункта - «селение Летьковское»; в архивных рукописях отмечается церковный «приход Летьковский» и т. д. (6, л. 6—7; 3, с. 99—102).

Соответствующий компонент *-леть* в географических названиях обнаруживают исследователи топонимии. М. Г. Атаманов обращал внимание на компоненты *-лет; -леть;* «ручьи Англеть..., Арлеть в бассейне р. Кильмезь, Варклет (~ Варклеть) в бассейне р. Иж... Гидронимы на *лет ~ леть* имеются также в бассейне Волги и Вятки: Илеть, Летька, Летка (коми название Лет)» (7, с. 114—116). На соответствующие топонимы исследователь обращал внимание и в других работах (8, с. 49, 164). По мнению А. Г. Мусанова, в названии Летька *леть-* имеет значение 'слаботекущий, вялый' (9, с. 230).

Очевидно, в северных вятских говорах были не только названия – приход Летьковский, селение Летьковское, Летька, но также имели место

варианты – Летьки (Летки). Нами в экспедиции записан следующий вопрос у русских Летского региона, пограничного с Вятским – «как живете в Летках?» (ср. также с мордовским топонимом Летки). Впрочем, некоторое соответствие наблюдается в следующем примере – «живут в Печорах» (в этом случае говорилось о жителе г. Печора Республики Коми); ранее на севере был Печерский (Печорский) уезд Архангельской губернии, и пр.; ср. также русский (псковский) топоним Печоры.

Упоминался вятский (русский) топоним Летька. В Летском регионе также зафиксировано коми название *Летьюкӧдж* «излучина реки Летка» (10, с. 144)..

В среде старожильческого (пожилого) местного населения в Летском регионе есть и иные, более редкие ныне варианты названий реки и селения, расположенного на этой реке — Летка ю / Лэт ю; Летка / Лэт, Лэтка (из записей автора в Летке Прилузского района Республики Коми). В данном контексте представляют интерес и названя «коми-пермяцкого» населенного пункта Афанасьевского района Кировской области – Лытка, а также реки Лытка (11, с. 154; 12, с. 203). Известен также приуральский гидроним Лытва (13, с. 73). Топонимы Лэтка и Лытка, на наш взгляд, являются соотносимыми, являются северно-финно-угорскими, коми (3, с. 99—102).

Выявляется и следующий, достаточно редкий, вариант названия *Летка.* Вятский исследователь В. В. Низов обращает внимание на соответствующий топоним *Ледка;* исследователь, в частности, указывает при этом на соотносимое северно-русское *Леденга* (приток Сухоны) и пр. (14, с. 172—173).

Очевидно, коми название реки (Лет, Лэт) повлияло на трансформацию некоторых названий (Ляцкой погост; Лятцкой погост – Летцкий погост; Лецкий погост) (6, с. 6—8; 15, с. 126—127). Соотносим русский, «новгородско-псковский» топоним «Ляцкой погост», наряду с другими топонимами этого западного региона (3, с. 99—102). Возможно, в указанном случае на возникновение (на западных русских, пограничных землях) и оформление названия повлияло, в частности, известное некогда слово «лях» (?) (24, с. 500).

История заселения Летского региона, как полагают, относится к XVII веку. Была известна Лутцкая или Луцкая Пермца, Лузская Пермца, куда входили также селения по реке Летке. В соответствующих источниках начала XVII века отмечается: «В волости в Лутцкой ж Пермце на речке Летке на Вятцком волоку на черном лесу после прежних писцов поселилися внове, пашут из оброку тое же волости крестьяне»; упоминается «дер. Летка на речке Летке»; в документах 1625 г., в частности, указывается — «В Лятцком же погосте церковь древена клецки теплои трапезою во имя Преображения Господа Спаса нашего Иисуса Христа» (16, с. 98—100). Новая слободка, основанная тоже в XVII веке, была, по

мнению исследователей, южнее по реке, недалеко от соседнего села Слудки: «Слудка – село на правом берегу р. Летки... Основано в 1621 г. ...К 1678 г. невдалеке от него возникла новая Летская слободка, где построили деревянную церковь Николая Чудотворца...» (17, с. 208). В рукописях вятского архива сохранились его названия – Новолетская слободка; Летская слободка (эта территория относилась в свое время к Вятской губернии) (6, л. 6—8). В архивных рукописях также отражено и другое северно-русское название, интересное в данном контексте,– Верхолецкая (Верхолетская) слободка Важеского уезда, Введенской волости, Устьянской веси (18, л. 38—39). Интересны архангельские примеры – «Лецковская волость», «деревня Лецково» (19, с. 140, 150).

В упоминаемом выше названии Новолетская слободка (вятско-коми пограничья) как бы подчеркнута определенная вторичность, в то же время наименование связано с рекой, на которой появился данный населенный пункт.

При многообразии вариантов (коми и русских), в письменных источниках все чаще традиционно появлялись нынешние названия реки и коми села (Летка), упоминавшиеся еще в русских источниках XVII века. Русский исследователь Д. Зеленин, упоминая в «Отчете о диалектологической поездке в Вятскую губернию» о р. Летке, отмечал: «В народе произносят: Летька, с мягким т; в печати... Летка» (20, с. 1). В архивных рукописях XVIII, XIX и начала XX веков (Устьсысольского уезда) и в печати также чаще имеют место названия — «река Летка», «село Летка», «село Летское» (21, л. 65; 22, с. 7; 23, с. 7). В известной мере благодаря печати также и в вятско-коми пограничном регионе достаточно давно утвердились указанные (совпадающие) названия реки и селения (Летка).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Туркин А. И.* Основы коми топонимии. Учебн. пособие по спецкурсу. Пермь — Сыктывкар, 1985.

2. Описание волости Луцкая Пермца Сольвычегодского уезда (1645 г.) // Национальный архив Республики Коми, ф. 230, оп. 1, д. 195.

3. *Плосков И. А.* К определению региона и исследованию одной группы топонимов// Linguistika Uralica. Tallinn, 1994, № 2.

4. *Инжеватов И. К.* О некоторых мордовских топонимах // Вопросы финно- угроведения. Саранск, 1975. Вып. 2.

5. *Цыганкин Д. В., Мосин М. В.* Этимологиянь валкс. Саранск, 1998.

6. Пермяки Вятской губернии, преимущественно Орловского уезда // Гос. архив Кировской области, ф. 170, оп. 1, д. 130.

7. *Атаманов М. Г.* О некоторых топоформантах в гидронимии Удмуртии // Советское финно-угроведение. Таллинн, 1987. № 2.

8. *Атаманов М. Г.* История Удмуртии в географических названиях. Ижевск, 1997.

9. *Мусанов А. Г.* Топонимия Верхнего Прилузья // Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Сыктывкар — Йошкар-Ола, 1999 (рукопись).

10. *Мусанов А. Г.* Слудкаса пермякъяс // В. И. Лыткин и финно-угорский мир. Сыктывкар, 1999.

11. *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми (XIX – начало XX в.). Москва, 1958.

12. *Семибратов В. К.* Коми и Вятка // Родники пармы. Сыктывкар, 1993.

13. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Урал и Приуралье. Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. Санкт-Петербург, 1914. Т. 5.

14. *Низов В. В.* Биармия и вятская чудь // Шведы и Русский Север: Историко-культурные связи. Материалы международного научного симпозиума. Киров, 1997.

15. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Ч. 1.

16. *Жеребцов И. Л., Мацук М. А.* Начало заселения верхней Летки (фрагменты дозорной, писцовых и переписной книг Сольвычегодского уезда первой половины XVII века) // Крестьяне Европейского Севера России в дореволюционный период: экономика, демография, культура. Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской АН. Сыктывкар, 1995. Вып. 59.

17. *Жеребцов И. Л.* Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. Сыктывкар, 1994.

18. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Оп. 1, № 1216.

19. Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1917. № 3—4.

20. *Зеленин Д.* Очерк о диалектологической поездке в Вятскую губернию.СПб, 1903.

21. Национальный архив Республики Коми, ф. 230, оп. 1, д. 287.

22. *Заволжский В. Я.* Исследование экономического быта населения северной части Вятской губернии. Вятка, 1871.

23. *Жаков К. Ф.* К вопросу о составе населения в восточной части Вологодской губернии // Оттиск из «Отчета деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1907 г.». СПб, 1908.

24. Россия. Энциклопедический словарь. СПб, 1898.

Ivan Ploskov

ONCE AGAIN ABOUT THE KOMI TOPONYM «LETKA»

In the given article the variants of the Komi toponym «Letka» are considered, comparable examples in the other languages are given. The region of the corresponding toponyms is brought out.

Валентина Соловар
Ханты-Мансийск

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В ХАНТЫЙСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Простое предложение представлено в языке определенной совокупностью регулярно выявляющихся форм — системно обусловленных и взаимозависимых видоизменений структурной схемы, противопоставленных разными объективно-модальными и временными значениями.

Как отмечает Н. Ю. Шведова, совокупность всех регулярно существующих в системе языка видоизменений предложения, связанных с выражением категории объективной модальности и синтаксического времени...— есть парадигма предложения (1, с. 10).

Имеются два толкования парадигмы предложения как системы его форм — широкое и узкое. Мы опираемся на узкое понимание парадигмы, включающее в себя только определенный круг значимых внутрисхемных видоизменений предложения: как указывает О. И. Москальская, «формами предложения, составляющими в своей совокупности парадигму предложения, могут, естественно, считаться лишь такие модификации структуры предложения, которые не нарушают ее тождества» (2, с. 102).

К одной из системно обусловленных форм предложения относятся отрицательные (негативные) предложения; для хантыйского языка они специально не описывались, хотя определенные сведения об отрицательных частицах содержатся в учебнике хантыйского языка для педучилищ (3). В данной статье мы рассмотрим лишь некоторые вопросы образования отрицательных предложений, а именно формы отрицания с индикативом и императивом.

Структура отрицательного предложения базируется на структуре утвердительного предложения. Любое явление, характеристика могут быть утверждаемыми или отрицаемыми. Большинство предложений с отрицанием строятся по тем же моделям, что и утвердительные предложения.

В хантыйском языке существуют следующие средства отрицания: упо-

требляющиеся в препозиции отрицательные частицы *ант* (фонетический вариант *ан*) 'не'; *анта* 'еще не'; *ал* 'не, пусть не'; употребляющиеся в постпозиции к основной словоформе: частица *антэ* 'не' и отрицательное слово *антэм* 'нет, отсутствующий'; употребляющаяся в обеих позициях отрицательная частица *хәи* 'конечно, не; неужели же не'.

Отрицательные частицы *ант (ан)* употребляются с простым и сложным (со вспомогательным глаголом *питты* 'стать, быть') сказуемым — кроме повелительного наклонения. Фонетический вариант *ант* употребляется перед глаголами, начинающимися на гласный (4), например:

Анкем ант арийл — Мама-моя не поет; Пирась икен па ант энал— Старик больше не стонет.

Если за частицей следует слово, начинающееся с сонорного или фрикативного согласного (включая j — буквы е, ю, я), то конечный т частицы отпадает, например:

Шишамиет хулна тови анта вантыйлсат, вән патлам вәнт иси ан вәлэл— Медвежата весну еще не видели, большой темный лес тоже не знают; Хўллам хулна ан сорсат — Рыба-моя еще не высохла; Ма ләхсэна ән манлум, нан пилана вәлты питлум — Я замуж не пойду за твоего друга, с тобой буду жить; Эвен юхи ан йил — Дочь-твоя домой не идет; Яюм эвел олаңн ан нәмасл— Брат-мой о дочери-его не думает; Ампен юхи ан хунтал — Собака-твоя домой не убежит.

В остальных случаях употребляются и та, и другая частицы.

Пант ант кал — Пути не видно; Ма вой ан паватсум — Я лося не добыл; Лув юхлы ан керлас — Она обратно не повернула; Там павартэн ил ант питл — Это бревно не упадет.

В простом глагольном сказуемом отрицательная частица *ант (ан)* располагается в препозиции. Если отрицательная частица употребляется с глагольной формой, имеющей приставку, то она находится между глагольной приставкой и смысловым глаголом:

Овен пелки ан пунладэ — Дверь-твою он не раскрывает; Мика икен ил ан вуюмтум — Мика не заснул; Овем лап ан тәхарман — Дверь-моя не закрыта.

В составном глагольном сказуемом эта частица стоит после инфинитивной формы перед личной формой глагола, например:

Эвем юнтутлал шукатты ант питладэ — Дочь-моя игрушки-ее ломать не станет; Ма овем пелки пунты ан питлэм — Я дверь-мою раскрывать не буду.

В составном именном сказуемом частица находится между именной частью и связкой:

Ма утшаша ан йисум — Я не стал глупым; Ернасэм нувия ан йис — Платье белым не стало.

В роли связки может выступать и знаменательный глагол, если сочета-

ние его с именным компонентом имеет фразеологизованный характер, например: Ма эвен уша ан версэм. 'Я дочь-твою не узнал'; Вәнрэн хонса ан тал.—'Андрей папиросы не курит'.

Частица *ал* создает форму повелительного наклонения. Она употребляется со сказуемым в форме повелительного наклонения, примеры: Там хот пенты вәнта нан юхлы ал анкарма. 'До того, как скроется этот дом, ты назад не оглядывайся'; Ушен ки антәм, нан си вера ал вуянта.—'Если нет ума, ты за это дело не берись'; Нан, хидые, хотшаш педа ал мана.—'Ты, внучек, за дом не ходи'; Ампен ал хуртуптэ. 'Собаку-твою не заставляй лаять'; Мос, ал ватька. 'Хватит, не болтай'; Етн пун ал вера. 'Вечером нитки из жил не делай'; Нан вух ал вуя. 'Ты деньги не бери'.

Кроме того, эта частица используется и с формами настояще-будущего времени, примеры: Дәйнев тыв ал юхатл. 'Подруга-наша сюда пусть не приходит'. Лув нан педана ал вантал. 'Он на тебя пусть не смотрит'; Эвен нан юпенан ал йил. 'Дочь-твоя за тобой пусть не идет'; Хошумйинкен вера ал каварл. 'Уха-твоя очень пусть не кипит'.

С формами настоящего времени 3 лица могут использоваться частицы и *ал*, и *ант (ан)*, но при этом *ал* обозначает побуждение к недействию, запрет на совершение действия, а частица *ант* — отрицание действия, например: Ал наварл. 'Пусть не прыгает'; Ан наварл. 'Не прыгает'; Кәрэм па ант пәснийл. 'Печь уже не дымит'.

В большинстве вышеуказанных примеров частицы *ант (ан)* и *ал*, (с формами настояще-будущего времени) свободно заменяются на частицы *анта* 'еще не' и *хән* 'не, конечно не'. Частицы *анта* и *хән* по сравнению с вышеописанными несут дополнительный смысл: частица *анта* обозначает, что действие еще не совершилось, частица *хән* вносит в отрицательное предложение оттенок уверенности. В предложениях с частицей *хән* меняется интонационный рисунок: если в предыдущих случаях интонация та же, что и в обычных утвердительных предложениях, то здесь в начале предложения интонация ровная, к концу предложения понижается. Например: Ма хопем нанена анта мадэм.— Я лодку-мою тебе не отдал еще; Асем сурма анта йилд.— Отец еще не умер; Лув шанкап парал хән.— Он сразу, конечно, не умрет; Яйн арийл хән.— Брат-твой не поет.

Частицы *анта* и *хән*, отрицая предикативный признак, со всеми типами сказуемого, кроме простого глагольного сказуемого, употребляются так же, как частица *ант (ан)*:

Марьяен киншкадал ара анта (хән) пундадэ — Марья-твоя книги еще не разложила; Ма худ эватты анта (хән) питдум.— Я рыбу еще не стала резать; Нан нумсана анта (хән) йидан.— Ты умным еще не стал.

Что касается простого глагольного сказуемого, то частица *анта* стоит в препозиции к нему, а частица *хән* — в постпозиции, например:

Ныйдам икия анта мандат.— Сестры-мои замуж еще не вышли; Яюм ма хусяма юхатд хэн.— Брат ко мне не придет, конечно.

Однако отрицательная частица *хәи* может также находиться в постпозиции к другим словоформам, соответственно, отрицая не предикативный признак, а любой другой член предложения, например:

Сикем ай ики *йәр хәи* тайд.— Такой маленький мальчик разве силу имеет = не имеет, конечно; Лув *шанкап хәи* парад.— Он не сразу, конечно, умрет; Ма нюхи хәи тайдум.— Я мясо разве имею = конечно, не имею; Хәдум сот шойт эвадт тасяна хәи йидум.— От трехсот рублей богатым разве стану = не стану, конечно.

В этом случае необходимо сильное логическое ударение — интонационное выделение, например:

Лув газета хәи лунтас.— Он читал не газету; ср. также Лув хәи газета лунтас.— Не он газету читал. Интонация предложения понижается перед отрицательной частицей: Лув хәи газета дунтас.

Частицы *анта* и *хәи* не употребляются в предложении, если хотя бы одну из позиций занимает отрицательное местоимение: нэмадты 'ничто', нэмхуят 'никто':

Дэйнемн ма нэмадтыйн ан мойдасыюм.— Подругой я ничем не одарена; Хув мар ситат нэмалт хуятн русь ясана ант тулмасьтасыйт.— Долгое время эти вещи никем не переводились на русский язык; Нэмхуят ан юхтас. 'Никто не пришел'.

Отрицательное слово *антәм* 'нет' употребляется в предложениях наличия / отсутствия как отрицательный аналог бытийного глагола *вәлты* 'быть', примеры: Йидуп худ вәс. 'Свежая рыба была'.— Йидуп худ антәм. 'Свежей рыбы нет'. Нэмадт пос антәм. 'Никакой рукавицы нет'. Хот ким пелакн нэмадты хоят антәм. 'Снаружи дома никого нет'. Хот эвадт нэмадт, сый антәм. 'Из дома никакого звука нет'; Тэп йинк нэмадтахийн антәм, яньсьты тахи антәм. 'Только воды нигде нет, пить нет места'; Мось-нэниед ястад: «Кашем антәм». 'Женщина Мось говорит: «Желания нет»'.

Это служебное слово присоединяет показатели двойственного *(-нан)* и множественного *(-ат)* числа: Эве-на-д иса антәм-нан. 'Дочерей-двух-се совсем нет'; Пурмас-ла-д иса антәм-ат. 'Вещей-мн. ч.-его совсем нет'.

При отрицательном слове *антәм* в прошедшем времени употребляется бытийный глагол *вәлты* 'быть'. Примеры:

Си йисн тухдан хоп антәм вәс. 'В то время самолетов не было'. Ср. Йидуп дәпем антәм. 'Нового весла нет'; Мойдуп ухшамем антәм. 'Подаренного платка нет'.

При наличии в предложении бытийного глагола согласовательные аффиксы двойственного и множественного числа могут употребляться либо только при глаголе, либо и при глаголе, и при отрицательном слове. Примеры:

Ходупнадам антəм-нан вəс-нан. 'Сетей двух моих не было'; Пуппухиена-д антəмнан вəснан. 'Медвежат-дв.-его не было'; Няшдам антəм-ат вəс-ат. 'Удочек (мн. ч.) не было'; Хоп-над-ам антəм вəс-нан. 'Лодок-дв. ч.-моих не было'; Хоп-да-м антəм лус-ат. 'Лодок-мн. ч.-моих не было'.

Отрицательное слово *антəм* не заменяется на частицу *хəн*. Сравним: Дув тата антəм. 'Его здесь нет'; Дув хувн тата антəм вəс. 'Он давно здесь не был'; Асем тата антəм. 'Отца-моего здесь нет'; Асем тата хəн (вəд). 'Отец-мой находится не здесь'. Во втором случае представлена другая модель.

Отрицательная частица *антə* употребляется в двусоставных именных моделях (квалификации, состояния и т. д.) и стоит непосредственно после того слова, которое отрицается. Она свободно заменяется на частицу *хəн*:

Там нянь антə, там кев.— Это не хлеб, это камень; Сит кен вер антə.— Это не легкое дело; Икем — тохтар.— Муж-мой — врач // Икем тохтар антə.— Муж-мой не врач // Икем тохтар хəн.— Муж-мой, конечно, не врач; Эвен ай.— Дочь-твоя маленькая // Эвен ай антə.— Дочь не маленькая // Эвен ай хəн.— Дочь-твоя, конечно, не маленькая; Тата иськи.— Здесь холодно // Тата иськи антə.— Здесь не холодно // Тата иськи хəн.— Здесь, конечно, не холодно.

В хантыйском предложении при сказуемом может употребляться одновременно две отрицательные частицы. Возможно сочетание частиц *ан хəн*; в этом случае происходит снятие отрицания:

Имем пут ан хəн кавартал.— Жена-моя обязательно сварит еду (букв.: котел); Ханнэхə ан хəн юхтыйд.— Человек неужели не будет приходить; Ма хидэм ан хəн вəдэм.— Я внука-моего, конечно, знаю (неужели не знаю); Нан юхатмен дув ан хəн вəсдэ.— О твоем приезде он не мог не знать; и возникает категорическое утверждение с оттенками неизбежности, необходимости, обязательности. На русский язык для точной передачи семантики данных частиц необходимо переводить с вводным словом «конечно», например: Эвен ёнтасты ан хəн хотд.— Дочь-твоя шить умеет, конечно; sït kïp pöləp um sol osmar än xǫn wǫл(л)em.— Этой Кирнюлуп сто хитростей знаю, конечно.

Двойное отрицание образуется также с помощью частиц *ант ад* 'пусть не':

Ий курпа сэмал, па ант ад дылдад.— И одно зерно крупы пусть не смешается; Пухен нэмлтахия ант ад манд.— Сын-твой никуда пусть не ходит. В данном случае отрицание предикативного признака не снимается.

Как мы предполагаем, все отрицательные частицы — *ант, ан, анта, антə, антəм* произошли от одного отрицательного глагола, являясь разными его застывшими формами. Еще в XIX веке финский ученый Кастрен отметил, что остяцкий язык «имеет отрицательный вспомогательный гла-

гол: *ендам* или *ендем* — нет, но он не спрягается; например *вах ендам* — нет денег, *тавем ендам* — у меня нет лошади... В крайнем случае к вспомогательному глаголу *ендам* или *ендем* могут быть прибавлены отличительные приметы двойственного или множественного числа» (5, с. 82—83).

Е. И. Ромбандеева также считает, что отрицание в мансийском языке может быть выражено посредством отрицательного глагола *ati* (*ātim*) 'не есть, отсутствует' (6, с. 23, 34).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Шведова Н. Ю.* Парадигматика простого предложения в современном русском языке. Опыт типологии // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.
2. *Москальская О. И.* Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974.
3. Хантыйский язык. Учебник для учащихся педагогических училищ. Л., 1988.
4. *Сеппегов А. М.* Глагол // Хантыйский язык. Л., 1988.
5. *Castrën M. A.* Versuch einer ostjakischen Sprachlenre nebst kurzem Wörterverzeichniss. С.-Петербург, 1849; 2-е издание, 1858; Leipzig, 1969.
6. *Ромбандеева Е. И.* Синтаксис мансийского (вогульского) языка. М., 1979.

Valentina Solovar

MEANS OF NEGATION EXPRESSION IN A KHANTY SENTENCE

All the negation particles *ant, an, anta, ante, antem* originated from the same negative verb being its various amorphous forms. As long ago as in the 19 th century the Finnish scientist Kastren pointed out that "in the Ostyak language there is a negative auxiliary verb: endam or endem – no, but it is not conjugated; for example vakh endam – I have no money, tarem endam – I have no horse... . In some special cases negative marks of plurality characteristic of the auxiliary verb endam or endem can be added".

«Финно-угроведение», 2001, № 2.

Василиса Малова
Йошкар-Ола

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СИНОНИМОВ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ

Синонимы возникают в языке постоянно. Это обусловлено рядом причин. Одной из основных является стремление человека найти в уже известных предметах, явлениях окружающего мира какие-то новые черты и оттенки, т. е. углубить и расширить существующие понятия окружающей действительности.

Синонимы в языке возникают путем словообразования, за счет развития у слов новых значений и в результате заимствования.

Углубление и расширение существующих понятий происходит часто в результате развития значений уже известных слов.

Развитие значений происходит в результате сужения, расширения, переноса значений, появления новых значений.

Изменение значений происходит не в отдельных словах, а в результате употребления слов в составе определенных словосочетаний.

Слова, выражая свои собственные значения, в рамках синонимической группы в то же время оказываются связанными между собою соотношениями, не безразличными для их собственных значений. Это всякого рода уточнения, дифференциации и обобщения близких или сопредельных значений.

Например, синонимический ряд с общим значением «обманывать» образуют общеупотребительный глагол **алгалаш** с нейтральным значением «обманывать» и глагол **цигäнлäнäш** со значениями: 1) «хитрить, обманывать, врать»; 2) «дурить, паясничать».

Глагол **цигäнлäнäш** образован от заимствованного из русского языка существительного *цыган* «цыган» для выражения дополнительных оттенков значения «обманывать».

В новообразованном горномарийском глаголе **цигäнлäнäш,** образованном от заимствованного слова *цигäн* «цыган», мы наблюдаем разви-

тие новых значений: 1) хитрить, обманывать, врать; 2) дурить, **паяснничать.**

Появление новых значений у глагола **цигäнлäнäш** связано с психологическими ассоциациями, которые вызывает этот глагол у носителей языка.

Развитие значений происходит в исконно марийских словах постоянно. Так, горномарийский глагол **изиэмäш** «уменьшаться» в сознании людей может ассоциироваться с понятием «удаляться» и образует синонимический ряд с глаголом **мындыремäш** «удаляться».

Примеры: Эдемвлäжы вуйта **изиэмыт,** вуйта **мындыремыт,** вуйта вуйын-вуйстык шагалыт, тырынь кеät, вилыт.— А люди будто уменьшаются, будто удаляются, будто переворачиваются, кренятся, падают.

Обогащение глагола **изиэмäш** «уменьшаться» еще одним значением «удаляться» связано с абстрактным представлением людей о понятии «удаляться», а именно, предметы, удаляясь, уменьшаются.

Для выражения более полного представления понятия «удаляться, т. е. уменьшаться, удаляясь» расширилось значение глагола **изиэмäш** «уменьшаться», который в паре с глаголом **мындыремäш** дает это обогащенное представление.

По предметно-логической соотнесенности с понятием «удаляться» появилось новое значение у глагола **изиэмäш.**

Много синонимов образуется в результате использования известных слов для обозначения понятий, предметов и явлений, уже имеющих свои названия. Такое явление называется переносом наименования. При этом принимается во внимание их сходство, их внутренняя и внешняя связь и т. д.

Так, в горномарийском языке глаголу **вырсаш** «ругать» синонимичны глаголы **каляш** с переносным значением «читать нравоучения (мораль)» и **панежäш** с переносным значением «обсуждать, пробирать, ругать кого-л.». Переносные значения глаголов **каляш** и **панежäш** зафиксированы в толковом словаре Саватковой А. А. наряду с их основными значениями. Основанием для возникновения переносного значения у глагола **каляш** послужило его конкретное значение «калить, накаливать (металлы)», у глагола **панежäш** его собственное значение «палить, обжигать».

Появление у слова нового значения не только расширяет, но и обновляет границы его лексической сочетаемости, т. е. вносит изменения в систему синтагматических отношений слова, которые, в свою очередь, вызывают преобразования в его парадигматических связях (пополнение одних лексико-семантических групп слов, возникновение других и т. д.).

На основании вышеизложенного можно утверждать, что язык постоянно пополняется синонимами в результате развития значений слов.

Изменение значений происходит не в отдельных словах, а в результате употребления слов в составе определенных словосочетаний.

Natalia Glukhova
Yoshkar-Ola

GENDER RESEARCH IN MARI EL

Gender is defined as a specific set of culturally determined features linked with maleness and femaleness, as a systematic structuring of relationships between women and men in social institutions.

Gender is shaped in different social institutions including work, family, education, mass media. Transformation of institutional structure leads to changes in gender roles in societies. «All societies differentiate among their members on the basis of gender in that men and women are expected to behave in different ways. Until quite recently it was assumed that there were two spheres of life, one for women and the other for men. In the Western civilization «church, school and family ... worked together to transmit the notion that boys should grow up to be the doers, thinkers, and movers in the world at large. Girls, on the other hand, were expected to grow up to be wives and mothers. Any involvement in the world outside the home would be indirect than direct» (1, 18—19). This gender-biased division of labour helped grow the idea of natural, innate (biological and psychological) differences in men's and women's abilities and personalities (2, 475—476). But in the twentieth century sociologists collected the important data, which have thrown doubt on this assumption. Information proving that gender-specific behaviour (pattern) might be learned rather than innate. Though, of course, gender roles can not be wholly determined by a society.

Gender research can embrace several aspects of relationships between men and women. The studies might be equally dedicated to the investigation of men's and women's roles in a many-sided life of the society. The interest also might be turned solely to women.

Boundaries between private and public life — such questions as women and work; marriage and motherhood; women and health; women and traditional culture; women and religion; women changing language; women, law and political change; women and violence; sexism and discrimination and some others could be in the centre of scholars' attention.

Mari scholars of different branches of knowledge investigated certain aspects of the life of a Mari woman (3, c. 104—106; 4, c. 74—91;5. c. 96—99; 6, c. 122—13; 7, c. 204—208; 8, c. 86—92; 9, c. 87—117). But the analysis of the existing literature shows that the works were sporadic and the topics for research seemed to have been chosen at random. It cannot be too highly stressed that never in history were the rights of a Mari woman discussed.

The modern women's movement arose in the mid 1960s. It was supported by an already existing network of various women's organizations and societies in the world. The movement won significant victories during the 1960—1990s and began to change the way men and women think about gender roles (2, p. 479).

Since the 1960s serious research in the discussed sphere has been done in many countries. The limited space of a short article does not allow the author to enumerate the existing literature on the problem. But it should be particularly emphasized that by this time methods of research, necessary basis for observation, important lines of scholarly interest and other relevant data for a serious investigation of the fate of a Mari woman have been well developed. So, with present democratic changes in our country it is high time to pay special attention to the social status of Mari women, their rights and role in a present day society's life.

All historical events, which in general might be analysed with different degrees of approximation (Cf. Lev Gumilyov's «historioskop» with five degrees of estimate in his book «V poiskah vymyshlennogo tsarstva», 1994), have been viewed by our home historians mainly on an enlarged scale. An investigation of Mari women's roles and rights carried out diachronically or viewed at present would represent an exploration of a phenomenon taken on a reduced scale, with a heightened interest and attention to the lives and needs of common people, but not whole societies or epochs.

As regards history the chronology of Mari women's rights study could be roughly (for the purposes of study) divided into 3 stages provided that the social structure of the Russian state would be taken into account. Mari women's rights might be viewed in tsarist Russia; throughout the Soviet time; during the transitional stage of the post-Soviet period when the country 'moved' towards the values and structures of an open society and market economy. All these stages are historically and socially crucially different but united by one common feature — a woman's discrimination, an infringement of her rights.

In tsarist Russia a Mart woman usually lived in a large patriarchal family, where the head of the clan was an eldest man occupying a senior position. Depending on the place (marital stage, age etc.) women's family roles were different. Nevertheless there was a relatively just and sensible distribution of labour duties. Communal traditions served as an unwritten law and were a foundation for evaluation of a person's behaviour.

During the Soviet period the state needed more labour force in connection

with the militarization of economy and a woman was involved in the working process in industry, agriculture, in a word,— outside the family circle. In this case actually the right to be equal with a man (proclaimed by the Soviets) doubled her chores as family duties (caring for children, household obligations) were also left for her. This subjugation —«enslavement» — was introduced under a demagogic slogan of equality with men. The ideal woman of the Soviet period (for the Communist Party and the Government, of course) was a woman-udarnik, a winner of the socialist emulation movement. A prerogative for «a fair sex» in the former USSR was laying of rails, sleepers and building asphalt roads.

At present the rights of women are also at great stake as in addition to the state establishments private firms and enterprises have appeared. Their owners are not in a hurry to employ women (especially with children) and the latter are usually the first to get fired.

Of course, nowadays, women can be engaged in new professions and occupations, in which they successfully compete with men. But such cases are mainly exceptions to the rule.

Yet even without an all-embracing research it is reasonably sate to suggest that many situations a Mari woman has experienced a triple «yoke»: family responsibilities and work burdens were intensified by a discrimination on the national origin.

REFERENCES

1. *Scanzoni L.*, and *Scanzoni J.* Men, women and change. New-York: McGraw-Hill. 1976.

2. *Kornblum W.* Sociology in a Changing World. New-York: Harcourt Brace College Publishers. 1998.

3. *Китиков А. Е.* Семья и брак по материалам марийских пословиц // Вопросы советского финно-угроведения (Тезисы докладов и сообщений на XV Всесоюзной конференции по финно-угроведению, посвященной 250-летию Академии наук СССР). Часть II. Петрозаводск, 1974.

4. *Комарова Г. А.* Проблема сочетания общественно-производственных и семейно-бытовых обязанностей сельскими марийскими женщинами // Современные этнокультурные процессы в марийском селе. Йошкар-Ола, 1990. АЭМК. Вып. 18.

5. *Сабитов С. С.* Марийские сказки о мачехе и падчерице // Фольклор народов Российской Федерации: Фольклор и этнография: Общее и особенное в фольклоре разных народов: Межвузовский научный сборник. Уфа, 1990.

6. *Смирнов И. Н.* Положение женщины в марийской семье (конец XIX — начало XX в.) // Материальная и духовная культура марийцев. Йошкар-Ола, 1981. АЭМК. Вып 5.

7. *Смирнов И. Н.* Этнические традиции в современной марийской сельской семье // Современные этносоциальные процессы на селе. М., 1986.

8. *Четкарев К. А.* Марий йомакыште удырамашын образше // Ончыко, 1956. № 4

9. *Четкарев К. А.* О героинях марийских сказок // Труды МарНИИ. Вып. 9. История, язык и литература мари. Йошкар-Ола, 1959.

Наталья Глухова

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МАРИЙ ЭЛ

В статье даны некоторые основные понятия *гендера* и *гендерных* исследований, проводимых зарубежными учеными. Кратко перечислены главные научные направления в этой области, которые были объектом внимания историков, социологов, антропологов, биологов. медиков, а также представителей других научных дисциплин, изучающих человека, и разрабатывающих эти вопросы с шестидесятых годов XX века.

В сжатой форме предложено описание состояния проблемы в работах ученых Марий Эл, занятых в различных сферах знания антропоцентрического характера. Показана новизна, необходимость, актуальность данного рода исследований в республике. В статье предлагается логически обусловленный ряд этапов разработки описываемого сложного вопроса, а также содержится формулировка принципиальных задач этого раздела социологических наук, решение которых может привести к значимому результату.

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Рец.: К. М. КЛИМОВ. Ансамбль как образная система в удмуртском народном искусстве XIX—XX вв. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 1999. 320 с.

Существенным вкладом в развитие искусствоведческой науки финно-угорских народов является исследование доктора искусствоведения профессора Удмуртского государственного университета К. М. Климова «Ансамбль как образная система в удмуртском народном искусстве XIX—XX вв.». Книга посвящена комплексному освещению важной в искусствоведении проблемы ансамбля на материале традиционного народного творчества удмуртов, в своих истоках имеющих проявления в сложных взаимосвязях с социокультурной, природной средами, сложившимися самобытными художественными традициями в области пластических искусств.

Автор анализирует эту проблему как образную взаимосвязь в системе пластических искусств, выявляет его художественные особенности, эволюцию и истоки и рассматривает как целостность, определяемую и стилистически-композиционным единством, и сложившимся мировоззрением. Как справедливо отмечает К. М. Климов, к сожалению, она остается малоисследованной, искусствознание редко уделяет внимание этническому аспекту художественного развития ансамбля. Поэтому автор считает своим профессиональным долгом комплексно рассмотреть проблему ансамбля как целостность мировоззрения, где выявляется духовно-содержательный аспект, роль образного начала в его решении на примере отдельно взятого этноса. Таким образом, научный подход в решении проблемы ансамбля как образной системы позволяет К. М. Климову рассматривать удмуртское народное искусство как своеобразный символ мироздания.

Образ мира в финно-пермской культурной традиции, его истоки и эволюция выявлены в первой главе. В ней исследуется вопрос о пространственных и временных формах бытования художественных образов. Это убедительно показано на примере эволюции культовых декоративных ансамблей периода древности и средневековья. «В истории искусства финно-угорских народов Приуралья были свои крупные этапы, каждый из

которых отмечен собственным кругом художественных проблем,— пишет ученый.— Одним из таких этапов был и ананьинский период... В это время ощутимо воздействие степного скифо-сарматского ираноязычного мира. В искусстве раннего железа получает развитие своеобразный звериный стиль на местной древней основе» (с. 40). В этом автор видит сформировавшееся яркое художественное явление и, сопоставляя художественные древности финно-пермян со скифо-сарматским искусством, выделяет то, что основной его особенностью является «факт преобладания в нем вотивных (культовых) предметов в виде небольших литых ажурных пластин с изображением на лицевой стороне зооморфных и зооантропоморфных «божеств», часто в многократном повторении. Это своеобразные «языческие иконы» (с. 43). В образно-символической структуре культового литья К. М. Климов также видит воплощение концепции мироздания. Прав он и в том, что все то, что с течением времени становится мебелью и утварью, а также основные элементы будущей традиционной архитектуры и в целом всей материальной и духовной культуры финно-пермских народов Восточной Европы — все это создается в этой природно-географической среде, в эту эпоху, и рождается мифотворческим смыслом, и не случайно для расшифровки многих явлений культуры ананьинского времени автор привлекает богатые материалы фольклора, этнографии, народного искусства. Однако, отмечая появление и развитие определенных видов ремесел, совершенствование планировочных традиций и конструктивных особенностей построек и декора в народном зодчестве, ансамбле костюма, на наш взгляд, терминологически не совсем точно определены исторические этапы их возникновения «художественными направлениями, школами, стилями». Эти понятия более приемлемы для изучения пластических искусств классического образца. Хотя в искусствознании в целом проблема терминов остается до сих пор малоосвещенной и актуальной для исследования.

Последующие II—VI главы монографии в комплексной последовательности раскрывают основную научную концепцию автора. Она складывается из нескольких частей. Это и исследование одной из сложных проблем ансамбля как образной системы в деревянном зодчестве удмуртов, в народном искусстве, которое рассматривается в системе жилого интерьера, также и мировоззренческих взглядов в традиционном комплексе народной одежды. Не обойдена вниманием до сих пор спорная проблема истоков, эволюции и параллелей в искусстве ансамбля в жилище и костюме бесермян. Завершает исследование глава, посвященная проблеме синтеза традиций в современном художественном творчестве, формированию этнического идентитета.

В деревянном зодчестве удмуртов XIX — начала XX веков специально выделен исследователем ансамбль крестьянской усадьбы, включаю-

щий целый комплекс отдельных построек. Особое внимание по архитектурному решению и образному строю в ней уделено наряду с жилыми и хозяйственными постройками общественным центрам — языческому святилищу куа/ла, которая «мыслилась домом, храмом, частями храма Вселенной», и священной роще Луд. «Пространство куа по горизонтальной оси оказывается также символически организованным, где каждая его часть представляет собой свое особое жизненное пространство,— замечает К. М. Климов.— Центр — это очаг, правая сторона — женская, левая сторона — мужская. Все важные явления Вселенной, связанные с областью сакрального, воспринимаются здесь с помощью полярно противоположных понятий: правый — левый, четное — нечетное, солнце — луна, день — ночь. Организуемое в круг, квадрат пространство куалы связано между собой по принципу одного в другом. Граница между двумя семантическими пространственными планами в композиции святилища осмыслена символически в той же семантической художественной системе. В конечном счете складывается ансамбль, связанный с развитием художественного сознания, мировоззрением народа на базе местной финно-угорской культурной традиции, в которой выражается мифопоэтическая картина мира» (с. 82).

Предметный мир в организации внутреннего пространства жилого дома кеноса, его символика как средство выражения мировоззренческих представлений дополняет исследование. «Небесную семантику» автор выделяет в интерьере жилища, в узорном ткачестве, набойке, резьбе по дереву, а организация ансамбля интерьера видится как образная система мироздания. До настоящего времени ученые не рассматривали одежду удмуртов в системе ансамбля костюмного комплекса как образной системы и синтеза различных видов декоративно-прикладного искусства. Выяснению художественно-эстетической роли этого вида искусства в ансамбле народного костюма северных и южных удмуртов также посвящена специальная глава. И справедливо замечает исследователь, что одежда «становится «мостиком», визуальной связью замкнутого пространства жилого интерьера с «миром» окружающей природы» (с. 172).

Сложная проблема происхождения бесермян и их изобразительный фольклор также остается в центре внимания ученого, который предлагает провести «параллель между ансамблем бесермянского костюма XVIII—XIX веков и произведениями архитектуры среднеазиатского междуречья раннего средневековья», которые «близки между собой не только по объемно-пространственной форме, но и орнаментально-ритмическому строю, что подтверждается и этнографическими параллелями» (с. 248). Автор приходит к выводу: 1) в народном искусстве бесермян одно из первых мест занимает восточно-иранский элемент, который в период формирования бесермянского этноса сыграл существенную роль при создании соб-

ственной орнаментальной системы и искусства; 2) в бесермянском изобразительном искусстве, находящемся под влиянием булгаро-татарской культуры, тюркский элемент в декоративном искусстве проявился в изделиях для убранства интерьера; 3) анализ изобразительного фольклора бесермян, анализ семантики и иконографии многих орнаментальных форм геометрического орнамента дает основание охарактеризовать их искусство как своеобразное, воспринявшее и переработавшее элементы разных культурных и художественных традиций Среднего Востока, Поволжья и Кавказа.

Главой о народном искусстве удмуртов как неотъемлемой части современной традиционной культуры завершается исследование К. М. Климова. В ней особо выделена та часть национального наследия, которая активно культивируется в современном народном искусстве, прослежены стилистические изменения в эволюции традиционного орнамента, отдельных его мотивов и форм, в орнаментально-ритмическом и цветовом строе современных декоративных изделий. Также акцентировано внимание на самостоятельности декоративного искусства в контексте с архитектурным пространством и человеком, в результате чего создается современный ансамбль как в жилище, так и в костюме, где новые формы синтеза искусств наполняют образный смысл. Удмуртское народное искусство развивается на своей древней основе, творчески перерабатывается современными мастерами.

В целом, в рамках проведенного исследования впервые выявлены крупные этапы в истории искусства финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. Выработанная в ходе исследования концепция исторического развития ансамбля как образной системы в удмуртском народном искусстве XIX — XX веков может явиться основой для дальнейшей разработки теории и истории искусства региона и междисциплинарных исследований гуманитарной науки.

Владимир Кудрявцев
Йошкар-Ола

Рец.: Иванова М. Г., Куликов К. И.
ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО УДМУРТИИ
Фотоальбом.— Ижевск, 200. 28 п. л.

Одним из наиболее ярких элементов культуры финно-угорских объединений эпохи средневековья являются изделия из цветных металлов, кости и рога с зоо-, орнито- и антропоморфными изображениями, отражающими различные стороны материальной и духовной деятельности населения. По единодушному признанию исследователей, эти изделия являются настоящими произведениями народного искусства и заключают в себе сложный комплекс исторически сложившихся архаических воззрений, содержат глубинные пласты мифологического мировосприятия предков финно-угров.

К сожалению, богатейшее культурное наследие древних эпох пока не нашло достойного отражения на страницах научных и научно-популярных изданий, хотя такая необходимость назрела давно. Образцы прикладного искусства, древних производств, вооружения, созданные в далеком прошлом и получившие «вторую жизнь» и «новое дыхание» благодаря усилиям археологов, являются своеобразным «сплавом» предметов и идей, содержащим в себе уникальную информацию. Расшифровка этой информации позволит обогатить духовный мир наших современников, доставит огромное эстетическое наслаждение, разбудит художественное воображение, станет толчком к созданию новых изделий в профессиональном искусстве, в народных ремеслах и декоративно-прикладном творчестве. В свете сказанного выход цветного фотоальбома «Древнее искусство Удмуртии», подготовленного докторами наук М. Г. Ивановой и К. И. Куликовым, с иллюстрациями образцов произведений пластики эпохи средневековья является знаменательным событием в научной жизни Удмуртской Республики, а также в целом финно-угроведении.

Альбом подытоживает многолетний исследовательский труд коллектива ученых-археологов Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН, которые на протяжении 30 лет работы археологической экспедиции Института накопили прекрасную коллекцию археологических материалов, используемых в создании фундаментальных трудов, научно-популярных и учебно-мето-

дических пособий, художественных и телевизионных фильмов. В рецензируемом альбоме древнее искусство впервые представлено в наиболее полном объеме и целостности.

Авторы – признанные ученые, труды которых широко известны среди финно- угроведов. В их многосторонней деятельности органически сочетаются исследование памятников, обработка полученных материалов и их обобщение, публикация и экспонирование, и, наконец, возвращение этих богатств народу в виде новых произведений искусства, созданных на основе древних традиций. М. Г. Иванова на протяжении 30 лет ведет изучение археологических памятников эпохи средневековья, особенно городища Иднакар. Благодаря ее исследованиям было раскрыто выдающееся значение этого памятника в истории удмуртского народа и финно-угорского средневековья. К. И. Куликов больше известен трудами по истории гражданской войны, коллективизации, политических репрессий в период тоталитаризма, современных этнополитических и этнокультурных процессов в России, одним из первых оценил значимость Иднакара и последовательно организовывал раскопки этого городища. Он выдвинул идею создания прибора для изучения культурного слоя археологических памятников неразрушающими методами, используемого ныне не только на Иднакаре, но и на других памятниках Урало-Поволжья. К. И. Куликов явился инициатором подготовки фотоальбома. Выдающимся результатом его непосредственной деятельности является создание Историко-культурного музея-заповедника «Иднакар», основную часть представленной в нем уникальной коллекции произведений древнего искусства составляют материалы военно-оборонительного, торгово-ремесленного, общественно-административного и культурного центра средневекового городища, расположенного в пределах границ города Глазова Удмуртской Республики.

Благодаря многолетним систематическим археологическим исследованиям, сегодня Иднакар стал своеобразной лабораторией изучения прошлого удмуртского этноса, центром подготовки ученых, творческих работников, объектом, имеющим культурно-просветительский и учебно-воспитательный характер. Этот крупнейший памятник финно-угорского средневековья – ныне один из наиболее полно изученных и хорошо известных в Республике и далеко за ее пределами. Его значение для удмуртов можно сравнить с тем, какое имеют Новгород и Киев для славянских народов, Булгар и Биляр – для тюркских народов Поволжья.

М. Г. Иванова и К. И. Куликов целенаправленно и последовательно прилагали огромные усилия по организации всех основных направлений музейного комплекса: экспедиционных исследований, научной обработки, реставрации и консервации коллекций, создание экспозиции выставок, методических и методологических основ научно-исследовательской и организационной работы, публикации научных монографий, научно-

популярных, учебно-методических работ, создания фото-, фоно- и видеотеки музея. Они являются авторами также и другой научной концепции развития музейного комплекса в новых условиях, в настоящее время разрабатывают архитектурно-проектировочное задание для реконструкции нового здания музея, выделенного в центре города.

Для музея-заповедника «Иднакар» фотоальбом «Древнее искусство Удмуртии» – неоценимое подспорье для дальнейшей организации экспозиционной, экскурсионной, научно-исследовательской, культурно-просветительской деятельности.

В предисловии альбома, предваряющем иллюстративный ряд, авторы анализируют изобразительные мотивы в произведениях ювелирного, косторезного, кузнечного, гончарного производств и степень их отражения в фольклорно-мифологической памяти удмуртов. Здесь также дана развернутая семантическая интерпретация материалов через выявление параллелей в древних пластах индоиранской мифологии, повлиявшей на развитие древнеудмуртской культуры. Аналитический обзор легко воспринимается и доступен массовому читателю.

В иллюстративной части альбома представлены наиболее яркие образцы ювелирного искусства, среди которых особенно привлекательны разнообразные женские украшения. Чрезвычайный интерес представляют реконструкции костюмных комплексов, несущих богатую информацию об эволюции костюма с III по XIII вв., его исторических, локальных особенностях. В разделе «Кузнечное ремесло» продемонстрированы типичные орудия труда древних кузнецов, а также их изделия (образцы орудий земледелия, рыболовства, домашней утвари, оружия). О высоком мастерстве ремесленников древних эпох также свидетельствуют выразительные изделия из кости и керамики. Резная кость чепецких городищ является в своем роде уникальной, так как подобных коллекций на средневековых памятниках финно-угорских этнических образований нет.

Интерес к изданию усиливается тем, что сюжеты и мотивы средневекового искусства находят широкие параллели в мифологии и этнографии удмуртов, к материалам которых исследователи обращаются постоянно при попытках семантической интерпретации зооморфной пластики финно-угров. Именно поэтому альбом вызывает большой интерес не только среди археологов, но и среди деятелей литературы и искусства. В последнее десятилетие коллекции образцов древнего искусства стали предметом профессионального интереса художников, модельеров, писателей, и особенно мастеров декоративно-прикладного искусства, создающих свои труды на основе творческого переосмысления традиций народного искусства. Авторы альбома на протяжении многих лет неустанно и последовательно пропагандировали произведения древних мастеров перед деятеля-

ми искусства и культуры, школьниками и студентами, вложили немало сил и труда, чтобы лучшие образцы произведений древности получили «новую жизнь» и вошли в культуру и искусство сегодняшнего общества в качестве его неотъемлемой и органичной части. Рецензируемый альбом – качественно новый вклад в развитие современного искусства и культуры, это – неисчерпаемый источник для «нового прочтения» лучших образцов произведений древних мастеров.

Показателем востребованности трудов М. Г. Ивановой и К. И. Куликова явилось использование в одном из государственных символов Удмуртской Республики – гербе – мотивов древнеудмуртского искусства: прообразом летящей птицы (центральной фигуры герба) стали археологические находки образцов бронзовых птиц XI—XIII вв., обнаруженные при раскопках под руководством М. Г. Ивановой.

Сегодня в Удмуртии имеется яркая группа деятелей искусства и культуры, чье творчество одухотворено древними истоками: это и литературные произведения прозаиков, поэтов, драматургов; станковые полотна и графические работы художников на темы богатырского периода в истории удмуртского народа; реконструкции древних костюмных комплексов и разработанные на их основе современные модели национальной одежды; возрожденные на основе археологических находок музыкальные инструменты. Древняя символика, образы, сюжеты особенно широко используются мастерами декоративно-прикладного искусства, специализирующимися на обработке дерева, бересты, соломки, вышивке, ткачестве. Публикацию фотоальбома «Древнее искусство Удмуртии» можно назвать реализацией своеобразного социального заказа народных мастеров декоративно-прикладного искусства Удмуртии. Именно поэтому издание востребовано во всех 28 домах ремесел Удмуртии и многими мастерами, занимающимися возрождением народного искусства.

На ежемесячно меняющихся выставках в Национальном Центре декоративно-прикладного искусства и ремесел можно наблюдать многочисленные образцы изделий народных мастеров, в которых органически сочетаются традиционные мотивы и инновационные интерпретации. Некоторые образы средневекового искусства стали излюбленными сюжетами современных изделий. К таким относится изображение «Шунды-мумы» – Матери Солнца, воплощаемой мастерами в металле, гобелене, дереве, бересте и т. д. Показательным является обращение народных умельцев Алнашского района Удмуртии к освоению совершенно нового для них материала – рога и кости животных для изготовления украшений,– традиции, широко распространенной в эпоху средневековья и утраченной в последние столетия. К сожалению, пока не освоенной мастерами остается разработка современных украшений из цветных металлов, слабо развивается изготовление керамических изделий. Хочется надеяться, что фото-

альбом «Древнее искусство Удмуртии» явится мощным стимулом в развитии декоративно-прикладного искусства удмуртов.

Издание завершает каталог, что в значительной степени усиливает источниковедческие возможности альбома.

Приходится только сожалеть, что художественное оформление альбома из-за полиграфических изъянов оставляет желать лучшего. Но данное замечание ни в коей мере не может быть поставлено в вину авторам, которые подготовили чрезвычайно полезное издание.

Галина Никитина
Ижевск

Рец.: А. М. ЖУЛЬНИКОВ. «Энеолит Карелии» (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск, 1999, 97 с.: табл. + илл.

Археологическая наука пополнилась новым капитальным исследованием А. М. Жульникова по медно-каменному веку Карелии. В отличие от известных работ предшественников (Н. Н. Гуриной, Г. А. Панкрушева, Ю. А. Саватеева, А. П. Журавлева и др.) рецензируемая работа выполнена с учетом всех имеющихся в настоящее время источников по исследуемой теме и является наиболее полным сводом по энеолиту Карелии с использованием в ней материалов геологии, палеологии. радиоуглеродного датирования, металлографического и химического анализов медных предметов.

Впервые культура энеолитического населения Карелии рассматривается в контексте проблем культурных образований лесной полосы Восточной Европы: волосовской, чойновтинской, юртиковской, гарниско-борской.

Реконструкция древней природной среды с учетом геолого- геоморфологического строения и применение серии палинологических определений, локализация сырьевых источников для производства каменных предметов значительно усиливают рассуждения автора в определении локальных культурных групп, а также характеристику хозяйственной деятельности населения, уточняют культурологические или этнические построения предшественников, основанных на разновидности сырьевой базы каменной индустрии, как и выделение отдельных «культур» и «типов» по признаку наличия в составе формовочной массы посуды асбеста, слюды и т. п. В работе А. М. Жульникова такая ситуация объясняется ограниченностью распространения очагов таких пород.

Корреляция датированных по радиокарбону археологических комплексов с установленными ритмами суббореала и синхронизация их с трансгрессивно-регрессивными изменениями уровня водоемов убедительно подтверждают хронологическую нишу комплексов асбестовой и пористой посуды Карелии.

Тщательная и всесторонняя классификация асбестовой (пористой) ке-

рамики (во всех видах ее проявления, вплоть до эпохи раннего железного века) позволила достаточно обоснованно вычленить энеолитический массив с его специфическими параметрами.

Несомненным достоинством книги являются тщательно отобранные культуроопределяющие комплексы, на фоне которых разрабатываются основные проблемы культурно-исторического процесса населения Карелии в медно-каменном веке.

Работа А. М. Жульникова представляет собой достаточно полный свод археологических источников (раскопками исследовано 167 поселений, на 99 из них вскрыта площадь от 100 до 4000 кв. м, полностью раскопаны 9 энеолитических поселков).

Выявленные закономерности в расселении древних племен значительно усилили наблюдение автора по реконструкции хозяйственной деятельности и социальной организации общества.

Важным фактором является и разработка автором методики определения времени существования отдельных построек на поселении, их функциональной значимости. Здесь впервые на обширном фактическом материале разработаны и обоснованы принципы расселения энеолитического населения в тесной зависимости с речной и озерной системой как главным транспортным путем древности.

Достаточно подробно и обоснованно рассматриваются возможные варианты хозяйственной деятельности в отдельных микрорегионах, сезонное и постоянное функционирование стоянок и поселений, их взаимосвязи и т. д.

Примененная автором методика системного подбора признаков при анализе функционального назначения построек, их синхронности или разновременности не вызывает сомнений в реконструируемых построениях. Выводы автора о своеобразии энеолитических построек Карелии и их отличии от подобных волосовских и гаринско-борских сооружений убедительны и обоснованы.

Подробный анализ керамики (технология, форма, орнаментация) во взаимозависимости признаков выявил закономерность влияния на изменение добавок в формовочную массу двух факторов: экологического и социологического, что подтверждает тезис о локальном характере «культуры асбестовой посуды» в пределах Балтийского щита, а присутствие асбеста в качестве отощителя может служить основным типообразующим признаком.

Выделение трех этапов в развитии посуды на фоне приведенных фактов логично и достоверно. Несмотря на трижды меняющийся стиль орнаментации, керамические комплексы представляются динамически развивающейся системой.

В отличие от керамики, каменный инвентарь не столь выразителен (за

исключением сланцевых орудий) и находит широкие аналогии среди синхронных материалов Поволжья и Прикамья, отражающих еще высокую технику обработки кремня вне зависимости от начала освоения меди.

Закрытые жилищные комплексы с медными изделиями или же с предметами металлообработки, датированные радиокарбоном, подтверждают хронологические рамки энеолита асбестовой, пористой керамики в пределах третьей четверти III середины II тыс. до н. э., а более современные (по отношению к волосовскому и гаринско-борскому) способы обработки меди предполагают существование Карельского металлообрабатывающего очага.

В монографии довольно основательно разработана хронология энеолита Карелии. Корреляция датировок по радиокарбону, палинологии, высотным отметкам и различным типам керамики для древностей Карелии является в настоящее время наиболее обоснованной.

Производственная деятельность энеолитического населения сводится к комплексному присваивающему типу с доминантой охоты и рыболовства в зависимости от хозяйственного цикла, связанного с климатическими изменениями и географией расположения отдельных групп населения, демонстрируя этим высокую степень организации системы жизнеобеспечения.

Значительную трудность для исследователей всегда представляет реконструкция социальной среды и внутриплеменных отношений в древности, характер имеющихся источников (поселение, территория, постройки), как правило, дают минимальную информацию в силу малой достоверности их одновременности или же значительной утраты информации (интерьер жилища, количество очагов и хозяйственных ям в постройке, система сооружений в поселке, функциональное назначение отдельных построек и т. п.). Всегда приходится обращаться к материалам этнографии, но, как справедливо отметил автор, этнографические разработки не всегда согласуются с археологическими материалами. Оперировать понятием очаг и связывать с ним определенную социальную ячейку не во всех случаях корректно, т. к. простого типа очаги (в ямах без дополнительных деталей) «гуляют» по всей площади пола и достигают в отдельных жилищах до 10. В таких реконструкциях более целесообразно учитывать «чистую» площадь, пригодную для ночлега и с учетом этого определять примерное количество проживающих в постройке людей, хотя и эта методика не надежная, т. к. в жилище возможны варианты спальных мест типа гамака или полатей, которые археологически неуловимы.

Гигантская работа проделана автором по определению тенденции развития керамического производства, выявлению изменений в технологическом процессе и последствия их влияния на формальные признаки сосуда (форма, венчик, пропорции) и декор.

Сопоставительный анализ выделенных типов керамики позволил автору разработать и обосновать схему эволюции посуды в локальных микрорегионах Карелии, вычленить общие и специфические черты, найти «культуроопределяющие» элементы каждого типа и на основании целого ряда признаков определить место (хронологическое и территориальное) каждому типу. Такая схема развития энеолита Карелии предложена впервые. Задача, поставленная автором монографии в начале работы, выполнена полностью.

К сожалению, и в этой монографии нет четкого и обоснованного решения проблемы генезиса (как и дальнейшей судьбы) энеолитического населения Карелии. Возможно, автор излишне придирчиво относится к имеющимся источникам и предлагает наиболее вероятное происхождение керамики типа Войнаволок XXVII на основе гребенчато-ямочной, ромбоямочной посуды только в южной половине Карелии и Финляндии, но и это положение не нашло подтверждения в представленных материалах комплексами «переходного» типа, которые бы сняли вопрос о частичном несоответствии керамических традиций гребенчато-ямочной, ромбо-ямочной и асбестовой, пористой посуды типа Войнаволок XXVII.

Критический отбор источников, тщательная выборка материала делают выводы и построения автора обоснованными, а реконструкции правдоподобными. Стилистически и научно точные предложения, логичность изложения фактического материала, строгая аргументированность выводов фактами и примерами, многочисленные статистические выкладки, графы и таблицы создают очень хорошее впечатление. Книга написана на высоком профессиональном уровне и, несомненно, будет востребована в научном мире как обобщающий свод источников по энеолиту Карелии.

Валерий Никитин
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2001, № 2.

Рец.: Е. Н. МУСТАЕВ. Марий синоним мутер.
Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2000. 544 с.

Этот словарь в своём современном виде возник не сразу. К сбору и систематизации слов-синонимов автор приступил ещё в 1968 году. С тех пор его картотека постоянно пополнялась извлечениями из художественной литературы, газет, журналов, записей устного народного творчества. Главное внимание, как отмечено в предисловии настоящего Словаря, было уделено автором анализу лексического богатства классиков марийской литературы (С. Чавайна, М. Шкетана, Шабдара Осыпа, Н. Мухина). Широко использованы также тексты современных авторов, в произведениях которых лексический состав пополнился новыми единицами, отражающими сегодняшнее состояние марийского литературного языка. Источником для составления Словаря послужили также марийско-русский (Москва, 1956), русско-марийский (Москва. 1966) словари, «Марий орфографий мутер» (Йошкар-Ола, 1972), лексикографический труд В. М. Васильева «Марий мутэр. Тӱрлӧ вэрэ илышэ марийын мутшым тангастарэн нэргэлымэ книга» («Сравнительный словарь наречий марийского языка») (Моско, 1926; на обложке — 1928) и др.

Первый словарь синонимов выпущен Е. Н. Мустаевым в соавторстве с И. Г. Ивановым в 1975 году. Он имел справочный характер. Лексемы в нём распределены по отдельным группам (или синонимическим рядам) на основе единой понятийной соотнесённости и общности семантики, а их опорные слова-доминанты расположены в общем алфавитном порядке. Объяснения слов в нём вовсе не даны, отсутствуют и примеры употребления слов.

В 1986 году издан словарь синонимов марийского языка в качестве учебного пособия для школ. В отличие от словаря синонимов 1975 года школьный словарь содержит смысловую, экспрессивную и стилистическую характеристику слов, имеющих оттенки различия значений; особенности их употребления иллюстрируются многочисленными примерами из художественной, научной и общественно-политической литературы.

Анализируемый словарь синонимов марийского языка (Йошкар-Ола, 2000) основное внимание уделяет показу смысловых различий между си-

нонимами и сферы употребления близких и тождественных по значению слов, характеристике стилевой принадлежности и стилистической сущности синонимов. В нём систематизированы и описаны лексические синонимы лугово-восточного марийского литературного языка. Они объединены в отдельные группы (синонимические ряды), исходя из общности лексического значения или соотнесения между собой при обозначении одних и тех же явлений, предметов, признаков, действий и т. д. Ср., например: **иземаш** 'уменьшаться, уменьшиться; убавляться, убавиться' — **шагалемаш** 'убывать, убыть; убавляться, убавиться; уменьшаться, уменьшиться' — **пучаш** 'спадать, сбывать, сбыть; убывать, убыть (напр., об уровне воды)' — **турташ** 'уменьшаться, уменьшиться; сокращаться, сократиться (в объёме)' — **мӧнгешташ** 'убавляться, убавиться' — **пычырикемаш (пычырикешташ** — *А. К.*) 'убавляться, убавиться; уменьшаться, уменьшиться' — **чӱдемаш (чӱдешташ** — *А. К.*) 'уменьшаться, уменьшиться (в числе, количестве, объёме)' (с. 7).

Во главе каждого ряда стоит семантически максимально ёмкое и стилистически нейтральное слово, отличающееся широкой сочетаемостью и частотностью употребления. Оно является основным, опорным, стержневым или доминантой. Так, в синонимическом ряду **самырык** 'молодой (-ая, -ое), юный (-ая, -ое)' — **рвезе** 'молодой (-ая, -ое), юный (-ая, -ое)' — **нарашта** 'молоденький (-ая, -ое)' — **пӧргӧ** 'молодой (-ая, -ое)' — **ужар** (букв. 'зелёный'), перен. 'молодой (-ая, -ое), незрелый (-ая, -ое)' доминантой является лексема **самырык** (с. 7).

Словарь содержит 912 синонимических рядов, в которых объединено 3450 слов и устойчивых выражений.

Синонимические ряды в словаре расположены в алфавитном порядке по стержневому слову. Все слова того или иного ряда также располагаются по алфавиту, что облегчает нахождение нужной лексемы и её синонимов. Так, первыми после доминанты даются слова, употребляющиеся наиболее широко и являющиеся нейтральными, затем — ограниченные сферой употребления, далее идут разговорные, просторечные слова и слова, имеющие диалектную окраску, после них приводятся новорусизмы. Синонимический ряд завершают, если они имеются, фразеологические сочетания. Например: **вик, вигак, викшым, тура (туран), чынжым, рашыжым, лачшым, прамай, чоным кочде.** Перечисленные слова объединены в одну группу общностью значения «прямо, честно (сказать), сказать правду» (с. 55). Просторечное слово **прамай** определяется как русизм. Фразеологизм **чоным кочде** (букв, 'душу не съев') характеризуется функционально-стилевой окрашенностью. По мнению Е. Н. Мустаева, он вносит в речь образность.

Синонимические ряды состоят из разных по своему характеру слов-синонимов (смысловых — «оттеночных», экспрессивных и стилистиче-

ских). Поэтому в синонимических группах и в описаниях синонимов указывается сфера их употребления (напр., разговорное, переносное и др.), способность сочетаться с определёнными словами (напр., синонимы **йыжыг, ал** 'сила, мощь' встречаются лишь в ограниченных сочетаниях: **йыжыг уке, ал уке** 'нет силы, нет мочи', **йыжыг пытен** 'сила иссякла', **ал каен** — букв. 'сила ушла' (с. 55), **ал каяш** 'ослабеть, размякнуть, изнемочь'. Иногда в словаре отмечается, при каком условии могут выступать определённые группы слов в качестве синонимов, напр.: **леве** 'тёплый', **умыр** 'тёплый, тихий', **лывырге** 'тёплый' (о погоде, о ветре) (с. 204).

По своей лексико-грамматической соотнесённости в синонимические группы объединены только слова одной части речи. Например, имена существительные: **амбар, клат, склад** (с. 148); прилагательные: **ару, яндар, йытыра, чатка, чатката, чиста** 'опрятный, чистый' (с. 36); местоимения: **весе, моло, южо** 'другой, иной' (с. 51); глаголы: **шӱяш, мортаҥаш, мортияш, роткылгаш, лозыргаш** 'гнить, загнивать, разлагаться' (с. 514); наречия: **чот, кыртмен, тазан, чеслын, пенгыдын, талын, вийын, кӱлынак** (с. 463); послелоги: **гай, семын, виса, дене икте** 'как, будто, словно, как будто' (с. 79).

Синонимические ряды складываются иногда из отдельных слов и словосочетаний разных типов: 1) знаменательные слова и сочетания знаменательных слов со служебными; 2) слово и фразеологическое сочетание. Примерами синонимов первой группы могут служить: **икмардан, икшырымын, ик шот дене** 'в среднем' (с. 93); **вескана, вара, иктаж гана** 'потом, в другой раз' (с. 53); **адак, тыгак, эше, да эше, адакшым эше, тыгак эше** 'ещё, да ещё, также' (с. 19). Примерами синонимов второй группы являются: **кангга, какши, туй, явык, кыне туле гай, лу ден коваштыже** 'худой, тощий' (с.137); **лишне, воктене, тембалне, нер йымалне, кид йымалне, кид шумаште** 'близко, рядом' (с. 207); **мераҥ, кужувылыш, кӱчык поч, шайык (важык) шинча, лум ӱмбач кудалше** 'заяц' (с. 231).

Встречаются изредка парные синонимичные словосочетания: **ик могырым — вес могырым, ик шот дене — вес шот дене** 'с одной стороны — с другой стороны' (с. 91).

С точки зрения структуры слова-синонимы также неоднородны: одни из них непроизводны (**арам** 'напрасно, попусту, зря'), другие — производны (**арамлан, арамеш** 'напрасно, попусту, зря') (с. 31); **куаныше (куанышан), кумылзо (кумылзак)** 'весёлый, радостный, приветливый' (с. 52); **йӧрлаш (йӧралташ)** 'валиться, падать, рушиться' (с. 115); **канаш (каналташ)** 'отдохнуть, передохнуть' (с. 135). И те, и другие фигурируют в одном синонимическом ряду: **вуй йомаш —вуйым йомдараш, вуй кошаргаш — вуйым кошарташ** (с. 155); **онар — онарле** (с. 173); **кылга — кылгака** (с. 203) и др. Нетрудно увидеть, что в образованиях подобного типа имеются семантические оттенки. Так, внутриглагольное словообразование

в марийском языке всегда создаёт глаголы с видовым и залоговым значениями (См.: Современный марийский язык. Морфология.— Йошкар-Ола, 1961.— С. 220—239). Суфф. **-алт (йӧралташ, каналташ)** от односложных и двусложных глаголов с длительным значением образует глаголы с семантикой однократно-моментального действия или состояния. Суфф. **-ка** в именах прилагательных **(кылыгака)** служит для выражения значения неполноты обладания качеством. Суфф. **-зак** образует имя существительное от этого же грамматического класса, обозначающего лиц по их характеру или склонности к чему-либо **(кумылзак).** Как явствует квантитативный анализ синонимов, синонимические ряды неодинаковы: в одних два-три слова: **алга, кӧрж** 'серьги, серёжка' (с. 23); **волгыдо, яндар, сото** 'светлый, чистый, ясный; светло, ясно' (с. 65); **кас, водо** 'вечер; вечерний' (с. 139) и т. д., в другие включаются большее количество слов и оборотов: **кӱжгемаш, тӧрланаш, тырлаш, ӧрдаш, вийнаш, правитлаш** (разг.) 'полнеть, толстеть; поправляться' (с. 184); **лапчык, ластык, ярпака, лыпчык-лапчык, йырвык-йорвык** 'лоскуток, клок, клочок' (с. 201); **колаш, пыташ, кавараш, кошаргаш, вуйым пышташ, вуй йомаш (вуйым йомдараш), вуй кошаргаш (вуйым кошарташ), вуйлан толаш, ӱмыр кӱрылташ, ӱмыр лугыч лияш, ӱмыр кошаргаш, ӱмыр шуаш (ӱмырым шукташ), ӱмыраш омо дене малеи колташ, рокыш пураш (возаш), ош тӱня дене чеверласаш, чумалген возаш, йолым шуялташ (чумалташ), илышаш кече лугыч лияш, илаш ӧрканаш, илаш шӱден кодаш** 'умереть, перестать существовать, стать мёртвым' (с. 155—156).

Особый интерес представляет ситуация, когда синонимические отношения, наблюдающиеся у слов одной части речи, сохраняются и в том случае, когда от них образуются производные слова другой части речи. Любопытными примерами в этом отношении могут служить глаголы-синонимы: **ажгынаш, ораш, ажаш** 'беситься, безумствовать, разъяриться' (с. 291); **сусыргаш, эмганаш, айманаш, ранитлалташ** 'пораниться, ушибаться' (с. 386); **тушкаш, нерынчаш** 'лепить, замазывать что-либо (глиной, цементом и т. д.) (с. 417). Ср. производные от них имена существительные: **ажгынымаш, орымаш, ажымаш** 'буйство, свирепство, ярость, неистовство, остервенение'; **сусыргымаш, эмганымаш, айманымаш, ранитлалтмаш** 'ушиб, ранение'; **тушкымаш, нерынчымаш** 'замазывание; лепка'.

К сожалению, автор словаря не указал на факт существования синонимических отношений в сфере отглагольных существительных.

Синонимические ряды, как правило, складываются из абсолютных (полных), идеографических (греч. idéa 'понятие' + graphō 'запись')- названий предметов, понятий одной тематической группы или подразряда и стилистических синонимов. Абсолютными синонимами являются слова, полностью совпадающие по значению и употреблению; разряд идеографи-

ческих синонимов составляют лексемы, различающиеся оттенками денотативного (лат. denotatus 'отмеченный, обозначенный') значения — разновидностью названия какого-либо понятия, предмета, явления, отличающегося от основного размером, качеством, характером действия или состояния и другими признаками; стилистические синонимы — слова, одинаковые или близкие по денотативному значению, но употребляющиеся в разных стилях, имеющие различную эмоционально-стилевую окраску.

Так, абсолютными синонимами являются слова **возаш** 'писать, написать' — **сераш** 'то же' (с. 63), **кенета** 'вдруг, внезапно' — **трук** 'то же' (с. 144), **кӧгӧн** 'замок' — **сура** 'то же' (с. 167), **сонгыра** 'глухой' — **чокрак** 'то же' (с. 378). Данный тип синонимов, как правильно отмечает Е. Н. Мустаев, чаще всего встречается среди имён существительных (с. 9).

В разряде идеографических синонимов фигурируют слова типа **тале** 'сильный' — **виян** 'сильный, мощный' — **куатле** 'сильный, могучий' (с. 59), **кангга** 'худой, тощий' — **какши** 'очень худой' — **явык** 'худой, тощий, бледный' (с. 137), **нояш** 'потерять силу, прийти в состояние усталости' — **ярнаш** 'уставать, устать' — **шумаш** 'утомиться, устать (о частях тела)' — **улнаш** 'выбиться из сил' — **пылнаш** 'потерять силу, изнуриться, обычно из-за тяжёлой жизни, трудных условий существования' (с. 263). Синонимы этого типа, по мнению Е. Н. Мустаева, способствуют предельно точному, ясному выражению мысли, выполняют в речи функцию уточнения, углубления высказывания (с. 8).

Примерами стилистических синонимов служат слова **йӱаш** 'пить', **лӧкаш** 'пить (много), лакать', **кӧпкаш** 'пить в большом, неумеренном количестве' (с. 119—120), **кыраш** 'бить, побить, избить', **топкаш — лочкаш — ропкаш** 'колотить, лупить' (с. 194). Е. Н. Мустаев отмечает в этой связи, что «к ним примыкают глаголы с переносным значением **почкаш** 'колотить, лупить', **нӱжаш** 'лупить, дубасить', **поньыжаш** 'лупить'» (с. 9).

Словарный состав синонимических рядов складывался веками. Все слова в них можно разделить на два больших класса с точки зрения их происхождения: исконные, изначально присущие марийскому языку, и иноязычные, т. е. заимствованные марийским языком из других языков.

Подобно геологическим отложениям, в разряде исконных слов можно обнаружить пласты лексики, отражающие разные стадии языкового развития. Наиболее древним является пласт слов, сохранившихся с тех времён, когда существовал уральский праязык. Эти слова имеют родственников в других финно-угорских и самодийских языках. Таковы, например, некоторые глаголы, обозначающие элементарные явления жизни, действия, восприятия: **илаш** 'жить' (доминанта), **илылташ, илышташ** 'поживать, жить кое-как', **илаш-кутыраш** (разг.), **илаш-шӱлаш** (разг.) 'житьё-бытьё' (с. 100), ср. фин. **elä-** , эст. **ela-** , венг.**el-** , ненец. **jīl'e-** 'жить' (12, с. 405); **колаш, пылышыш пураш** 'услышать (о чём-, о ком-либо)'

(с. 155), ср. фин., эст. **kuule-**, венг. **hall-** 'слышать', самод., ненец, **hā** 'ухо' (12, с. 407); **кумаш, петыраш** 'закрыть, сомкнуть глаза' (с. 176—177), ср. фин. **kuunu** 'полуоткрытое состояние глаз', мордЭ, мордМ **коня-**, удм., комиЗ **кунь-**, венг. **hūny-** , самод., ненец. **χajem-** 'мигать' (12, с. 405).

Следующий по времени пласт лексики — слова общефинно-угорского происхождения. Они сохранились в марийском языке от времён финно-угорской языковой общности. Общефинно-угорская лексика составляет более обширный и разнообразный разряд слов, чем лексика уральского происхождения. Это, например, названия растительного мира: **тӱг** 'основание; основа; основной, главный', ср. фин. **tyvi (tyven)**, эст. **tüvi (tüve)** 'ствол' (12, с. 414), удм. **дӥнь** 'комель' (22, с. 124), комиЗ **дін** 'комель' (5, с.198), венг. **tō' (tövet, töve, tövek)** 'корневище, корень'; 'основа' (28, с. 1000). Данная лексема синонимична слову **рӱдӧ** 'сердцевина; ось; центр, центральный, середина'. В составе синонимического ряда они имеют общее значение 'главный, центральный', хотя отличаются денотативным оттенком: **тӱг** — 'главный, являющийся самым важным, самым существенным среди других'; **рӱдӧ** — 'центральный, такой в котором сосредоточено наиболее важное и существенное по сравнению с другими' (с. 420).

Названия животных: **пий** 'собака', вступающее в синонимические отношения с фразеологизмом **кадыр поч** (букв. 'кривой хвост'), ср. фин., эст. **peni**, мордЭ **пине**, мордМ **пиня**, удм. **пуны**, комиЗ **пон** 'собака' (12, с. 416); названия для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий (глаголы): **леведаш** 'закрыть, окутывать, затянуть, застлать, сделать что-либо невидимым (преимущественно о тучах, тумане, дыме)' (с. 204—205), ср. саам. **liehppa** 'лесная изба', ? комиЗ **лэб** 'навес, стреха', манс. **lēp** , венг.**lep-** (12, с. 418), **lepel** 'покрывало; покров; оболочка; прикрытие' (28, с. 73); **пураш** 'грызть', 'кусать', 'жевать' (с. 342), ср. фин., эст. **pure-** 'кусать, укусить', мордМ, Э **поре-** 'грызть, глодать, жевать', удм. **пуры-** 'искусать (о собаке), комиЗ **пур-** 'укусить', 'искусать', хант. **por-** , манс. **pur-**, **por-** 'кусать', 'укусить' (12, с. 418); названия, служащие для выражения различных качеств, свойств, состояний и т. д.: **у** 'новый' (с. 432), ср. фин. **uusi (uuden)**, эст. **uus (uue)**, мордЭ, мордМ **од**, венг. **új** 'новый' (12, с. 421): слова, обозначающие различные блюда, напитки и т. п.: **лем** 'суп, бульон, отвар' (с. 512), ср. фин. **liemi (liemen)**, эст. **leem (leeme)**, мордЭ **лем** 'суп', 'сало', 'жир', мордМ **лям** 'щи', удм. **лым** 'уха', 'бульон', комиЗ **лем** 'студенистый', 'загустевший навар' (напр., рыбный, мясной), манс. **lām, lə̄m** 'суп', венг. **lé (levet)** 'сок', **leves** 'суп' (12, с. 423).

Лексический слой финно-пермского происхождения сформировался в период, когда общефинно-угорский язык распался на две самостоятельные ветви — финскую и угорскую. Финно-пермскую лексику образуют слова, общие для прибалтийско-финских, саамского, финно-волжских и пермских языков. Они весьма разнообразны по своим лексико-семанти-

ческим группам, чем слова общефинно-угорского происхождения. Напр., мар. **лӱмӧ** 'болячка, струп; короста (на коже человека)' (с. 219) соответствуют: в мордЭ **леме** 'экзема на голове', удм. **лом**. комиЗ **лӧм**, а в венг. слово иного корня — **pattanás, kelés** 'болячка' (29, с. 95), **var, pörk** 'струп' (30, с. 693), **rüh (es borkiütés)** 'короста' (29, с. 691).

К финно-пермской лексике относятся, например, следующие слова, имеющиеся в «Словаре синонимов марийского языка»: **кочкаш** 'есть, принимать пищу' (с. 162), **куткыж** 'орёл, беркут' (с. 37, 183), **кылмаш** 'продрогнуть, мёрзнуть' (с. 194), **лугаш** 'путать' (с. 175, 212), **лӱшташ** 'доить, подоить' (с. 221), **пондо** 'палка' (с. 327), **поро** 'добрый, хороший' (с. 328), **пӧрдалаш** 'поворачиваться то в одну, то в другую сторону в лежачем положении' (с. 334), **пундаште** 'на дне' (с. 126, 340), **ышташ** 'делать, сделать что-либо' (с. 410, 520) и т. д.

Слова, восходящие к предполагаемой финно-волжской языковой общности, имеют соответствия в саамском, прибалтийско-финских и мордовских языках, например: **велаш** 'падать, спадать, выпадать (о дожде, снеге, листьях, волосах и т. д.)' (с. 102), ср. мордМ **велямс** 'свалиться, обвалиться, обрушиться' (9, с. 109); **йошкар(ге)** 'красный' (с. 112), ср. мордЭ **якстере** (26, с. 800), мордМ **якстерь** 'красный' (9, с. 916); **йӱкшемдаш** 'холодеть, становиться прохладным' (с. 121), ср. мордЭ **экшемемс** 'охладиться, остыть' (26, с. 777); **кугу** 'большой, имеющий большой размер, величину' (с. 173), ср. фин. **koko** 'размер, величина' (25, с. 247); **куржаш** 'убежать, удрать' (с. 180—181), ср. фин. **karata** 'убегать, бежать, сбежать' (25, с. 199); **кӱкташ** 'варить, печь мясо, картофель и т. д.' (с. 187), ср. фин. **keittää** '(с)варить; (вс)кипятить, прокипятить' (25, с. 213); **муро** 'песня, мелодия' (с. 243), ср. мордЭ **моро** 'песня' (26, с. 390), мордМ **мора** 'песня' (9, с. 389); **пышташ** 'класть, положить' (с. 286, 355), ср. фин. **pistää** 'класть, положить; (по)ставить' (25, с. 469); **тошто** 'давний, давнишний, старый, древний, прежде, раньше' (с. 268, 408).ср. морд; **ташто** 'старый, ветхий; прежний' (26, с. 650), мордМ **ташта** 'старый, ветхий' (9, с. 710); **удылаш** 'молиться' (с. 434, 461), ср. фин. **udella** '(по)любопытствовать, любопытничать' (25, с. 673); **шуралташ** 'впихнуть, поместить куда-либо, применяя некоторое усилие' (с. 469, 503), ср. фин. **survoa** 'толкать; пихать, запихивать' (25, с. 599); **шӱргӧ** 'лес' (с. 460, 513), ср. саам, **sargga** 'густой лес' (7, с. 90).

Марийский народ с древних времён вступал в торговые, культурные, военные, политические связи с соседствующими народами и другими государствами, что не могло не привести к языковым заимствованиям. Иноязычные слова, постепенно видоизменяясь по фонетическим законам марийского языка и подчиняясь механизмам его словопроизводства и семантической системы, входили в число слов общеупотребительных.

По времени появления заимствованная лексика неоднородна: одни

слова в ней относятся к периоду уральской языковой общности, другие — к финно-угорскому языковому единству, третьи пришли в исконную лексику в период финно-пермской языковой общности, четвёртые пополняли марийский язык в финно-волжский период его существования и, наконец, значительное количество слов вошло уже в собственно марийскую лексику.

Так, в синонимическом ряду **уста, мастар, кид-йол толеш, шӧртньӧ кид** 'мастер, искусный человек' (с. 439—440) фигурируют разные по происхождению лексические элементы. В фразеологизме **шӧртньӧ кид** (букв. 'золотая рука') 'мастер высокого класса, виртуоз' (с. 440) слово **шӧртньӧ** 'золото / золотой (-ая, -ое)' является иранизмом периода финно-угорской языковой общности, ср., напр., лексемы родственных языков: венг. **arany**, мордЭ **сырне** (26, с. 629), мордМ **сырня** (15, с. 76) , удм. **зарни** (16, с. 308), комиЗ **зарни** (13, с. 186), а также скиф. **zaranya**, осет. **zəerinəe** 'золото, золотой' (10, с. 310), авест. **zarənav-** 'золото; **zarənya-** 'золотой' (11, с.72).

Лексема **кид** 'рука' относится к словарному фонду финно-угорского происхождения, ср. её праформу и слова родственных языков: * **kate** > фин. **käsi (käden)**, эст. käsi (käe), мордЭ **кедь**, мордМ **кядь**, удм., комиЗ **ки**, венг. **kéz (kezet)** (12, с. 412). В фразеологизме **кид-йол толеш** (букв. 'рука идёт; удаётся что-либо') 'искусный человек' лексический элемент **йол** 'нога' восходит к разряду слов финно-угорской языковой общности, ср. фин. **jalka**, эст. **jalg** 'нога', морд; **ялго**, мордМ **ялга** 'пешком', венг. **gyalog** 'пешком' (12, с. 412). Слово **толеш** (начальная форма **толаш** 'прийти, приходить') унаследовано ф.-у. языками из уральской языковой семьи. Ср., напр., слова уральских языков: фин. **tulla** (17, с. 649), эст. **tulema** 'прийти' (18, с. 541), сельк. **тӱ̄ка** (2, с. 182), ненец. **тось** 'прийти' (14, с. 218).

Марийское слово **уста** 'умелый, искусный', по мнению М. Р. Федотова, восходит к чув. **ăста**, к которому после знака равенства приведено тат. слово **оста** (24, с. 174). Н. И. Исанбаев мар. **уста** 'мастер, умелец' квалифицирует как татаризм (3, с. 168).

Такая двойственность, позволяющая проецировать мар. слово **уста** к разным тюркским источникам, не гарантирует сколько-нибудь надёжных выводов о происхождении анализируемой лексемы. Уместно при этом отметить, что **уста** является словом арабо-персидского происхождения, пришедшим в марийский язык через посредство булгарского языка, ср. араб. **остаз** 'мастер, умелец' (1, с. 468).

Слово **мастер** характеризуется в марийском языке как русизм. Русисты считают его ранним древнерусским заимствованием из греческого языка (не позднее X века), ср. греч. **mastoras** 'мастер, ремесленник' (8, с. 257).

Слова **йошкарге, чевер, ал, кына, куксин, сандал** характеризуются как квази- или неполные синонимы. Их значения, совпадая в основном, различаются друг от друга своими оттенками, выделяя в называемой вещи

насыщенность цветовой гаммы. Так, доминанта **йошкарге** наполнена смысловым содержанием красный: **чевер** служит для обозначения яркого, насыщенного красного цвета; **ал, кына** — для более светлого тона; **куксин, сандал** — для более тёмного, соответствует русскому «пунцовый» (с. 112—113).

Исторически они восходят к разным языковым источникам. Слово **йошкар(ге)** 'красный (-ая, -ое)', судя по фонетическому облику и семантике близких ему слов родственных языков, является лексическим наследием волжско-финской языковой общности, ср. мордЭ **якстере** (26, с. 800), мордМ **якстерь** (9, с. 916). В других финно-угорских языках для обозначения красного цвета употребляются лексемы иного происхождения, ср., например, фин. **punainen** (17, с. 314), эст. **punane** (18, с. 261), саам. **рӯппьсесь** (4, с. 168), венг. **piros, vörös** 'красный (-ая, -ое)' (29, с. 703), хант. **вурты, урты** (19, с. 155), манс. **кӗлп, вегер** 'красный (-ая, -ое) (6, с. 127).

Мар. слово **чевер** 'красный (ярко-красный); румяный' этимологизируется как тюркизм, ср. тат. **чибәр**, чув. **чипер**. ойр. **чәбәр**, др.-тюрк, **чебәр** (24, с. 275; 3, с. 178).

Слово **ал** 'алый' Н. И. Исанбаев характеризует как татаризм, приводя параллели из других тюркских языков, напр., башк. **ал**, кирг. **ал**, др.-тюрк. **ал** 'алый, светло-розовый' (3, с. 13).

Лексема **кына** 'розовый, алый' относится к числу татаризмов, ср. тат. и башк. **кына** 'розовый, алый' (3, с. 94). Указанные тюркизмы восходят к араб. источнику, ср. араб. **ḥinnā'** (31, с. 159).

Слово **куксин** 'тёмно-красный' в диалектах марийского языка употребляется для обозначения широкого спектра цветовой гаммы: розовый, тёмно-розовый; тёмно-малиновый, густо-красного цвета с примесью фиолетового. Уральские мари этим словом именуют гвоздику (Dianthus L.) **-кукс'ин с'ӓс'кӓ** 'цветок гвоздика'. В красноуфимском говоре марийского языка оно относится к собственно заимствованной лексике. Полностью «акклиматизировавшись» на языковой почве говора, оно уже не воспринимается как не исконное. В «Словаре русских говоров Среднего Урала» (Свердловск, 1971) этой лексемы нет, однако в нём имеется фразеологизм **кукся болотная** — экспр. о капризном ребёнке (с. 72). В «Словаре русских народных говоров 16» (Ленинград, 1980) слово **кукся** фигурирует со значением «комнатное растение с розовыми цветками» (с. 45). Рус. диал. **куксин** восходит к слову **фуксин** 'синтетический краситель ярко-красного цвета' (20, с. 586), заимствованному из немецкого языка, ср. **Fuchsin** — название по сходству цвета с окраской цветков растения **фуксия** (21, с. 665). Этот краситель обычно применяется для крашения кожи.

Марийское слово **сандал** 'розовый' Н. И. Исанбаев относит к числу тюркизмов, иллюстрируя примерами: тат. **сандал агачы** 'сандаловое де-

рево', **сандал белӓн бояу** 'красить сандалом', чув. **сантал** 'красная растительная краска', башк. **һандал** 'сандал (краска)' (3, с. 129).

Однако пути проникновения этой лексемы в марийские диалекты были различными. Не исключено, что она могла попасть через посредство булгарского языка из арабского. Араб. **sandal** восходит к др.-инд. **candanas** 'сандаловое дерево' (23, с. 556). Она могла попасть из русского языка, ср. др.-рус. **сандалъ** (23, с. 556). Определить конкретные пути заимствования этого слова факторами лингвистического порядка нелегко, так как в языках-посредниках оно выступает с одинаковой семантикой, полностью совпадая в своём фонетическом облике.

Объяснения родственных связей слов, их происхождения, исконного значения, как правило, даются в этимологических словарях. Однако ни в отечественной, ни зарубежной лексикографии нет специального историко-этимологического словаря синонимов какого-то конкретного языка. Если автор настоящего Словаря синонимов приступил бы к созданию такого лексикографического труда, то, разумеется, решая трудные задачи о происхождении отдельных лексем синонимических рядов, значительно сократил бы количество «белых пятен» в марийской этимологии. Появление же «Историко-этимологического словаря синонимов марийского языка» было бы значительным событием в истории российской лексикографии.

«Словарь синонимов марийского языка» Е. Н. Мустаева — первый и весьма важный опыт полного описания и систематизации синонимических слов лугово-восточного литературного языка. Однако в центре внимания автора находится и диалектная лексика, содержащая много ценного и интересного о многообразных связях синонимов, их эмоционально-экспрессивных и стилистических оттенках. Семантика некоторых диалектных слов и смысловое содержание терминов, выраженных устойчивыми словосочетаниями, сохраняют элемент образного представления. Ср. **йож** (марЛ) 'лёгкая метель, обычно сопровождаемая позёмкой'; **йож мардеж** 'лёгкая метель' (с. 328) и **йож** (марГ) 'вьюга, метель (сильный ветер со снегом), буран'; **йож тӓрвӓнӓ** 'начинается вьюга'. Диалектные **яжо** (марГ), **данле** (марВ), **спай** (марВЛ) имеют значение 'красивый, хороший' (с. 235) и т. д. Всё это способствует показу богатства, гибкости и выразительности марийского языка. Автор, обращаясь к диалектизмам и народной речи, стремился показать естественную свежесть народного слова, возрождая полузабытые слова, старался доказать их пригодность для современного литературного языка.

Словарь рассчитан прежде всего на использование его при изучении курса современного марийского языка в вузе и школе. Он, несомненно, способствует повышению эффективности изучения родного языка, углубляя и расширяя его воспитательное воздействие, способствует пробужде-

нию интереса к нему, развивая у детей и студентов культуру устной и письменной речи.

Его материалы будут полезны как писателям и переводчикам, так и работникам средств массовой информации и периодической печати, а также всем тем, кто интересуется особенностями и богатством марийского языка.

Сокращённые названия языков и диалектов

авест.— авестийский язык, **араб.**— арабский язык, **башк.**— башкирский язык, **венг.**— венгерский язык, **греч.**— греческий язык, **др.-инд.**— древнеиндийский язык, **др.-рус.**— древнерусский язык, **др.-тюрк.**— древнетюркский язык, **кирг.**— киргизский язык, **комиЗ** — коми-зырянский язык, **лат.**— латинский язык, **манс.**— мансийский язык, **мар.**— марийский язык, **марВ** — восточное наречие марийского языка, **марГ** — горное наречие марийского языка, **марЛ** — луговое наречие марийского языка, **мордМ** — мокша-мордовский язык, **мордЭ** — эрзя-мордовский язык, **ненец.**— ненецкий язык, **ойр.**— ойротский язык, **осет.**— осетинский язык, **рус.**— русский язык, **саам.**— саамский язык, **самод.**— самодийские языки, **сельк.**— селькупский язык, **тат.**— татарский язык, **удм.**— удмуртский язык, **фин.**— финский язык, **ф.-у.**— финно-угорские языки, **хант.**— хантыйский язык, **чув.**— чувашский язык, **эст.**— эстонский язык.

Условные сокращения

букв.— буквально, **диал.**— диалектное слово, **разг.**— разговорное, **суфф.**— суффикс, **экспр.**— экспрессивное.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Махмутов М. И., Хамзин К. З., Сайфуллин Г. Ш.* Арабско-татарско-русский словарь заимствований (арабизмы и фарсизмы в языке татарской литературы). Т. 2, Казань, 1993.

2. *Ириков С. И.* Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Пособ. для уч-ся нач. шк. Л., 1988.

3. *Исанбаев Н. И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2 (Словарь татарских и башкирских заимствований), Йошкар-Ола, 1994.

4. *Керт Г. М.* Словарь саамско-русский и русско-саамский. Пособ. для уч-ся нач. шк. Л., 1986.

5. *Тимушев Д. А., Колегова Н. А.* Коми-русский словарь. М., 1961.

6. *Кузакова Е. А.* Словарь манси (восточный диалект) / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 1994.

7. *Куклин А. Н.* Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ). Йошкар-Ола, 1998.

8. *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. Пособ. для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1971.

9. Мокшанско-русский словарь. М., 1998.

10. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.

11. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.

12. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

13. Русско-коми словарь. Сыктывкар, 1966.

14. *Пырерка А. П., Терещенко Н. М.* Русско-ненецкий словарь. М., 1948.

15. *Поляков О. Е., Келина А. Н* Русско-мокшанский школьный словарь. Саранск, 1996.

16. Русско-удмуртский словарь. М., 1956.

17. Русско-финский словарь. М., 1963.

18. *Мухель В.* Русско-эстонский словарь. Таллин, 1977.

19. *Скамейко Р. Р. Сязи З. И.* Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. Пособ. для уч-ся нач. шк. (на языке шурышкарских ханты). Л.,1985.

20. Словарь русского языка. В 4-х т. 3-е изд., стер. М., 1985—1988. Т. IV. С— Я, 1988.

21. Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994.

22. Удмуртско-русский словарь. М., 1983.

23. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва, 2-е изд., стер. М., 1987.

24. *ФедотовМ. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990.

25. *Вахрос И., Щербаков А.* Финско-русский словарь. М., 1977.

26. Эрзянско-русский словарь. М., 1993.

27. *Hadrovics, L.; Gáldi, L.* Magyar-orosz szótár. Hetedik kiadás. Köt. 1. Budapest, 1986.

28. *Hadrovics, L.; Gáldi, L.* Magyar-orosz szótár. Hetedik kiadás. Köt. 2. Budapest, 1986.

29. *Hadrovics, L.; Gáldi, L.* Orosz-magyar szótár. Hetedik kiadás. Köt. 1. Budapest, 1986.

30. *Hadrovics, L.; Gáldi, L.* Orosz-magyar szótár. Hetedik kiadás. Köt. 2. Budapest, 1986.

31 . *Räsänen, M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen // Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVII, 1. Helsinki, 1969.

Анатолий Куклин
Йошкар-Ола

ХРОНИКА

CONGRESSUS NONUS INTERNATIONALIS FENNO-UGRISTARUM
Тарту, 7—13 августа 2000 г.

7—13 августа 2000 года в городе Тарту (Эстония) проходил IX Международный научный конгресс финно-угроведов «Финно-угроведение на пороге тысячелетий». Президент конгресса Тыну Сейлентхаль в присутствии ректора Тартуского университета Яака Аавистоо, патрона конгресса президента Эстонии Леннарта Мери, министра образования Тыниса Лукаса и председателя городского собрания Тарту Пэтера Тулвисте возглавил церемонию торжественного открытия этого научного форума.

В работе конгресса принимало участие 676 ученых из 23 стран мира. Из них 210 ученых приехали из Финляндии, 165 — из Эстонии, 156 — из России, 44 — из Венгрии, а также представители научной интеллигенции из других стран (Швеции, Германии, Голландии, США, Японии, Австралии и впервые из Люксембурга).

За 4 дня научных заседаний было прослушано 10 пленарных докладов, состоялись секционные заседания, где прочитано по лингвистике 207, фольклористике 57, этнологии 37, литературоведению 46, археологии, антропологии, генетике 25 докладов. На 10 симпозиумах и воркшопах прозвучало 110 выступлений. Стендовые доклады представили 12 ученых.

Для широкой научной общественности состоялись пленарные выступления Яноша Гуя (Геттинген) «Quo vadis, Fennougristica?», Тютти Исохоокана-Асунмаа (Хельсинки) «Каким образом финно-угорские народы могут получить пользу от организаций Европы?», Урмаса Сутропа (Таллинн) «От первых генеалогических древ до комплексных языковых корзин».

В предыдущие годы в финно-угроведении было много написано об уральском или финно-угорском праязыке, прародине, языковом родстве, а также освещались проблемы, связанные с генеалогическим древом языков. В связи с этим и доклад археолога Христиана Карпелана (Хельсинки) был посвящен этой проблеме. В то же время не остались в стороне от науч-

ных проблем обзоры по истории общего финно-угроведения и история изучения за последние годы.

Пленарные доклады были заранее опубликованы.

Участники ознакомились с выставками книг и изобразительного искусства. В культурную программу вошли мероприятия по посещению живописных и исторических мест Северной Тартумаа и Южной Эстонии.

Во время конгресса состоялось заседание комитета Международного конгресса финно-угроведов, которое вынесло основное решение о проведении очередного конгресса финно-угроведов в 2005 году в столице Марий Эл г. Йошкар-Оле. На торжественном закрытии конгресса президент X МКФУ Юрий Андуганов пригласил своих коллег принять участие в подготовке и работе очередного международного форума.

29—30 сентября в университете г. Упсала (Швеция) состоялось заседание исполнительного комитета Международного конгресса финно-угроведов (МКФУ).

На нем присутствовали председатель комитета финно-угроведов Российской Федерации, президент X МКФУ профессор Юрий Андуганов, члены исполкома профессор Финно-угорского института университета г. Упсала профессор Ларс-Гуннар Ларссон, председатель комитета финно-угроведов Финляндии профессор Сиркка Сааринен, председатель эстонского комитета финно-угроведов доцент Тыну Сейлентхаль, председатель венгерского комитета финно-угроведов Иштван Фодор, а также генеральные секретари IX и X МКФУ Ану Нурк и Владимир Кудрявцев.

С большим интересом был заслушан доклад президента IX МКФУ Тыну Сейлентхаля. Члены исполкома МКФУ подвели итоги. В первый день работы комитета также была заслушана информация о подготовке очередного МКФУ в г. Йошкар-Оле, с которой выступил президент X МКФУ Юрий Андуганов. В течение 2 дней обсуждался вопрос об организации и проведении следующего научного конгресса на тему «Сходство и различие финно-угорских языков и культур», в связи с чем исполком вынес следующее решение:

1. Исполнительный комитет поручает национальным комитетам выразить свое мнение о теме конгресса до 30 ноября 2001 г.

2. Национальным комитетам обратиться к главам государств о возможности их участия в конгрессе.

3. Рекомендовать национальным комитетам присылать в оргкомитет конгресса новейшую литературу по финно-угроведению для комплектования выставки научной литературы по уралистике.

4. Считать целесообразным включить в пленарное заседание конгресса научный доклад по истории конгрессов финно-угроведов.

5. Созвать очередное заседание ICFUC весной-осенью 2002 г. в г. Йошкар-Оле.

6. Оргкомитету конгресса обратиться в различные фонды Финляндии, Швеции, Венгрии, Эстонии и России с просьбой об оказании финансовой поддержки конгресса.

7. Оргкомитету производить текущую работу через национальные комитеты.

8. Национальным комитетам и членам ICFUC проработать до следующего заседания вопросы, касающиеся тематики пленарных, секционных заседаний и симпозиумов конгресса.

9. Исполнительный комитет предлагает ограничить количество пленарных заседаний до 8.

10. Оргкомитету конгресса определить размеры оргвзноса в евро до заседания ICFUC.

11. Оргкомитету конгресса выяснить возможности размещения участников конгресса в гостиницах Йошкар-Олы.

12. Оргкомитету конгресса выйти в финно-угроведческие центры с предложением подготовить и опубликовать библиографию научных трудов по уралистике, изданных в последние 5 или 10 лет к началу конгресса.

13. Оргкомитету конгресса утвердить тему конгресса до февраля 2002 г. с учетом мнений национальных комитетов.

14. Оргкомитету конгресса проработать вопросы по организации археологической, этнографической, художественной выставок, приуроченных к конгрессу.

Владимир Кудрявцев
Йошкар-Ола

Международная научная конференция «Актуальные проблемы финно-угорской филологии» (Йошкар-Ола, 16—17 ноября 2000 года)

16—17 ноября 2000 года в Йошкар-Оле состоялась Международная научная конференция «Актуальные проблемы финно-угорской филологии», посвященная 80-летию образования государственности марийского народа, 225-летию марийской письменности и 70-летнему юбилею видного финно-угроведа, профессора И. С. Галкина. Проведение конференции было инициировано кафедрой финно-угорских языков Марийского государственного университета, в ее организации участвовали правительство Республики Марий Эл и Марийский научно-исследовательский институт им. В. М. Васильева.

На пленарном заседании было заслушано пять докладов. Доктор исторических наук, заведующий кафедрой региональной истории Марийского государственного университета К. Н. Сануков посвятил свой доклад 80-летию Марийской автономии, рассматривая эту проблему в общем контексте развития государственности финно-угорских народов. Доклад доктора филологических наук, заведующего кафедрой марийского языка МарГУ И. Г. Иванова был посвящен 225-летию марийской письменности. В трех докладах рассматривался вклад профессора И. С. Галкина в развитие марийского и финно-угорского языкознания. Заведующий кафедрой финно-угорских языков Марийского государственного университета профессор Ю. В. Андуганов выступил с докладом «Вклад профессора И. С. Галкина в сравнительно-историческое финно-угорское языкознание», где он раскрыл заслуги юбиляра в этой области. Профессор МГПИ им. Н. К. Крупской А. Н. Куклин посвятил свой доклад анализу лексикологических работ ученого. В выступлении доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника сектора фольклора МарНИИ им. В. М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл А. Е. Китикова профессор И. С. Галкин характеризовался как организатор научных изысканий.

Далее проходила работа секций. В секции **«Функционирование лите-**

ратурных языков» было заявлено 15 докладов. Присутствующие прослушали 12 выступлений исследователей. На секционном занятии докладчики останавливались на актуальной теме путей развития марийских литературных языков, обсуждали проблемы языковой нормы, пути обогащения марийского языка на современном этапе. Большой интерес вызвали доклады профессоров Л. П. Васиковой («Пути развития марийских литературных языков»), З. Г. Зориной («Языковые нормы и их вариативность в марийских языках»); дополнительная к уже известным фактам новая информация содержалась в выступлениях доктора филологических наук Г. И. Лаврентьева («Прямой и косвенный падежи с нулевой флексией: миф и реальность», «Синкретичны ли марийские субстантивные поссессивные суффиксы множественного числа»), доцентов Ф. Т. Грачевой («Письменные литературные памятники на горномарийском языке начала XVIII века») и О. А. Сергеева («Графико-лингвистический анализ двуязычных марийских словарей XVIII—XIX веков»). Актуальным и своевременным оказалось исследование докторанта Моники Шёчел («Создание и использование неологизмов в марийском языке: к вопросу об исследовательском проекте»).

Много выступающих было в секции «**Морфология и словообразование**»: присутствующие приняли участие в обсуждении 10 докладов. Слушающие отметили интересный материал в исследованиях профессоров Н. И. Исанбаева («Русские заимствования XVIII века в марийском языке»), А. И. Кузнецовой («О степенях соответствия глагольного управления в уральских языках»), Марка Гринберга («Speculations on the Origin of the South Slavic gen.sg. a-stem Desinence -k in Slavic»). Много вопросов было задано исследователю Ф. И. Рожанскому («Морфологические принципы адаптации русскоязычных заимствований в марийском языке»), а также докторанту из Швеции Андре Хессельбаку («Some Remarks on the Turkic Origin of Mari Plural Markers»).

На секционном заседании, посвященном рассмотрению вопросов **синтаксиса и семантики,** прозвучало 10 выступлений. Наряду с известными учеными в работе секции приняли участие аспиранты кафедры финно-угорских языков, а также начинающие преподаватели — выпускники факультета. Доклад юбиляра, профессора И. С. Галкина, был посвящен этимологическим проблемам в марийском языке: «О первоначальном значении слов **лоп** и **лап** в марийском языке». В работе секции особо можно выделить сообщения доцентов Н. Ф. Молчановой [«Слитно, раздельно или через дефис? (О написании некоторых марийских названий в русской транскрипции)»], Л. А. Абукаевой («Синтаксические фразеологизмы утверждения, отрицания, согласия, несогласия в марийском языке»), докторанта Е. А. Цыпанова («Грамматическая семантика рефлексива в коми и марийском языках»).

В работе секции **«Фонетика и фонология»** приняли участие трое докладчиков. Несмотря на небольшое количество участников, работа секции прошла плодотворно. На основании докладов профессора З. Г. Зориной («О гармонии гласных в марийских языках»), аспиранта А. А. Илиевой («Вокализм балтачевского говора марийского языка») можно говорить о практически одинаковой системе гласных в горномарийском языке и балтачевском говоре восточного наречия. В сообщении аспиранта М. Ю. Семеновой («Аллитерация в текстах карело-финских рун») доказывается, что при исследовании стилистических характеристик фонологического уровня текстов карело-финских рун необходимо принимать во внимание как созвучие согласных, так и гласных, так как они являются равноправными компонентами при создании стилистических приемов в звуковом потоке речи.

Заседания секций **«Лексикология», «Ономастика и диалектология», «Фольклористика»** также прошли очень активно. На секционном заседании, посвященном вопросам **лексикологии** (11 докладов и сообщений), были отмечены доклады профессора Ральфа-Петера Риттера «К вопросу о прото-германских заимствованиях в марийском и мордовских языках», исследователя Йормы Калерво Луутонена «Компьютерный корпус VOLGCOMP», доцента С. С. Сибатровой «Слово **уке** 'нет' — средство отрицания в марийском языке», докторанта Ульрике Карс «Семантическая структура лексики, связанной со свадьбой в волго-финских языках».

На заседании секции **ономастики и диалектологии** заслушано и обсуждено 8 докладов. Все они были связаны с актуальными проблемами топономастики и диалектологии, ряд сообщений затрагивал и вопросы лингвистической географии финно-угорских языков. Выступления академика К. А. Санукова («К этимологии форманта **-бал- (-бол-)** на постмерянской территории»), профессоров Ф. И. Гордеева («Об удмуртско-марийских топонимических параллелях») и А. Н. Куклина («И. С. Галкин — топонимист») вызвали большое количество вопросов, свидетельствовавших о неподдельном интересе аудитории к обсуждаемым проблемам. Внимание слушающих было также приковано к выступлениям исследователя О. А. Казакевич («К вопросу о локальных вариантах северного (тазовско-туруханского) диалекта селькупского языка: Говор Пуровской Тольки»), а также сообщению научного сотрудника МарНИИ В. М. Вершинина («О миграциях марийцев в низовьях Вятки и Камы по данным топонимии»).

В работе секции **фольклористики** известные ученые и начинающие исследователи обсудили 9 докладов, в которых анализировались различные аспекты финно-угорского, марийского фольклора. Можно отметить сообщения профессоров Т. А. Золотовой («Финно-угорские материалы, их значение в этногенетических разысканиях по восточнославянским ритуальным комплексам»), А. Е. Китикова («Народные поверья как жанр марий-

ского фольклора»), И. С. Иванова («Жанры марийских свадебных песен»), доцента Г. Е. Шкалиной («Становление марийской фольклористики как науки»).

На секционном заседании, посвященном вопросам **литературоведения,** было обсуждено 9 докладов. Большой интерес был проявлен слушающими к выступлению зав. отделом литературы МарНИИ А. А. Васинкина на тему: «Принцип индивидуализации персонажей в произведениях А. Красноперова». Много вопросов, заданных к докладам молодых исследователей С. П. Чесноковой («Художественный мир поэзии А. Ивановой») и Г. Н. Бояриновой («Двойственность коршуновского героя»), свидетельствуют об актуальности избранной ими тематики и методики их исследований. Вызывает удовлетворение и тот факт, что финские исследователи не оставляют без внимания произведения марийской литературы. Так, в работе исследователя Лисы Нюландер анализируется творчество Зинаиды Катковой («Zinaida Katkova — Hits the Nail on the Head in her Writings").

Все доклады участников конференции были приняты очень внимательно: выступающим задавалось много вопросов, жаркие дискуссии разгорались в прениях по докладам.

В работе конференции приняли участие известные отечественные ученые из различных регионов России, а также исследователи из Финляндии, Швеции, Германии, США.

Юрий Андуганов,
Наталья Глухова
Йошкар-Ола

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ И ПРЕПОДАВАНИЮ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

27–28 марта 2001 года в Москве состоялась Международная научная конференция «Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков». Она была посвящена 30-летию начала преподавания венгерской и финской филологии на филологическом факультете Московского государственного университета. Открытие конференции и пленарное заседание состоялись в здании гуманитарных факультетов МГУ. А секционные занятия были проведены в Культурном, научном и информационном центре Венгерской Республики в Москве. Там же состоялся концерт, посвященный 120-летию со дня рождения венгерского композитора Белы Бартока, и проведено заключительное пленарное заседание с подведением итогов. Посол Венгрии в России Эрнэ Кешкень устроил торжественный прием для участников конференции. Все это было связано с тем, что Посольство Венгерской Республики выступало спонсором научного форума.

При открытии конференции ее участников приветствовали: заведующий кафедрой общего и сравнительно–исторического языкознания МГУ профессор С. Н. Кузнецов, Чрезвычайный и Полномочный посол Венгерской Республики в России доктор Эрнэ Кешкень, председатель Международного консультативного комитета финно-угорских народов В. П. Марков, представитель Министерства культуры Венгрии Роза Тот, директор Культурного, научного и информационного центра Венгерской Республики в Москве Берталан Силанк, директор Хунгарологического центра по преподаванию венгерского языка за рубежом Дердь Твердота, Чрезвычайный и Полномочный посол Эстонии в России Тийт Матсулевич, представитель Совета по международным делам Министерства образования Финляндии Марьют Вехканен, главный редактор журнала «Финно-угроведение» К. Н. Сануков.

На пленарном заседании участники конференции заслушали доклады по широкой тематике.

Йожеф Горетить (Венгерский культурный центр, Москва) и Арто Лехмускаллио (Хельсинки) говорили о проблемах учебного и художественно-

го перевода с венгерского и финского языков на русский. Шандор Матичак и Иштван Хоффманн (оба – Дебрецен) в своих докладах подняли теоретические и практические вопросы преподавания венгерского языка как иностранного. Доклад К. Н. Санукова (Йошкар-Ола) был посвящен тенденциям развития современного финно-угроведения.

Свои размышления на основе накопленного опыта преподавания представили И. И. Муллонен из Петрозаводска («Топонимический материал в лекционном курсе «Введение в финно-угроведение») и В. К. Кельмаков из Ижевска («Преподавание финно-угорских языков в Удмуртском госуниверситете в свете языковой политики государства»). Несколько докладов было посвящено актуальным вопросам финно-угорского языкознания: П. М. Зайков (Петрозаводск) – «История имперфекта в карельском языке», А. Н. Куклин (Йошкар-Ола) – «Коммуникативные и семантические особенности речевых средств марийского языка», М. В. Мосин (Саранск) – «О некоторых явлениях развития финно-угорской основы слова в финно-волжских языках». Большой интерес вызвало выступление представителя Министерства иностранных дел Венгрии профессора Дердя Нановски (Будапешт) – «Финно-угорские народы: история и современность в монографии «Сородичи по языку». Эта фундаментальная книга была подготовлена венгерскими учеными (с участием нескольких авторов из России) под руководством Дердя Нановски к III Всемирному конгрессу финно-угорских народов, состоявшемуся в декабре 2000 года в Хельсинки. (Это, по существу, второе, расширенное и исправленное издание книги «Финно-угорский мир», изданной в Будапеште в 1996 году ко II Всемирному конгрессу родственных народов).

Обстоятельные дискуссии по различным проблемам финно-угристики и методики преподавания прошли по секциям. На конференции их было четыре: 1) финно-угорское языкознание; 2) литература и фольклор финно-угорских народов; 3) преподавание финно-угорских языков; 4) история, этнография, культура финно-угорских народов.

Разумеется, по сложившейся традиции самой многочисленной была первая секция, малочисленной – четвертая. Самое примечательное явление, свидетельствующее о насущной потребности обобщения и обмена опытом преподавания, – не только создание особой секции по этому направлению, но и то, что в трех других секциях большинство докладчиков и выступавших тоже в той или иной мере касались вопросов преподавания языка, литературы, фольклора, культуры, истории родственных народов. Из этого напрашивается вывод о необходимости организации специальной международной научно–практической конференции по этой проблеме. Во всех финно-угорских регионах сложились традиции и накоплен большой опыт преподавания родного языка и литературы собственного народа. Этот опыт необходимо научно обобщить, сделать общим достоянием.

Но обучение финскому, венгерскому, эстонскому языкам находится в начальной стадии (возможно, за исключением Карелии в отношении финского). При этом с сожалением приходится отмечать, что венгерский язык преподается только в Удмуртском госуниверситете. А что касается преподавания культуры и истории родственных народов, то здесь пока наблюдаются лишь поиски путем «проб и ошибок», и тем более нужен обмен опытом.

На конференции в МГУ участвовали ученые из всех финно-угорских регионов, кроме московских и венгерских ученых, большой дружной командой были представлены удмурты. Ими было в программе заявлено 26 докладов и почти все они состоялись. Значит, возможности для поездки были найдены. А вот из 10 намеченных марийских докладчиков приехали и выступили только пятеро. Примерно столько же было представителей коми, мордвы, карел. Несмотря на трудности переживаемого момента, ученым и педагогам необходимо стараться больше общаться. В этом – залог движения вперед.

Конференции, подобные этой, являются важной необходимой частью подготовки к X Всемирному конгрессу финно-угроведов, который состоится в Йошкар-Оле в 2005 году.

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ» ЗА 2001 ГОД

Андуганов Ю., Глухова Н. Международная научная конференция «Актуальные проблемы финно-угорской филологии» (Йошкар-Ола, 16—17 ноября 2000 года) 2

Глухова Н. Gender Research in Mari El 2

Гришкина М. Ненасилие: архетипы и социальные доминанты восточных финно-угров 2

Данилов О. Культ лося и оленя у финно-угорских народов (истоки и развитие) 2

Витухновская М. Карелы и Карелия в контексте имперской политики России 1

Илюха О. Школьная политика и проблемы народного образования в Олонецкой и Архангельской Карелии 1860—1930 гг. 1

Калягин С. Кооперация и сохранение марийской вышивки 2

Килин Ю. Гражданская война в России и рождение Карельской автономии 1

Коньшин А. Коми-пермяцкая постсоветская деревня: проблемы деэтатизации 1

Коспырева О. Трагедия сильной личности-одиночки в произведениях коми писателей конца двадцатого века 2

Кудрявцева Р. Рассказ Геннадия Гордеева «Водяная мельница»: опыт целостного анализа 2

Кудрявцева В. Финно-угорский мир России между исламом, христианством и язычеством 1

Кудрявцев В. Рец.: Климов К. М. Ансамбль как образная система в удмуртском народном искусстве IX—XX вв. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 1999. 320 с. 2

Кудрявцев В. Congressus Nonnus Internationalis Fenno-ugristarum. Тарту, 7—13 августа 2000 г. 2

Куклин А. Рец.: Мустаев Е. Н. Марий синоним мутер. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2000. 544 с. 2

Куликов К., Никитина Г., Иванова М. Удмуртскому институту истории, языка и литературы Уральского отделения РАН — 70 2
Куликов К. Финно-угорские народы России в условиях реформ 1990-х годов 1
Лисовская Г. К. Ф. Жаков и его роман «Сквозь строй жизни» в мифологическом аспекте 2
Малова В. Возникновение синонимов в горномарийском литературном языке на примере глаголов 2
Нестерова Н. Государственная национальная политика в Республике Коми в конце XX века: от кризиса к подъему 1
Никитина Г. Рец.: Иванова М. Г., Куликов К. И. Древнее искусство Удмуртии / Фотоальбом. Ижевск, 2000. 28 п. л. 2
Никитин В. Рец.: Жульников А. М. «Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой)». Петрозаводск, 1999. 97 с.: табл.+илл. 2
Павлова А. Развитие космогонических представлений финно-угров Поволжья и Приуралья 1
Патрушев В. Истоки религии финно-угорских народов 1
Патрушева Т. Истоки традиционного хозяйства финно-угров европейской России 1
Плосков И. Еще раз о коми топониме летка (лэтка) 2
Попов Н. Современное язычество финно-угорских народов России 1
Сабитов С. Русские сказочные и былинные сюжеты в устном творчестве марийцев 2
Сануков К. Финно-угорские народы России: проблемы национального идентитета 1
Сануков К., Фраер П. От редакторов 1
Сарв Х. Финно-угорские народы в системе европейской цивилизации 1
Сануков К. Научная конференция по финно-угроведению и преподаванию финно-угорских языков 2
Семенова М. Аллитерация по местоположению в карело-финских рунах и марийских языческих молитвах 2
Соловар В. Средства выражения и отрицания в хантыйском предложении 2
Тираспольский Г. К проблеме контактов финно-угорских языков с праславянским 2
Чагин Г. Русские на Урале: формирование и взаимодействие с другими этносами в XVI—XIX вв. 1

Шабаев Ю. Модернизация и этничность: пример народов коми 1
Юзыкайн Э. Религиозное сознание современных мари 1
Fryer P. «Who are we?»: Observations on finno-ugrian djaspora identites in Russia 1
Lallukka S. Ural mari settlement patterns ins pre-revolutionary period 1
Polla M. The peasant family in Vuokkiniemi, Eastern Karelia, 1679—1910 1

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андуганов Юрий — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой финно-угорских языков Марийского государственного университета.

Глухова Наталья — доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорских языков Марийского государственного университета.

Гришкина Маргарита — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Удмуртского НИИ истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Данилов Олег — кандидат исторических наук, доцент, докторант Марийского государственного университета.

Иванова Маргарита - доктор исторических наук, профессор, ученый секретарь Удмуртского НИИ истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Коснырева Ольга — кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Сыктывкарского госуниверситета.

Кудрявцев Владимир — кандидат искусствоведения, заведующий отделом фольклора и искусства Марийского НИИ языка, литературы и истории им. В. Васильева.

Кудрявцева Раисия — кандидат филологических наук, ректор Института образования Министерства просвещения Республики Марий Эл.

Куклин Анатолий — доктор филологических наук, профессор кафедры марийского языка и литературы Марийского госпединститута им. Н. К. Крупской.

Куликов Кузьма — доктор исторических наук, директор Удмуртского НИИ истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Лисовская Галина — научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ Уральского отделения РАН.

Никитин Валерий — доктор исторических наук, заведующий отделом археологии Марийского НИИ языка, литературы и истории им. В. Васильева.

Никитина Галина — доктор исторических наук, заместитель директора по научным вопросам Удмуртского НИИ истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Плосков Иван — научный сотрудник отдела литературы и фольклора Института языка, литературы и истории Коми НЦ Уральского отделения РАН.

Сабитов Силантий — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой марийской литературы Марийского государственного университета.

Сапуков Ксенофонт — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной истории Марийского государственного университета.

Семенова Марианна — аспирант кафедры финно-угорских языков Марийского государственного университета.

Тираспольский Геннадий — доктор филологических наук, профессор кафедры русского и коми языков Коми государственного педагогического института.

CONTENTS

ARTICLES

Kulikov K., Nikitina G., Ivanova M. The Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Department of the Russian Academy of Sciences is 70 ... 3
Grishkina M. Nonviolence: Archetypes and Social Cultural Dominants of the Eastern Finno-Ugrics ... 26
Danilov O. Cult of Elk and Deer by the Finno-Ugric Peoples (Origin and Development) ... 36
Tiraspolsky G. To the Problem of Contacts of the Finno-Ugric Languages with the Proto-Slavic ... 57
Kaliagin S. Cooperation and Preservation of the Mari Embroidery ... 70
Kudriavtseva R. Gennady Gordeev's story «Water-mill»: methods of integral analysis ... 81

REPORTS

Kosnyreva O. Tragedy of a Strong Lone Person in the Works of Komi Writers at the End of the 20 th Century. ... 93
Lisovskaya G. K. F. Zhakov and His Novel "Through the Row of Life" in the Mythological Aspect. ... 101
Sabitov S. Russian Tale and Epic Subjects in Mari Folk-Lore. ... 107
Semionova M. Place of Alliteration in Karelian-Finnish Runes and Mari ethnic prayers. ... 112
Ploskov I. Once Again About the Komi Toponym "Letka". ... 120
Solovar V. Means of Negation Expression in a Khanty Sentence. ... 124
Malova V. Some Cases of Synonyms Origin in Highland Mari ... 130
Glukhova N. Gender Research in Mari El ... 132

SURVEYS AND REVIEWS

Kudriavtsev V. Rev.: Klimov K. M. Ensemble as a Model System in Udmurt Folk-Lore in the XIX-XX Centuries.— Izhevsk: Publishing House "Udmurtskii Universitet", 1999.– 320 p ... 136
Nikititina G. Review on the Photo Album "Old Art of Udmurtia" (Izhevsk, 2000, 28 i. p.) authors: Ivanova M. G., Kulikov K. I. ... 140
Nikitin V. Rev.: A. M. Zhulnikov. The Copper-Stone Age of Karelia (Monuments with Porous and Asbestos Ceramics). Petrozavodsk, 1999. 97 p.: tables and illustrations ... 145
Kuklin A. Rev.: Mustaev E. N. Dictionary of Mari synonyms: Marii sinonim muter.– Yoshkar-Ola-2000.— 544 p. ... 149

CHRONICLE

Kudriavtsev V. Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. Tartu, August 7—13, 2000 ... 161
Anduganov Y., Glukhova N. The International Scientific Conference "Urgent Problems of Finno-Ugric Philology", Yoshkar-Ola, November 16—17, 2000 ... 164
Sanukov K. Scholarly Conference on Finno-Ugristics and Finno-Ugric Languages Instrution ... 168
Contents of the Journal "Finno-Ugric Study" 2001 ... 171
Information about authors ... 174

«Финно-угроведение», 2001, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5360 от 11.09.2000 г.

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44.
Телефон: 64-19-28

Редактор *Т. А. Товашова*
Технический редактор *Т. А. Товашова*
Обложка художника *Ю. П. Клюкина*
Английский текст *Ж. М. Сабанцевой*

Подписано в печать 26.11.2001. Формат 60x84/16. Гарнитура Таймс.
Объем 11 п. л. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 2082. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ГУП «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112